

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

И. Б. Мощанский

УТРАТА И ВОЗМЕЗДИЕ

И.Б. Мощанский

Утрата и возмездие

Москва
Вече
2009

Мощанский И.Б.

М74 Утрата и возмездие / И.Б. Мощанский. — М. : Вече, 2009. — 192 с. — (Забытые страницы Второй мировой).

ISBN 978-5-9533-3965-0

Эта книга посвящена двум наиболее значимым для каждого россиянина событиям Второй мировой войны: героической обороне Брестской крепости и конечной фазе в сражении за Сталинград – операции «Кольцо». И если в первом случае, несмотря на отчаянное сопротивление и невиданный героизм наших воинов, Красная армия потерпела поражение, то в Сталинградской битве расплачиваться за агрессию и разбой на территории нашей Родины пришлось уже немецким захватчикам – германский военный гений был посрамлен и унижен, 6-я полевая армия вермахта перестала существовать, а генерал-фельдмаршал Паулюс впервые в немецкой истории сдался в плен.

ББК 63.3(2)622.1

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Хронология героической битвы (22 июня — 23 июля 1941 года)

Первые дни войны в Белоруссии неразрывно связаны в нашем сознании с событиями героической обороны Брестской крепости. Однако эта славная страница истории стала результатом стратегических и тактических решений, принятых в результате цепи обстоятельств противоборствующими сторонами в ходе подготовки к операции «Барбаросса» и в первые дни войны. Рассмотрению особенностей боев на Брестском направлении в июне 1941 года, а также судьбе защитников Брестской цитадели посвящена эта книга.

НЕМЕЦКИЕ ПЛАНЫ

После разгрома Франции, одного из основных противников Германии на европейском ТВД, немецкое политическое и военное руководство сразу приступило к непосредственной подготовке и планированию войны против Советского Союза.

Основной план войны против СССР, известный под условным названием план «Барбаросса», был утвержден Гитлером 18 декабря 1940 года в виде директивы № 21. Концепция плана строилась на том, что даже при своем численном и техническом превосходстве (личного состава РККА в приграничных округах СССР было значительно меньше, чем у атакующей боевой

группировки германских вооруженных сил и ее союзников. — *Примеч. авт.*) Красная армия не сможет оказать эффективного сопротивления немецким войскам и развалится при первых же поражениях. Причины подобных суждений были связаны с репрессиями 1937—1938 годов, погубившие значительную часть высших командных кадров, с неудачной для Красной армии советско-финской войной, с системой отбора для повышения по службе в предвоенные годы, как правило, совершенно безынициативных командиров, которые боялись своего руководства гораздо больше, чем врага, и, наконец, потому, что немцы считали себя «совершеннее» других народов, а русских в особенности. Последняя черта германской психологии так и не дала этой стране стать мировой державой и принесла неисчислимые бедствия остальному миру.

После разгрома Польши в 1939 году и возвращения в состав СССР утраченных в годы Гражданской войны территорий Белорусская ССР своеобразным выступом «врезалась» в пространства великогерманского рейха. В тактическом плане для Красной армии это было чрезвычайно невыгодно, и немецкое командование не преминуло быстро воспользоваться этим фактом. Противник рассматривал территорию Белоруссии (западное направление) как район, в котором будет разгромлена значительная часть основных сил сухопутных войск Красной армии. Так как весь ТВД был разделен непроходимыми для техники Припятскими болотами на северную и южную части, предполагалось нанести два удара, которые, словно «щипцы», откусят многотысячную группировку Красной армии восточнее Минска, которая затем и будет уничтожена в огромном «котле». Громадная «дыра», открывающаяся в обороне советских армий на западном направлении, вряд ли будет своевременно прикрыта, и путь на Москву (одну из главнейших целей кампании) — открыт. Войну германское командование планировало завершить за несколько недель, захватив Москву и Ленинград и выйдя на линию Архангельск — Астрахань.

Для наступления на центральном — Московском стратегическом направлении (которое на первоначальном этапе включало и территорию Белоруссии) предназначалась группа армий

Танки и САУ 2-й танковой группы вермахта (по состоянию на вечер 21 июня 1941 года)

Соединения и части	Матерьяальная часть									Всего
	Pz.Kpfw.I	Pz.Kpfw.II	Pz.Kpfw. III (37)	Pz.Kpfw.III (50)	Pz.Kpfw.IV	Команд.	Огнем.	Троф.	САУ	
3 тд ²	–	58	29	81	32	15	–	–	–	215
4 тд ²	–	44	31	74	20	8	–	–	–	177
10 тд ¹	–	45	–	105	20	12	–	–	–	182
17 тд	12	44	–	106	30	10	–	–	–	202
18 тд ²	6	50	99	15	36	12	–	–	–	218
100 отб (огн.) ³	–	25	5		–	1	42	9	–	82
521 сад ⁴	–	–	–	–	–	4	–	–	27	31
543 сад ⁴	–	–	–	–	–	4	–	–	27	31
611 сад	–	–	–	–	–	4	–	–	27	31
Всего ⁵	18	266	164	381	138	70	42	9	81	1169

¹ Кроме танков 10 тд в 46-м моторизованном корпусе в составе мотополка вермахта «Великая Германия» находилась отдельная батарея штурмовых орудий StuG III (6 единиц).

² Кроме бронетанковой техники в 3-м батальоне 6-го танкового полка 3-й танковой дивизии, в 18-м танковом полку 18-й танковой дивизии и в 35-м полку 4-й танковой дивизии находились танки подводного хода (Tauchpanzer), способные преодолеть значительные водные преграды и оснащенные специальным оборудованием. Первые такие машины, созданные на базе моделей Pz.Kpfw.III Ausf.G, Ausf.H или Ausf.E, поступили в войска в 1940 году.

³ Наряду с германскими огнеметными и линейными машинами в составе 100-го огнеметного батальона находилось 9 трофейных (линейных) британских крейсерских машин A13.

⁴ В составе 24-го моторизованного корпуса вермахта находились 521-й и 543-й танкоистребительные дивизионы (по 27 САУ Panzerjaeger I и 4 командирских танка на базе Pz.Kpfw.I Ausf.B в каждом), а в составе 47-го моторизованного корпуса – 611-й танкоистребительный дивизион (27 47-мм САУ и 4 командирские машины на базе французских трофейных танков «Рено» R-35).

⁵ Следует добавить, что в 7-й армейский корпус 4-й полевой армии вермахта входил 529-й танкоистребительный дивизион (27 САУ Panzerjaeger I и 4 командирских танка), а также несколько дивизионов штурмовых орудий (18 САУ по штату) и батарея САУ из полка вермахта «Великая Германия» (6 единиц по штату).

«Центр» под общим командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Она состояла из 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп, насчитывавших 50 дивизий и 2 бригады (51 расчетная дивизия). Ее поддерживал 2-й воздушный флот германских ВВС под командованием генерал-фельдмаршала Кессельринга, насчитывавший 344 фронтовых бомбардировщика (He111, Ju88, Do17), 307 пикирующих бомбардировщиков Ju87, 525 истребителей Bf109, 87 тяжелых истребителей Bf110, 30 разведчиков, 261 корректировщик Hs126, 83 транспортных самолета Ju52. Всего 1637 единиц.

Основным направлением наступления являлось северное (севернее Припятских болот), где группа армий «Центр» взаимодействовала с группой армий «Север». Там находилась 3-я танковая группа и частично 9-я полевая армия вермахта. В составе южной группы армий «Центр», которая должна была действовать в том числе и на Брестском направлении, действовала 2-я танковая группа и 4-я полевая армия вермахта.

2-я танковая группа вермахта под командованием генерал-полковника Гудериана находилась в оперативном подчинении у командующего 4-й полевой армией генерал-фельдмаршала фон Клюге. Структурно она состояла из 24-го (3 тд, 4 тд, 10 мд, 1 кд, 267 пд, а также 521-го и 543-го дивизионов САУ — истребителей танков), 46-го (10 тд, мп «Великая Германия», мд СС «Рейх»), 47-го (17 тд, 18 тд, 29 мд, 167 тд, а также 611-й дивизион истребителей танков) моторизованных корпусов, а также 12-го (31 тд, 34 тд, 45 тд) армейского корпуса, приданного группе из состава 4-й полевой армии. 255-я пехотная дивизия также была придана штабу 2-й танковой группы. Гудериан получил задачу совместно с 4-й полевой армией прорвать пограничные укрепления в районе Бреста и севернее и, наступая в направлениях Пружаны, Барановичи и Кобрин, Старые Дороги, быстро выйти в район Минска и Слуцка. В дальнейшем, оперативно продвигаясь в восточном направлении, достигнуть района Смоленска и южнее его. Основные силы группы сосредоточились вблизи Бреста и к северу от него с тем, чтобы после переправы через р. Западный Буг и прорыва укреплений они могли наступать вдоль дорог в направлениях: 24-й мотори-

зованный корпус — Брест, Бобруйск; 47-й моторизованный корпус — Соколув — Подляски, Пружаны, Барановичи; 46-й моторизованный — во втором эшелоне по обоим маршрутам одновременно.

Всего во 2-й танковой группе насчитывалось 1169 танков и САУ различных марок. Также 172 САУ (штурмовые орудия StuG III, истребители танков Panzerjaeger I или 35R) были приданы корпусам и дивизиям группы армий «Центр». Часть из них действовала в составе пехотных соединений 4-й полевой армии.

4-я полевая армия состояла из 7-го (7, 23, 258, 268 пд, а также 529-го дивизиона САУ — истребителей танков), 9-го (137, 263, 292 пд), 13-го (17, 78 пд) и 43-го (131, 134, 252 пд) армейских корпусов. Она имела задачу сосредоточить главные силы по обе стороны Бреста и действовать совместно со 2-й танковой группой. На левом фланге 4А должна была прорвать пограничные укрепления Соколув — Подляски, Острув — Мозовецки и наступать через Белосток на Волковыск. Продвигаясь основными силами через р. Шара в районе Слонима и южнее и используя успех танковой группы, во взаимодействии с 9-й армией уничтожить советские войска между Белостоком и Минском. В дальнейшем, следуя за 2-й танковой группой и прикрывая фланг группы армий со стороны Припятских болот, захватить переправы через реку Березина на участке Бобруйск, Борисов, а затем форсировать Днепр и овладеть районом Могилева и севернее его.

Тылы группировки прикрывали 221-я и 286-я охранные дивизии.

К исходу 21 июня 1941 года войска группы армий «Центр» были развернуты в двух ярко выраженных наступательных группировках: первая — 3-я танковая группа и основные силы 9-й армии (17,5 из 20,5 расчетных дивизий, или 85 % сил) — в сувалкском выступе против стыка двух советских военных округов: левого фланга 11-й армии Прибалтийского Особого военного округа и правого фланга 3-й армии Западного Особого военного округа; вторая — 2-я танковая группа и большая часть войск 4-й полевой армии (26,5 из 30,5 расчетных дивизи-

**Боевой и численный состав ударной группировки противника к 21 июня 1941 года,
развернутой в полосе 4-й армии**

	Количество													Всего орудий И минометов
	Частей и соединений	людей	танков				пушек			гаубиц		минометов		
			тяжелых	средних	легких	всего	ПТО 20—50-мм	75—210-мм	зенит. 20—37/88-мм	105—150-мм	210-мм	50-мм	81-мм	
Первый эшелон														
Пехотных дивизий	9,5	160 200	-	-	-	-	713	247	114/-	456	-	798	513	2841
Танковых дивизий	4	64 000	100	378	210	688	216	96	40/-	144	-	192	120	808
Моторизованных дивизий	2	28 100	-	-	-	-	146	40	-	72	-	132	84	474
Кавалерийских дивизий	1	18 000	-	-	-	-	68	26	-	40	-	9	34	177
Итого	16,5	270 300	100	378	210	688	1143	409	154/-	712	-	1131	751	4300
Второй эшелон														
Пехотных дивизий	0,5	8400	-	-	-	-	38	13	6/-	24	-	42	27	150
Танковых дивизий	1	16 000	20	75	40	135	54	24	10/-	36	-	48	30	202
Моторизованных дивизий	1	14 000	-	-	-	-	73	20	-	36	-	66	42	237
Охранных дивизий	1	11 200	-	-	-	-	-	16	-	24	-	50	30	120
Моторизованных бригад	1	6000	-	-	-	-	31	10	21/-	12	-	30	18	122
Итого	4,5	55 600	20	75	40	135	196	83	37/-	132	-	236	147	831

	Количество													Всего орудий И минометов
	Частей и соединений	людей	танков				пушек			гаубиц		миноме- тов		
			тяжелых	средних	легких	всего	ПТО 20—50-мм	75—210-мм	зенит. 20—37/88-мм	105—150-мм	210-мм	50-мм	81-мм	
Резерв группы армий														
Пехотных дивизий	1	16 900	-	-	-	-	75	26	12/-	48	-	84	54	299
Итого	1	16 900	-	-	-	-	75	26	12/-	48	-	84	54	299
Усиление (части РКК)														
Дивизионов штурмовых орудий	4	-	-	-	-	-	-	72	-	-	-	-	-	72
Артиллерийских дивизионов	30	-	-	-	-	-	-	122	-	112	90	-	-	324
Ж.-д. батарей	5	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	-	-	20
Зенитно-артиллерийских дивизионов	2	-	-	-	-	-	-	-	-/72	-	-	-	-	72
Зенитных батальонов	3	-	-	-	-	-	-	-	108/-	-	-	-	-	108
Зенитных батарей	5	-	-	-	-	-	-	-	45/-	-	-	-	-	45
Истребительно-противотанковых дивизионов	4	-	-	-	-	-	117	-	-	-	-	-	-	117
Итого		342 800	120	453	250	823	1531	732	356/72	1004	90	1451	952	6188

* Источники: германское командование – Keilig W. Das Deutsche Heer 1939-1945. Bd. I. S34/11-16; ЦАМО, ф. 500, оп. 724438, д. 492, л. 12—86; советское командование – Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1963; Командование корпусного и дивизионного звена Советских Вооруженных Сил периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1964.

зий, свыше 86 % сил) — в районе западнее и северо-западнее Бреста. При этом 21 дивизия и 1 бригада были развернуты на участке Влодава, Дрогичин против 4-й армии Западного Особого военного округа КА, прикрывавшей Брестское направление. Против 10-й армии округа, находившейся в белостокском выступе, глубоко вдававшемся на запад, имелось 12 пехотных дивизий, основная часть которых (8 дивизий) была развернута против левого фланга армии.

Таким образом, используя начертание государственной границы на западном направлении, ударные группировки противника заняли охватывающее положение по отношению основных сил Западного Особого военного округа.

НАША ОБОРОНА

Общее руководство советскими войсками в Белоруссии и в Смоленской области РСФСР осуществляло командование Западного Особого военного округа (ЗапОВО). ЗапОВО был образован приказом наркома обороны СССР 11 июля 1940 года. Организационно войска округа под командованием генерала армии Д.Г. Павлова (член Военного совета — корпусной комиссар А.Ф. Фомин, начальник штаба — генерал-майор В.Е. Климовских) входили 4 полевые армии, 3 из которых (3, 4, 10-я) были развернуты вдоль государственной границы, а 13-я только формировалась. Общая численность войск округа и подчиненной ему Пинской военной флотилии составляла 627 300 человек.

4-я армия (командующий — генерал-майор А.А. Коробков, член Военного совета — дивизионный комиссар Ф.И. Шлыков, начальник штаба — полковник Л.М. Сандалов) Западного Особого военного округа со штабом в г. Кобрин обороняла участок протяженностью 150 км на Брестском направлении. На фронте в 150 км (25 % фронта группы армий «Центр») противник развернул 21,5 расчетной дивизии, или свыше 40 % сил этой группы армий, и не менее половины артиллерийских, инженерных и других частей усиления. Это еще раз свидетельствовало о том, что в полосе 4-й армии противник готовил хотя и

и таблицах боевой состав войск и частей усиления был взят из приложения 1 к документу по «плану Барбаросса» № 500/41 от 13 февраля 1941 года с учетом внесенных в него уточнений по состоянию на 6 июня 1941 года и сверен с трофейной отчетной картой германского командования сухопутных войск (ОКХ) на 21 июня 1941 года; численный состав, количество артиллерии и танков в частях и соединениях были взяты равными их штатному количеству, так как перед нападением на СССР все они были полностью укомплектованы).

А что же представляла собой 4-я армия Западного Особого военного округа? К 22 июня 1941 года ее штатная структура определялась апрельской 1941 года директивой ЗапОВО, в которой войсковым объединениям ставились задачи по обороне государственной границы. 4А относилась к армиям первого эшелона этого округа, войска которых распределялись по районам прикрытия. Практически это означало, что каждая из армий первого эшелона организовывала свой район прикрытия (всего в Белоруссии было 4 таких района. — *Примеч. авт.*).

Для 4-й армии ответственным направлением являлось направление Брест, Барановичи. Исходя из этого ей была нарезана полоса с разграничительными линиями: справа — (иск.) Дрогичин, (иск.) Гайновка, Коссово; слева — (иск.) Демблин, Влодава, Нежеж и далее по реке Припять.

Затем в связи с изменением правой разграничительной линии округ передал для строительства южный участок Замбровского укрепленного района 74-му управлению начальника строительства (УНС) и включил его в состав Брестского укрепленного района.

В директиве Западного Особого военного округа был определен следующий состав армейского района прикрытия № 4 (Брестского): управление 4-й армии; управление 28-го стрелкового корпуса с корпусными частями; Орловская 42, 6, 75-я и Краснознаменная 100-я стрелковые дивизии; управление 14-го механизированного корпуса с корпусными частями; 22-я и 30-я танковые и 205-я моторизованные дивизии; 120-й и 138-й гаубичные артиллерийские полки РГК; 62-й Брестский укрепленный район; 10-я смешанная авиационная дивизия и

17-й (Брестский) пограничный отряд (в некоторых источниках погранотряд именуется 89-м. — *Примеч. авт.*). Начальником района прикрытия являлся командующий 4-й армией.

Для командования 4А вначале было неясно, почему в состав армейского района прикрытия не была включена 49-я стрелковая дивизия, в то время как полоса армии по директиве расширялась за счет Семятичского 100-км участка Замбровского укрепленного района (в качестве управления коменданта при- было 62-е управление из Мозырского укрепленного района во главе с генерал-майором М.И. Пузыревым). При уточнении в штабе округа выяснилось, что по окружному плану прикрытия позднее на стыке 4-й и 10-й армий намечалось создание района прикрытия № 3 из войск 13-й армии, в состав которой включалась 49-я стрелковая дивизия 4-й армии и 113-я стрелковая дивизия 10-й армии. Пока же этот будущий район временно включался в полосы 4-й и 10-й армий. 49-ю и 113-ю стрелковые дивизии до прибытия управления 13-й армии надлежало использовать на оборонительных работах на левом фланге 10-й армии, а 42-ю стрелковую дивизию, включенную в состав района прикрытия № 4, — на правом фланге 4-й армии. Таким образом, эти три дивизии должны были работать на территории будущего района прикрытия № 3.

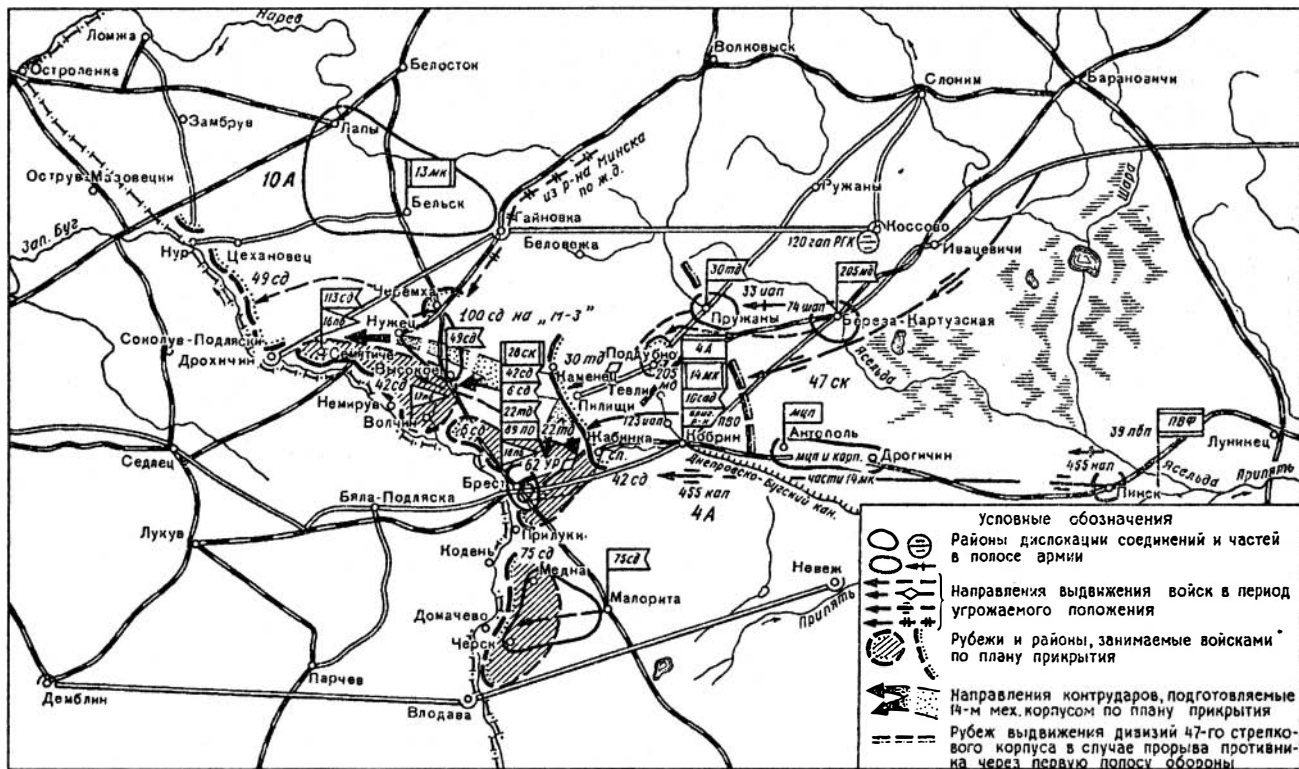
Планы ЗапОВО по развертыванию этого района прикрытия до начала войны так и остались нереализованными, но серьезно ослабили систему обороны 4А (в ее полосу была включена половина района прикрытия № 3). Практически это означало, что 49-й стрелковой дивизии 4-й армии ^{vihot} надлежало производить оборонительные работы вне полосы армии на Бельском направлении от Нура до Дрогичина и занимать этот участок по тревоге, а 42-й стрелковой дивизии на Семятичском участке Замбровского укрепленного района — от Дрогичина до Немирува, то есть в районе дислокации 49 сд. При этом участок от Дрогичина до Немирува после сформирования новой 13А переходил в состав района прикрытия № 3 и предназначался для занятия 113 сд, а 42 сд возвращалась для оборонительных работ на рубеж от Немирува на юго-восток. Следовательно, до перехода управления района прикрытия № 3 в подчинение

13-й армии войска должны были производить оборонительные работы в готовности занять те участки, которые указывались в директиве округа. Этим определялось, что в случае открытия военных действий части трех дивизий (42, 49, 113 сд) вынужденно перебрасывались по тревоге на расстояние 50—75 км. Но вряд ли можно было рассчитывать, что они смогут своевременно занять свои рубежи обороны.

Управление 13-й армии начало формироваться в мае 1941 года в Могилеве. Командование армии имело указание о предстоящей передислокации в Бельск, но директив по плану прикрытия от штаба округа оно не имело. 49-ю стрелковую дивизию 4-й армии и 113-ю стрелковую дивизию 10-й армии после сформирования 13-й армии предполагалось подчинить 2-му стрелковому корпусу, управление которого вообще находилось в Минске.

Это привело к тому, что до начала войны район прикрытия № 3 так и не успели создать. Управление 2-го стрелкового корпуса не объединило 49-ю и 113-ю стрелковые дивизии. 13-й механизированный корпус генерал-майора П.Н. Ахлюстина (25, 31 пд, 208 мд, 18 мцп, 521 обс, 77 омиб), дислоцировавшийся в районе Лапы, Гайновка, не закончил формирования, материальной частью обеспечен был слабо (всего 295 танков и 34 броневедомола). Более-менее боеготовой была только 25 тд (228 Т-26 и Т-37А/38, а также 2 БА-20 и 1 БА-10). Управление 13-й армии не прибыло в район Бельска. Замбровский укрепленный район не был достроен и был без вооружения. Все это имело тяжелые последствия, так как в первый же день войны ни 49-я и 113-я дивизии, ни 13-й мехкорпус ни от кого задач не получили, вели бои, никем не управляемые, и под ударами врага отступали на северо-восток, в полосу 10-й армии.

Собственно в состав 4-й армии входил только 28-й стрелковый корпус, состоящий из 6-й и 42-й стрелковых дивизий, а также 477-го и 455-го корпусных артиллерийских полков, и дивизии армейского подчинения: 49-я и 75-я стрелковые. 14-й механизированный корпус был подчинен 4А только оперативно и дислоцировался в ее границах. Там же находились 120-й гаубичный артиллерийский полк РГК, 62-й Брестский

Дислокация войск в полосе 4-й армии на 1 июня 1941 года и решение командующего армией по плану прикрытия

**Численный состав первого и второго боевых эшелонов
4-й армии к началу войны**

	Частей и соединений	Количество									Всего орудий и минометов	
		людей	танков легких	пушек			гаубиц		минометов			
				ПТО 45-мм	76-мм и крупнее	зенитных 37/85-мм	122—152-мм	203—280-мм	50-мм	80—120-мм		
Первый эшелон												
Стрелковых дивизий	4	40 200	-	216	136	32/16	176	-	336	264	1176	
Танковых дивизий	1	8800	235	6	4	4/-	24	-	27	12	77	
Корпусных артиллерийских полков и отдельных зенитных артиллерийских дивизионов	2	Нет данных	-	-	-	-/12	36	-	-	-	48	
Укрепленных районов	1	1000	-	Нет данных								
Итого:	дивизий	5	50 000	235	222	140	36/28	236	-	363	276	1301
	частей	3										
Второй эшелон												
Танковых дивизий	1	9100	189	-	4	4/-	24	-	22	12	66	
Моторизованных дивизий	1	9600	54	30	32	4/4	24	-	54	8	156	

		Частей и соединений	Количество									Всего орудий и минометов	
			людей	танков легких	пушек			гаубиц		минометов			
					ПТО 45-мм	76-мм и крупнее	зенитных 37/85-мм	122—152-мм	203—280-мм	50-мм	80—120-мм		
Корпусных артиллерийских полков		1	Нет дан-ных	-	-	-	-	36	-	-	-	36	
Итого:	дивизий	2	18 700	243	30	36	-	84	-	76	20	258	
	частей	1											
Усиление (части РГК)													
Гаубичных полков		1	Нет дан-ных	-	-	-	-	-	24	-	-	24	
Зенитных артиллерийских дивизионов ПВО		2		-	-	-	-/24	-	-	-	-	-	24
Отдельных зенитных артиллерийских батарей		1		-	-	-	4/-	-	-	-	-	-	4
Итого:	дивизий	3	-	-	-	-	4/24	-	24	-	-	52	
	частей	1											
Всего в группировке													
дивизий		7	68 700	476	252	176	48/56	320	24	439	296	1611	
частей		7											
подразделений		1											

* Всего в группировке: дивизий – 21,5, дивизионов – 43, батарей – 10.

укрепленный район (16, 17, 18-й пулеметно-артиллерийские батальоны), Кобринский бригадный район ПВО (218-й и 298-й дивизионы ПВО РГК, 28-я отдельная зенитная артиллерийская батарея, 11-й батальон ВНОС), 10-я смешанная авиационная дивизия ВВС (33-й и 123-й истребительные полки, 74-й штурмовой авиационный полк, 39-й бомбардировочный полк).

В районе Бреста 4-я армия разместилась в сентябре 1939 года, после освобождения Западной Белоруссии. Дислокация войск Красной армии в этом районе вначале была подчинена не оперативным соображениям, а определялась наличием казарм и помещений, пригодных для размещения войск. Этим, в частности, объясняется скученное расположение половины войск 4-й армии со всеми их складами неприкосновенных запасов (НЗ) на самой границе в Бресте и бывшей Брестской крепости. Даже окружной военный госпиталь находился в помещениях крепости.

Проблема дефицита помещений имела еще одну отрицательную сторону. После передислокации войск к новой границе в ущерб боевой подготовке красноармейцы начали привлекаться к строительству пограничных оборонительных сооружений, жилых помещений, складов, столовых, конюшен, стрельбищ, тиров, танкодромов, спортгородков и т.д. Большое количество л/с, кроме того, отрывалось от боевой подготовки для охраны многочисленных карликовых военных складов и несения службы суточного наряда.

Дислокация войск 4-й армии определялась не только экономическими (дефицит помещений), но и политическими составляющими.

Маршал Советского Союза В.И. Чуйков, бывший до весны 1941 года командующим 4-й армией, в своих воспоминаниях писал: «Кто решался задавать вопросы об обороне брестского направления, считался паникером».

Войска армии к началу войны так и не были развернуты и находились в следующем состоянии.

28-й стрелковый корпус: управление корпуса, 447-й корпусной артиллерийский полк, управления 6-й и 42-й стрелковых дивизий размещались в Бресте; стрелковые полки 6-й и

два полка 42-й стрелковых дивизий — в Брестской крепости; один стрелковый полк 42-й стрелковой дивизии — в Жабинке, артиллерийский полк этой дивизии — в районе Петровичей (3 км западнее Хведковичей).

49-я стрелковая дивизия: управление и артиллерийский полк — в н/п Высокое, стрелковые полки и остальные части — в пунктах Черемха, Стаця-Нужец, Ментна.

75-я стрелковая дивизия: управление, один стрелковый и один артиллерийский полки — в землянках в районе Малориты, один стрелковый полк в Черске, один стрелковый и один артиллерийский полки — в Медной.

Стрелковые дивизии 4-й армии, как и многие другие стрелковые соединения РККА, с апреля 1941 года переводились на новые штаты (утверждены 5 апреля 1941 года). Реформа в подобный период, несмотря на благие намерения, иногда делала неплохие, в общем, стрелковые дивизии (средняя укомплектованность сд в ЗапОВО к началу войны составляла 9327 человек. — *Примеч. авт.*) временно небоеспособными.

По новому штату № 4/100 типовая стрелковая дивизия мирного времени включала в себя три стрелковых полка, гаубичный и артиллерийский полки, отдельный зенитный и противотанковый дивизионы, разведывательный, саперный, автотранспортный и медико-санитарный батальоны, батальон связи, химическую роту, взвод регулировщиков и полевой хлебозавод. Состав подобного соединения был следующий: л/с — 10 291 чел., автомобилей — 414, лошадей — 1935, винтовок и карабинов — 7818, станковых пулеметов — 164, ручных пулеметов — 371, пистолетов-пулеметов — 1159, 37- и 45-мм орудий — 62, 76- и 122-мм орудий — 70, 152-мм орудий — 12, минометов — 150. По мобилизации все стрелковые дивизии пополнялись приписным составом и переводились на штат военного времени — № 4/400. В таком соединении было: л/с — 14 483 чел., автомобилей — 558, лошадей — 3039, винтовок и карабинов — 10 420, станковых пулеметов — 166, ручных пулеметов — 392, пистолетов-пулеметов — 1204, 37- и 45-мм орудий — 54, 76- и 122-мм орудий — 66, 152-мм орудий — 12, минометов — 150.

По сравнению со стрелковыми соединениями старого штата количество л/с уменьшалось на 15,6 % (14,5 тыс. вместо 17 тыс.), конского состава — на 28 %, автомашин — на 32 %, винтовок и карабинов — на 12,4 %, пистолетов-пулеметов — на 23,6 %. Количество станковых пулеметов, орудий и минометов всех калибров оставалось прежним (минометов калибра от 50 до 120-мм — 150, 45-мм пушек — 54, 37- и 76-мм зенитных пушек — 12, 76-мм пушек — 34, 122- и 152-мм гаубиц — 44).

По замыслу создателей штатного расписания, дивизия становилась менее громоздкой и более маневренной. Однако существенным недостатком новых штатов было то, что они не предусматривали увеличения противотанковых и зенитных средств, различных автомобилей и тракторов. Поэтому противотанковая оборона советских стрелковых дивизий была довольно слабой. Предполагалось, что в случае необходимости для противотанковой обороны дивизия могла использовать 88 орудий батальонной артиллерии и 76-мм пушек. Еще хуже обстояло дело со средствами ПВО. В дивизии имелся только отдельный зенитный дивизион, состоявший из трех батарей — всего четыре 76-мм, восемь 37-мм зенитных орудий и одна зенитно-пулеметная установка (ЗПУ) — счетверенный пулемет «Максим» на автомобиле ГАЗ-ААА. Так же как и ранее, артиллерийские полки дивизий и вся артиллерия стрелковых полков оставались на конной тяге. Зато все отдельные артиллерийские дивизионы, а в некоторых стрелковых дивизиях и гаубичные полки, переводились на механическую тягу (99 тракторов: 21 «Комсомолец», 48 СТЗ-3, 5 СТЗ-5, 25 С-65). В артиллерийских полках стрелковых дивизий, как и в корпусных артиллерийских полках, устаревшая матчасть заменялась новыми 122-мм гаубицами М-30 и 152-мм гаубицами М-10, 76-мм пушками Ф-22 и Ф-22 УСВ. Намечалось обеспечить стрелковые дивизии противотанковыми минами, но, к сожалению, это мероприятие проведено не было.

Основным вооружением стрелковых соединений Красной армии того времени по-прежнему была знаменитая «трехлинейка» — 7,62-мм винтовка Мосина образца 1891 года, прошедшая модернизацию в 1930 году. Следует отметить, что помимо нее в армии было большое количество 7,62-мм автоматических вин-

товок АВС и самозарядных винтовок СВТ. К июню 1941 года их насчитывалось в войсках более миллиона.

Пистолетов-пулеметов калибра 7,62-мм моделей ППД и ППП (из-за изменявшейся концепции на их применение) было немного. К июню 1941 года в РККА насчитывалось около 90 тыс. экземпляров, в сд — в основном у комсостава и разведчиков.

Основными типами пулеметов в Красной армии были 7,62-мм ручной пулемет Дегтярев-пехотный образца 1927 года (ДП) и 7,62-мм станковый пулемет системы Максима образца 1910—1930 годов. Они не обладали высокой скорострельностью, но были весьма надежны и неприхотливы в обслуживании. Осенью 1940 года оба этих пулемета были сняты с серийного производства и заменены 7,62-мм «единым» пулеметом ДС (Дегтярев — станковый). До начала войны в войска западных военных округов поступило около 10 тыс. пулеметов этой конструкции, впоследствии снятых с вооружения из-за сложностей эксплуатации. «Максимы» и ДП были вновь восстановлены на производстве и провоевали всю войну.

В качестве оружия самообороны и для комсостава использовался 7,62-мм револьвер системы Нагана образца 1895 года, модернизированный в 1930—1931 годах, а также 7,62-мм пистолет ТТ (Тула — Токарев) образца 1933 года. Главными достоинствами нагана были простота и надежность, поэтому он выпускался одновременно с пистолетом ТТ. В 1938 году было изготовлено 98 тыс. револьверов, в 1941 году — 118 453 единицы. Мощный пистолет ТТ был эффективнее нагана, но имел свои недостатки. Прежде всего, он был малопригоден для применения в бронетанковых войсках, так как из-за своей формы не позволял вести стрельбу через спецщели в танке и бронемашине. Танкисты пользовались им очень неохотно, предпочитая в качестве оружия самообороны револьвер наган. Кроме того у ТТ иногда из рукоятки самопроизвольно выскакивал магазин. Но эквивалентной замены ТТ не было, и производство его наращивалось. В 1938 году было произведено 87 022 пистолета, в 1941 году — 120 903 единицы.

К основным гранатам, которыми вооружались советские бойцы и командиры, относились три образца: ручная граната

РГД-33 системы Дьяконова образца 1933 года; ручная граната Ф-1 (оборонительная), изобретенная конструктором Лемоном в начале XX века (поэтому и название — «лимонка»), и ручная противотанковая граната РПГ-40 образца 1940 года. Правда, еще эпизодически использовалась ружейная осколочная граната Дьяконова образца 1930 года (калибр 40,6 мм). Но из-за несовершенства конструкции, сложности и дороговизны производства ее выпуск был прекращен, и она была снята с вооружения.

В целом пехота Красной армии, в том числе и 4-й армии, была неплохо вооружена и уступала аналогичным соединениям вермахта только по ряду незначительных параметров (связь, использование отдельных видов автоматического оружия), а по некоторым и превосходила. Проблема заключалась в другом. Опытные военнослужащие, прошедшие Финскую кампанию, уже уволились в запас. Состав новобранцев, прибывших им на смену, различался этнической пестротой (в пехоту обычно отправляли самых слабообразованных призывников) и отсутствием боевого опыта. Тем более, что с 1939 по 1941 год военнослужащие 4А, размещенной на новом месте дислокации, больше занимались строительством, нежели боевой подготовкой. Спервыми боями выявились и этнопсихологические проблемы: русский боец (а русские, как правило, составляли большинство во всех соединениях РККА) природно храбр (может быть, даже более, чем немец), вынослив и неприхотлив, но гораздо менее организован, чем германский солдат. Там, где в вермахте достаточно было и ефрейтора, в Красной армии обычно требовался лейтенант. Меньше организованности — больше потери. Другой аспект проблемы был еще «тоньше»: СССР своей родиной во всех смыслах (как территорию и образ жизни) считали не все народы, проживающие на пространствах Советского Союза, а многие из них (народов) или не очень понимали суть противоборства, или, особенно на начальном этапе, вообще видели в немцах освободителей от коммунизма и колониализма.

«Особой кастой» Вооруженных сил СССР были пограничные войска НКВД. В оперативном подчинении командующего 4-й армией был 17-й (Брестский) погранотряд под командова-

нием майора А.П. Кузнецова. Пять его комендатур объединяли целых 20 застав, охранявших государственную границу по реке Буг протяженностью 182 км. Штаб отряда, рота связи и комендантский взвод общей численностью 70 человек находились в самом городе Бресте. Автотранспортная рота, саперный взвод отряда, штаб 3-й комендатуры, 9-я застава размещались в крепости, там же была и окружная школа шоферов Белорусского погранокруга. Накануне войны в крепости проходили сборы пограничников-кавалеристов. Руководителем сборов был назначен лейтенант Г.С. Жданов. В отличие от многонациональной Красной армии, погранвойска комплектовались преимущественно славянским, более образованным, призывным контингентом, а упор в боевой подготовке был сосредоточен на повышении индивидуальной выучки каждого бойца.

Возвращаясь к оценке системы обороны 4А, необходимо сказать, что для строительства полевых позиций вся приграничная полоса была разбита на батальонные районы, которые оборудовались последовательно: вначале — подлежащие занятию войсками по тревоге, а в последующем и другие — в зависимости от их важности. С мая 1941 года на строительстве оборонительных сооружений в приграничной полосе работали по одному стрелковому батальону от каждого стрелкового полка дивизий.

Позиции, которые строились в виде опорных пунктов и батальонных узлов, состояли из дерево-земляных и частично из бутовых сооружений, а также из окопов и незначительного количества заграждений. Окопы строились преимущественно в виде отдельных прямоугольных ячеек на одного-двух человек без ходов сообщения и без маскировки; противотанковые заграждения создавались только на отдельных участках в виде противотанковых рвов и надолбов, которые достаточно легко могли быть обойдены германскими танками. Противопехотные заграждения не минировались, так как не хватало мин. Командных и наблюдательных пунктов имелось незначительное количество.

Лучше других были оборудованы полевые позиции в полосе 6-й стрелковой дивизии, несколько слабее — в полосе 75-й

**Командный состав* противоборствующих сторон
(Брестское направление – на 22 июня 1941 года).**

Германия/Группа армий «Центр»	
4-я полевая армия	генерал-фельдмаршал фон Клюге Гюнтер
7-й армейский корпус	генерал артиллерии Фармбахер Вильгельм
9-й армейский корпус	генерал пехоты Хейнрици Готтард
13-й армейский корпус	генерал пехоты Фелбер Ганс
7-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант фон Габлер Экард
17-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Лох Герберт
23-я пехотная дивизия	генерал-майор Хеллмин Гейнц
78-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Галлеикамп Курт
252-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Бойм-Безинг Дитер
258-я пехотная дивизия	генерал-майор Хенрики Вольдемар
263-я пехотная дивизия	генерал-майор Хаекель Эрнст
268-я пехотная дивизия	генерал-майор Штраубе Эрих
292-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Децел Мартин
131-я пехотная дивизия	генерал-майор Мейер-Бюрдорф Генрих
134-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант фон Кохенхаузен Конрад
137-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Бергман Фридрих
221-я охранная дивизия	генерал-лейтенант Пфлугбенл Юхан
286-я охранная дивизия	генерал-лейтенант Мюллер Курт
2-я танковая группа	генерал-полковник Гудернан Гейнц
24-й моторизованный корпус	генерал кавалерии Гейр фон Швеппенбург Лео
46-й моторизованный корпус	генерал танковых войск Фиттинггоф Генрих
47-й моторизованный корпус	генерал артиллерии Лемельзен Иоахим
12-й армейский корпус	генерал пехоты Шроч Вальтер
3-я танковая дивизия	генерал-лейтенант Модель Вальтер
7-я танковая дивизия	генерал-майор фон Функ Ганс
10-я танковая дивизия	генерал-лейтенант Шааль Фердинанд

17-я танковая дивизия	генерал-лейтенант фон Арним Ганс-Йорген
18-я танковая дивизия	генерал-майор Неринг Вальтер
10-я моторизованная дивизия	генерал-лейтенант фон Лопер Фридрих-Вильгельм
29-я моторизованная дивизия	генерал-майор фон Больтернтерн Вальтер
Мотодивизия СС «Рейх»	группенфюрер СС Хауссер Карл
1-я кавалерийская дивизия	генерал-майор Фелдт Курт
31-я пехотная дивизия	генерал-майор Калмыков Курт
34-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Беляндорф Ганс
45-я пехотная дивизия	генерал-майор Шлипер Фриц
255-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Ветзель Вильгельм
267-я пехотная дивизия	генерал-майор фон Вачтер Фридрих-Карл
167-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Шенхарл Ганс
53-й армейский корпус	генерал пехоты Вейсенбергер Карл
293-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант фон Оберните Юстин
мотодивизия «Великая Германия»	генерал-майор фон Штокхаузен Вильгельм
2-й воздушный флот	генерал-фельдмаршал Кессельринг Альберт
8-й авиационный корпус	генерал авиации фон Рихтгофен Вольфрам
СССР/4-я армия Западного Особого военного округа	
4-я общевойсковая армия	генерал-майор Коробков Александр Андреевич
28-й стрелковый корпус	генерал-майор Попов Василий Степанович
6-я стрелковая дивизия	полковник Попсуй-Шапко Михаил Антонович
49-я стрелковая дивизия	полковник Васильев Константин Федорович
42-я стрелковая дивизия	генерал-майор Лазаренко Иван Сидорович
75-я стрелковая дивизия	генерал-майор Недвигин Семен Иванович
14-й механизированный корпус	генерал-майор Оборин Степан Ильич
22-я танковая дивизия	генерал-майор Пуганов Виктор Павлович
30-я танковая дивизия	полковник Богданов Семен Ильич
205-я моторизованная дивизия	полковник Кудюров Филипп Филлипович

* Источники: германское командование – Keilig W. Das Deutsche Heer 1939—1945. Bd. I. S34/11—16; ЦАМО, ф.500, оп. 724438, д. 492, л. 12—86; советское командование – Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1963; Командование корпусного и дивизионного звена Советских Вооруженных Сил периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1964.

стрелковой дивизии, и совсем плохо — в полосе 42-й стрелковой дивизии, так как ее стрелковые батальоны ежемесячно меняли районы строительства укреплений.

Работа по полевому усилению Брестского укрепленного района и оборудованию полевых позиций на левом фланге 4-й армии и полосе 75-й стрелковой дивизии с начала июня 1941 года производилась ускоренными темпами. По приказу округа на оборонительные работы привлекалось уже по два батальона от каждого стрелкового полка дивизии.

Согласно окружным и армейским планам войска Брестского района № 4, расположенные на государственной границе и в непосредственной близости от нее, с объявлением боевой тревоги немедленно занимали оборону, намеченную по плану. Это касалось прежде всего 6-й и 75-й стрелковых дивизий. Сроки подъема по тревоге и занятия оборонительных позиций для 6 сд устанавливались в 6—9 часов, для 75 сд — 4—10 часов. Для остальных стрелковых соединений 4А эти нормативы варьировались в пределах от 30 часов (42 сд) до трех суток (100 сд).

Первым и основным рубежом обороны в полосе армии являлся Брестский укрепленный район, первая позиция которого строилась на восточном берегу реки Западный Буг и воспроизводила начертание ее русла. В июне 1941 года велось строительство сооружений только на первой позиции укрепленного района. В глубине этого района строительство сооружений еще не начиналось.

Полоса предполья, вследствие того что сооружения строились на берегу реки, не создавалась, за исключением участка в районе Дрогичина, где по условиям местности долговременные огневые точки строились на некотором удалении от берега.

Всего в укрепленном районе к 21 июня было забетонировано 128 ДОТов. Некоторые из забетонированных сооружений имели арматуру, и в них монтировалось вооружение, присланное из Мозырского укрепленного района. К началу войны в боевой готовности (с гарнизонами, оружием, боеприпасами, но без технических средств связи) имелись только 23 долговременные огневые точки: 8 — в районе Бреста, главным образом в районе крепости, 3 — южнее Бреста, 6 — в районе Дрогичина и 6 — в районе Семятиче.

Соотношение сил в полосе прикрытия государственной границы 4-й армии¹

Основные показатели		Количество		Соотношение сил
		немецкие войска	советские войска	
Первый эшелон				
Дивизий		16,5	5	3,1:1
В них:	людей	270,3 тыс.	50,0 тыс.	5,4:1
	танков	688	235	2,9:1
	орудий и минометов	4300	1301	3.3:1
Второй эшелон				
Дивизий		4	2	2:1
В них:	людей	55,6 тыс.	18,7 тыс.	3:1
	танков	135	243	1:1,8
	орудий и минометов	831	258	3,2:1
Общее соотношение с частями усиления¹				
Дивизий		20,5	7	2,9:1
Дивизионов усиления		40	4	10:1
Людей		325,9 тыс.	68,7 тыс.	4,7:1
Танков		823	478	1,7:1
Орудий и минометов		5898	1611	3,6:1
Самолетов боевых		1000	500	2:01

¹ Соотношение выведено на основе данных, помещенных в других таблицах. Резервы в расчет не приняты.

Из трех пулеметно-артиллерийских батальонов численностью по 350—400 человек проводилось развертывание пяти батальонов по 1500 человек каждый. Рядовой состав для их формирования только начал прибывать, а командный состав поступал из артиллерийских частей округа, в частности 66 командиров и лиц начальствующего состава из 4-й армии. Прибывший на укомплектование формируемых батальонов необученный личный состав включался пока в состав 16, 17-го и 18-го пулеметно-артиллерийских батальонов. Оружие и даже обмундирование на вновь прибывших еще не поступило.

Тыловые рубежи обороны армии в довоенное время не строились вообще. Перед войной только завершилась рекогносцировка двух армейских рубежей по р. Ясельда и по р. Шара.

Говоря о строительстве и эксплуатации инженерных сооружений, необходимо отметить, что в полосе армии через р. Западный Буг имелось два железнодорожных (Брест и Семятиче) и четыре дорожных (Дрогичин, Кодень, Домачево и Влодава) исправных и действующих моста. Эти мосты находились под охраной 17-го (Брестского) пограничного отряда, который хотя и был включен в состав района прикрытия № 4, никаких заданий по подготовке этих мостов к разрушению не получил. В результате в первый же день войны все переправы и мосты через реку противник захватил в исправном состоянии.

Что касается Брестского оборонительного района, то из-за отсутствия твердого руководства и завершенности системы инженерной обороны в первый же день войны она была довольно легко преодолена противником. Там же, где наши войска успели занять уже готовые долговременные сооружения, они оказали врагу упорное и длительное сопротивление (16-й и 17-й пулеметно-артиллерийские батальоны). К сожалению, таких сооружений оказалось мало.

Командование округа и армии пыталось исправить ситуацию. Особенно интенсивное строительство укрепленных районов развернулось весной 1941 года. Для строительства Брестского укрепленного района кроме 33-го инженерного полка, саперных батальонов 28-го стрелкового корпуса и стрелковых дивизий в марте — апреле было привлечено 10 тыс. человек

местного населения с 4 тыс. подвод. Оно (местное население) работало по вольному найму и использовалось на земляных работах и для подвоза строительных материалов. Работы продолжались до последнего предвоенного дня, но все было тщетно — большая часть укреплений так и не была закончена.

Таким образом, слабость наших оборонительных рубежей была связана прежде всего с нереальностью задач, стоящих перед войсками 4-й армии. Вопреки мнению командования округа, в полном смысле слова Брестского укрепленного района еще не существовало, так как полевые укрепления еще не были до конца построены. Да и организация глубокоэшелонированной обороны на фронте свыше 150 км в короткий срок силами трех стрелковых дивизий, значительная часть которых находилась на строительстве укрепленного района, являлась невыполнимой.

Главной ударной силой в системе Брестского района прикрытия являлся 14-й механизированный корпус РККА, хотя он лишь оперативно подчинялся командованию 4-й армии.

По директиве (фактически — плану обороны), разработанной в штабе Западного Особого военного округа в апреле 1941 года, он должен был взаимодействовать с потенциальным резервом — 47-м стрелковым корпусом под командованием генерал-майора С.И. Поветкина (55, 121, 143 сд, 462 кап, 273 обс, 47 окаэ). Это соединение (со штабом в Бобруйске) располагалось в районах Слуцка, Бобруйска и Гомеля на удалении 280—500 км от границы и находилось в подчинении округа.

Предполагалось, что «в случае прорыва крупных мехсоединений (противника) из района Бяла — Подляска на Брест, Барановичи 47-й стрелковый корпус во взаимодействии с 10-й смешанной авиационной дивизией прочно занимает рубеж Пружаны, Городец и не допускает распространения противника восточнее этого рубежа.

14-й механизированный корпус КА сосредотачивается в противотанковом районе и из-за отсечной позиции Каменец, Щерчево, Дзядувка атакует противника во фланг и тыл в общем направлении на Жабинка и совместно с частями 47-го стрелкового корпуса уничтожает прорвавшегося врага».

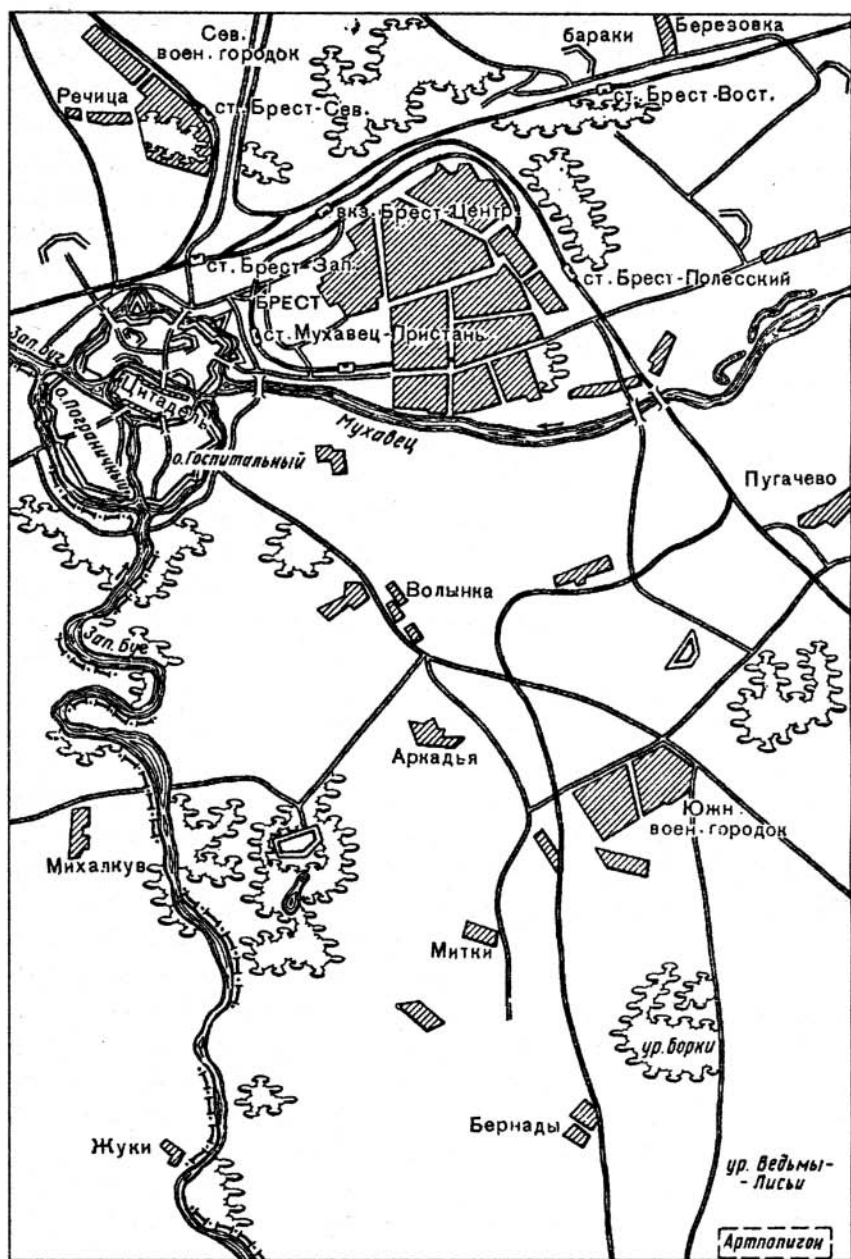
В директиве устанавливался порядок взаимодействия 47 ск и 14 мк, но время прибытия и развертывания на указанных рубежах устанавливались просто нереальные. 47-й стрелковый корпус находился далеко от границы, а 14-й мехкорпус был очень неудачно расположен: управление находилось в Кобрине, 20-й мотоциклетный полк и корпусные части — в Антополе и Дрогичине, 22-я танковая дивизия — в Южном военном городке Бреста, 30-я танковая дивизия — в Пружанах, 205-я моторизованная дивизия — в Береза-Картузской.

Самое неудачное место дислокации относительно района сосредоточения по тревоге было у 22-й танковой дивизии, которая находилась в Южном военном городке (г. Брест), непосредственно у границы, в пределах досягаемости артиллерийского огня, южнее реки Мухавец. По тревоге она выходила в район Жабинки и севернее. При этом дивизии предстояло переправиться через р. Мухавец, пересечь Варшавское шоссе и две железнодорожные линии: Брест — Барановичи и Брест — Ковель. Это означало, что на время прохождения дивизии в Бресте прекращалось всякое движение по Днепровско-Бугскому каналу, по шоссе и железным дорогам.

Следовательно, настоятельно требовалось изменить дислокацию, на что, однако, округ не дал своего согласия.

Неудачная дислокация 22-й танковой дивизии и неразумно запланированный выход дивизии в район Жабинки привели в первые часы войны к огромным потерям в личном составе и к уничтожению большей части техники и запасов дивизии.

Собственно 14-й механизированный корпус под командованием генерал-майора С.И. Оборина начал формироваться в апреле 1941 года. Структурно он состоял из 22-й и 30-й танковых дивизий, 205-й моторизованной дивизии, 20-го мотоциклетного полка, 519-го отдельного батальона связи, 67-го отдельного моторизованного инженерного батальона. 22-я формировалась на базе 29-й отдельной танковой бригады в Бресте, 30-я танковая дивизия — на базе 32-й отдельной танковой бригады в Пружанах. 205-я моторизованная дивизия формировалась заново в Береза-Картузской. Для ее формирования были выделены стрелковые, артиллерийские и специальные подразделения

Примерный план Брестской крепости, Бреста и его окрестностей

42-й стрелковой дивизии, а для танкового полка — танковые подразделения 29-й и 32-й отдельных танковых бригад. Гаубичные полки танковых дивизий развертывались из гаубичных дивизионов стрелковых подразделений 4-й армии.

На 19 июня 1941 года в 22 тд было 148 Т-26 линейных, 81 Т-26 радийных, 6 Т-26 двухбашенных, 16 огнеметных Т-26 и 5 легких танков Т-37А/38. Всего 256 танков, а также 14 бронеавтомобилей: 6 БА-20 и 8 БА-10. В 30 тд было 124 Т-26 линейных, 57 Т-26 радийных, 8 Т-26 двухбашенных, 8 огнеметных Т-26 и 14 тягачей на базе Т-26. Всего 211 танков и 5 бронеавтомобилей БА-20. В 205-й моторизованной дивизии находилось 37 Т-26 линейных, 17 Т-26 радийных, 2 Т-26 двухбашенных, 5 Т-37А/38. Всего 61 танк и 25 бронеавтомобилей: 12 БА-20 и 13 БА-10. В целом в 14 мк находилось 534 танка и 44 бронеавтомобила, в том числе 6 радийных БТ из управления корпуса. По штату № 10/20 в своем составе мехкорпус имел 1031 танк, 268 бронемашин и 32 837 человек. В 14 мк на 19 июня было 29 677 человек. На первый взгляд все не было так уж плохо: более 90 % укомплектованности л/с и около 50 % — основной боевой техникой. Тем более, что 14 мк имел однотипную и не старую материальную часть (танки семейства Т-26 поздних выпусков), что существенно облегчало ремонт и снабжение. Однако на практике мехкорпус был только частично боеспособен — новое пополнение апреля 1941 года прибыло в основном из среднеазиатских республик, слабо владевших или совсем не знавших русского языка. Обучить таких бойцов воинским специальностям было крайне сложно, да и командного (начальствующего) состава также не хватало. 14 мк имел некомплект танкового и другого вооружения средств тяги для артиллерии, неукомплектованные тыловые ремонтные подразделения. Имевшийся в дивизиях автотранспорт позволял поднимать одновременно не более 30—40 % от всего личного состава. Дивизии, их части и подразделения, а также штабы всех степеней имели слабую подготовку.

Следовательно, 14-й мехкорпус как второй эшелон армии из-за неукомплектованности и необученности не мог выполнить возложенной на него задачи — нанести контрудар в обороне или развить успех в наступлении. Для него серьезной пробле-

мой являлся даже вывод дивизий в районы по боевой тревоге, удаление которых от пунктов дислокации танковых дивизий достигало 40 км, а моторизованной — до 60 км.

Состав и дислокация артиллерийских соединений и частей в 4-й армии имели свои особенности.

Артиллерийско-противотанковых бригад в полосе 4-й армии не формировалось. Они создавались в соседних армиях. Эти соединения получили на вооружение 85-мм зенитные пушки образца 1939 года (которые использовали как противотанковые), но средств тяги к ним имели менее чем на 50 %.

В районе прикрытия № 4 (Брестском) функции артиллерийско-противотанковых бригад РГК возлагались на 14-й механизированный корпус РККА.

В полосе армии на окружном полигоне юго-западнее Барановичей весной 1941 года имелось 480 152-мм орудий для формирования 10 артиллерийских полков РГК. Создать и сколотить эти полки до начала войны также не успели.

В корпусных зенитно-артиллерийских дивизионах 76-мм зенитные пушки заменялись на 85-мм.

Весной 1941 года в округе начали формироваться бригадные районы ПВО (Кобринский, Белостокский, Гродненский). В полосе 4-й армии создавался Кобринский бригадный район ПВО. Он включал в себя стационарные части ПВО (отдельные дивизионы ПВО РГК, вооруженные 85-мм зенитными орудиями), батальоны и отдельные роты ВНОС.

Накануне войны, в отличие от соседней 10-й армии, где почти вся артиллерия находилась в окружном артиллерийском лагере, артиллерия 4-й армии провела стрельбы и находилась при своих соединениях.

120-й гаубичный полк РГК дислоцировался в Коссово, управление 62-го укрепленного района — в Бресте. Местами дислокации артиллерийских дивизионов ПВО Кобринского бригадного района ПВО являлись Брест и Гайновка, остальных его подразделений — Лунинец и Кобрин. Однако зенитные части бригадного района, как и зенитные дивизионы соединений 4-й армии, находились в окружном лагере Крупки (115 км северо-восточнее Минска) в 450 км от границы.

Командованию ЗапОВО через замкомандира по авиации была подчинена 10-я смешанная авиационная дивизия, которая должна была поддерживать действия войск 4-й армии. На 21 июня в ней имелся 241 самолет, из них 138 истребителей (44 И-16, 74 И-153 и 20 Як-1), 55 штурмовиков (47 И-15, 8 Ил-2) и 48 бомбардировщиков (43 СБ, 5 Пе-2). Авиационные полки 10 сад базировались на аэродромы в Кобрине, Пружанах, Именине и Пинске. Из них только один штурмовой авиационный полк 20 июня был перебазирован из Пружан на полевой аэродром юго-восточнее Высокое.

Качественно оценивая авиацию 10 сад, можно сказать, что основную массу составляли устаревшие технически (И-16, СБ) и тактически (И-153) типы самолетов. О штурмовых характеристиках «древнего» истребителя И-15 можно вообще не говорить. Новые, более совершенные самолеты (Як-1, Пе-2, Ил-2) только что начали поступать и составляли в истребительных полках 14 %, в штурмовом полку 17 % и бомбардировочном 11 %.

Для действий на Брестско-Барановичском направлении могли быть привлечены до одной бомбардировочной (примерно 180 средних бомбардировщиков) и половины истребительной (около 100 истребителей) авиационных дивизий окружного (фронтового) подчинения.

Постройка аэродромов началась в мае 1941 года. На 1 июня было охвачено только 50 % утвержденного народным комиссаром обороны плана строительства аэродромов на 1941 год. На каждом аэродроме работало 2—4 тыс. человек. Естественно, что к началу войны ни один из вновь строящихся аэродромов не был закончен.

Анализируя ситуацию на Брестско-Барановичском направлении, следует учесть и материальное обеспечение 4-й армии.

В июне 1941 года все части армии имели носимый запас винтовочных патронов в ящиках, хранившийся в подразделениях. Возимый запас боеприпасов для каждого подразделения хранился на складах.

Встрелковые дивизии (кроме 75 сд) и корпусные артиллерийские полки помимо одного боекомплекта снарядов и мин,

указанного в директиве по прикрытию, артиллерийское управление округа направило еще по половине боекомплекта.

При этом в 6-ю и 42-ю стрелковые дивизии, склады которых располагались в Брестской крепости, несмотря на протесты штаба 4-й армии, органы артснабжения округа прислали сверху указанного еще значительное количество боеприпасов.

Затем, учтя, что такое большое количество запасов в случае войны легко может уничтожить авиация или артиллерия противника, округ 21 июня дал в штаб армии следующую телеграмму:

«Командующему 4-й армией. В неприкосновенном запасе 6-й и 42-й стрелковых дивизий, кроме 1,5 б/к, имеется еще: 34 вагона боеприпасов в 6-й и 9 вагонов — в 42-й стрелковых дивизиях. Этот излишек немедленно вывезти из Бреста не менее чем на 30 км на восток». Естественно, что в короткий срок (за несколько часов до начала войны) такое количество боеприпасов не могло быть вывезено.

Горючего в армии было не более двух заправок на все имевшиеся машины.

Неприкосновенный запас продовольствия и фуража на складах достигал по основным продуктам, кроме мяса, 15 сутокных дач.

В силу того что тыловые органы и транспорт частей и соединений в мирное время находились в сокращенном составе и притом в некомплекте, свои неприкосновенные запасы (боеприпасы, горючее и продовольствие) они могли поднять не более чем наполовину.

Боеприпасы, горючее и продовольствие для 6-й и 42-й стрелковых дивизий, а также 447-го корпусного артиллерийского полка, хранились на складах в Брестской крепости и частично в г. Брест; для 455-го корпусного артиллерийского полка — в Пинске; для 49-й и 75-й стрелковых дивизий — на своих дивизионных складах. Один боекомплект для танковых дивизий хранился в частях и два боекомплекта — для 22-й танковой дивизии — на дивизионном складе на территории Брестской крепости, для 30-й танковой дивизии — в Слободке. В боекомплектах для танковых частей было очень мало бронебойных снарядов.

Запасов боеприпасов для формируемых артиллерийских полков и минометных подразделений дивизий 14-го механизированного корпуса не имелось. Запасы горючего дивизий механизированного корпуса хранились: для 22-й танковой дивизии (две заправки) — на складе горючего и смазочных материалов в Пугачеве, в 3 км от места дислокации, и одна заправка — при дивизии; для 30-й танковой дивизии все три заправки — в Слободке, в 6 км от места расположения; для 205-й моторизованной дивизии — две заправки при себе. Запасы продовольствия для них хранились, соответственно, в Бресте, Пружанах и при 205-й моторизованной дивизии.

Окружные запасы, предназначенные для соединений и частей армии, находились: боеприпасы (по одному боекомплекту) — на окружных артиллерийских складах в Бронна Гуре (13 км северо-восточнее Береза-Картузской) и в Пинске; горючее (по три заправки) — на окружных складах в Оранчицах (12 км юго-восточнее Пружан), Кобрине, Черемхе, Лахве (70 км восточнее Пинска); автобронетанковое имущество — на 970-м окружном складе автобронетанкового имущества в Бресте; инженерное имущество — на окружном складе в районе Минска; имущество связи — на окружном складе в районе Барановичей, продовольствие — на окружных складах № 821 в Бресте и № 820 в н/п Лунинец.

Госпитальная база на территории армии на первый период обеспечивала потребность армии. Госпитали размещались в Бресте, Черемхе, Кобрине, Береза-Картузской, Пинске; 719-й сансклад — в Пинске.

В последние дни перед войной штаб округа решил эвакуировать из Брестской крепости окружной военный госпиталь. Это решение оказалось запоздалым, и выполнить его удалось лишь частично. Брестская железная дорога не смогла обеспечить достаточного количества вагонов.

Таким образом, имевшиеся запасы боеприпасов, горючего и продовольствия вполне обеспечивали проведение войсками армии первоначальных операций. Но размещение складов с этими запасами нельзя признать удовлетворительным. Концентрация большей их части в районах, непосредственно

прилегающих к границе, создавало угрозу их быстрого уничтожения, тем более что транспортных средств в соединениях и тыловых органах для одновременного поднятия всех запасов не хватало.

Служба армейского и войскового тыла к началу войны, по существу, не имела продуманной организации. Тыловые части и подразделения в соединениях и частях были слабо укомплектованы личным составом и транспортными средствами даже по штатам мирного времени. На все учения, как правило, они не привлекались или привлекались только частично. Даже по боевой тревоге в частях и соединениях для погрузки имущества НЗ выделялось небольшое количество транспортных средств и людей, которые могли лишь «обозначить погрузку». Все расчеты строились на том, что с началом войны тыловые части и подразделения получат людей и транспорт по мобилизации.

Армия накануне войны не имела своих армейских тыловых частей и учреждений, а также армейского автотранспорта.

Таким образом, к июню 1941 года соединения и части, входившие в состав 4-й армии, были в основном укомплектованы личным составом и боевой техникой в пределах штатных норм. Численный состав частей и соединений первого и второго эшелонов армии с частями усиления отражен в таблице.

Оперативного построения войска 4-й армии, по существу, не имели. Однако фактически расположение ее соединений к 22 июня можно представить как построение в два эшелона: первый эшелон — четыре стрелковые и одна танковая дивизии; второй эшелон — одна танковая и одна моторизованная дивизии.

Несмотря на наличие планов и директив, ни 13-й мехкорпус из-за своей слабой укомплектованности, ни 47-й стрелковый корпус из-за своей удаленности существенной помощи войскам 4-й армии оказать не могли.

Скорее всего, руководство округа и армии уповало на то, что полоса прикрытия государственной границы не превышала 183 км, из которых около 60 км были почти непригодными для действий войск. Поэтому не предполагалось, что в полосе 4-й армии возможен главный удар противника. Имея достаточно

укомплектованные соединения и части, оно (командование) надеялось создать оборону с большой плотностью войск (на 1 км фронта), быстро отразить удар противника, и, в духе господствующих в тот период в Красной армии теорий, оперативно перейти в контрнаступление. Такой вывод можно было сделать из характера подготовки штабов 4-й армии.

В марте—апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава.

В конце мая проводилась армейская полевая поездка, закончившаяся игрой на картах. Проигрывалась наступательная операция из района Пружаны, Антополь, Береза-Картузская в направлении Брест, Бяла-Подляска. При этом 28-й стрелковый корпус наступал во взаимодействии с Пинской военной флотилией.

Наконец, накануне войны 21 июня 1941 года закончилось проводимое штабом армии двухступенное командно-штабное учение 28-го стрелкового корпуса на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды». На последнюю неделю июня штаб округа подготавливал игру со штабом 4-й армии также на наступательную операцию.

Следовательно, штабы всех степеней 4-й армии можно было считать готовыми для управления войсками при развитии событий в нормальной обстановке (небольшой отход армии, своевременный подход войск из глубины округа и совместный переход их в контрнаступление с целью отбросить противника за государственную границу). Для управления же войсками в сложных условиях обстановки после внезапного нападения превосходящих сил противника, когда боевые действия приняли сугубо маневренный характер во всей полосе армии и развернулись одновременно на большую глубину, штабы частей, соединений, как и штаб армии, оказались неподготовленными.

Приведенные выше положения только подтверждают основную причину разгрома советских войск на Брестско-Барановичском направлении. Командование Западного Осо-

бого военного округа считало, что из всей полосы прикрытия государственной границы, которую должны были оборонять соединения 4-й армии округа, 30 % почти непригодны для действий войск. По количеству выделяемых для операции на этом ТВД сил и средств (одно управление стрелкового корпуса, одно управление механизированного корпуса, 4 стрелковые, 2 танковые и одна моторизованная дивизии, а также 2 артиллерийских полка РГК) можно было создать оборону с большой плотностью войск и техники на 1 км фронта. Следовательно, по предположению советских военачальников, на этом участке можно было успешно обороняться, и немцы вряд ли будут здесь атаковать. Во всяком случае, согласно документам ЗапОВО, не предполагалось, что в полосе 4-й армии возможен главный удар противника.

А вопреки оценкам советского командования, немецкие войска нанесли именно на этом участке один из основных ударов на всем протяжении советско-германского фронта.

ВТОРЖЕНИЕ

Вечером 21 июня ни командование 4-й армии, ни командиры соединений и частей, ни советские и партийные организации Брестской области не ожидали вторжения германских войск и не думали, что оно произойдет через несколько часов, так как информация об угрозе нападения, доступная высшему политическому и военному руководству страны, до них не доводилась. Поэтому никаких мер по приведению войск в боевую готовность вечером 21 июня на Брестском направлении не проводилось.

На двое суток раньше, 19 июня, состоялся расширенный пленум областного комитета партии ВКП(б), в котором участвовало большое число армейских политических работников. На пленуме первый секретарь обкома Тупицын обратил внимание на напряженность международной обстановки и возросшую угрозу войны. Он призывал к повышению бдительности, но одновременно указал, что по этому вопросу не нужно вести открытых разговоров и проводить какие-либо крупные мероприя-

тия, которые могут быть замечены населением. На вопросы участников пленума, можно ли отправить семьи из Бреста на восток, секретарь обкома ответил, что этого не следует делать, чтобы не вызвать нежелательных настроений¹.

Стрелковые и специальные части продолжали заниматься боевой подготовкой и строительством оборонительных сооружений даже в последний предвоенный день.

В 14-м механизированном корпусе, дивизии которого имели большой некомплект командного состава, 21 июня проводили занятия с молодыми солдатами, сведенными в большие учебные группы. Танковые полки танковых дивизий закончили полковые учебные сборы. Танковые полки 30 тд остались 21 июня на ночлег в лесу западнее Пружан, а 22 тд — возвратились со сборов к месту своей дислокации.

Авиационные полки 10-й смешанной авиационной дивизии, за исключением штурмового полка, который к 21 июня был полностью перебазирован из Пружан на полевой аэродром в 8 км от государственной границы, оставались на стационарных, известных немцам аэродромах. Новые истребители и штурмовики, поступившие в полки, еще не были опробованы, а новые бомбардировщики (Пе-2) даже не заправлены горючим.

Брестский 17-й пограничный отряд нес обычную службу. На артиллерийском полигоне 4А, расположенном южнее Бреста, штаб армии наметил провести утром 22 июня в присутствии представителей округа запланированное (около) опытно-показное учение на тему: «Преодоление второй полосы укрепленного района». На это учение привлекались подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й стрелковой дивизии и два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии. К этим учениям привлекался весь высший и старший комсостав армии до командира отдельной части включительно.

Перед учением намечалось показать командному составу боевую технику (танки Т-26, Т-38, бронеавтомобили, артиллерию, стрелковое оружие, средства связи). Подготовку показа техники осуществлял командир 22-й танковой дивизии.

20 июня на имя командующего была получена из округа телеграмма, подтверждающая срок проведения учения. В ней

указывалось: «Учение 42-й стрелковой дивизии провести на одном из участков фронта второй полосы долговременной обороны укрепленного района. Для увязки вопросов организации учения 21.6.41 г. выезжают представители Народного комиссариата обороны. 20.6.41 г. Климовских».

Вечером 21 июня командующий войсками округа отложил, но не отменил учения. Выделенные на учение войска и подготовленная для показа техника остались в ночь на 22 июня на артиллерийском полигоне. Командиры, вызванные на учения, почти все возвратились в свои части.

Между тем обстановка настоятельно диктовала необходимость осуществления срочных мер по приведению войск, государственных, партийных, общественных и других организаций в готовность на случай быстрого развертывания грозных событий. Командующим войсками 4-й армии и Западного Особого военного округа, так же как и Генеральному штабу, было известно, что против наших войск, находившихся в Западной Белоруссии, сосредоточено 45—47 немецких дивизий. Эти данные почти полностью соответствовали действительному количеству войск и немецкой группе армий «Центр» (51 дивизия). Более того, не осталось незамеченным занятие в последние ночи этими германскими войсками исходного положения для наступления.

Большое влияние на формирование директив и приказов командования оказало знаменитое сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года. Многим стало казаться, что есть какие-то неизвестные им обстоятельства, которые дают право правительству СССР и Генеральному штабу РККА оставаться спокойными. Во многих частях, дислоцированных в Брестской крепости, красноармейцы в первой половине июня спали одетыми, а в последние дни перед войной получили разрешение эту «напрасную бдительность» прекратить.

Несмотря на достаточное количество данных о скором падении немецких армий, указания народного комиссара обороны о том, что приведение войск в боевую готовность провоцирует войну, даст повод нацистской Германии к нападению на Советский Союз, лишили командование всех степеней са-

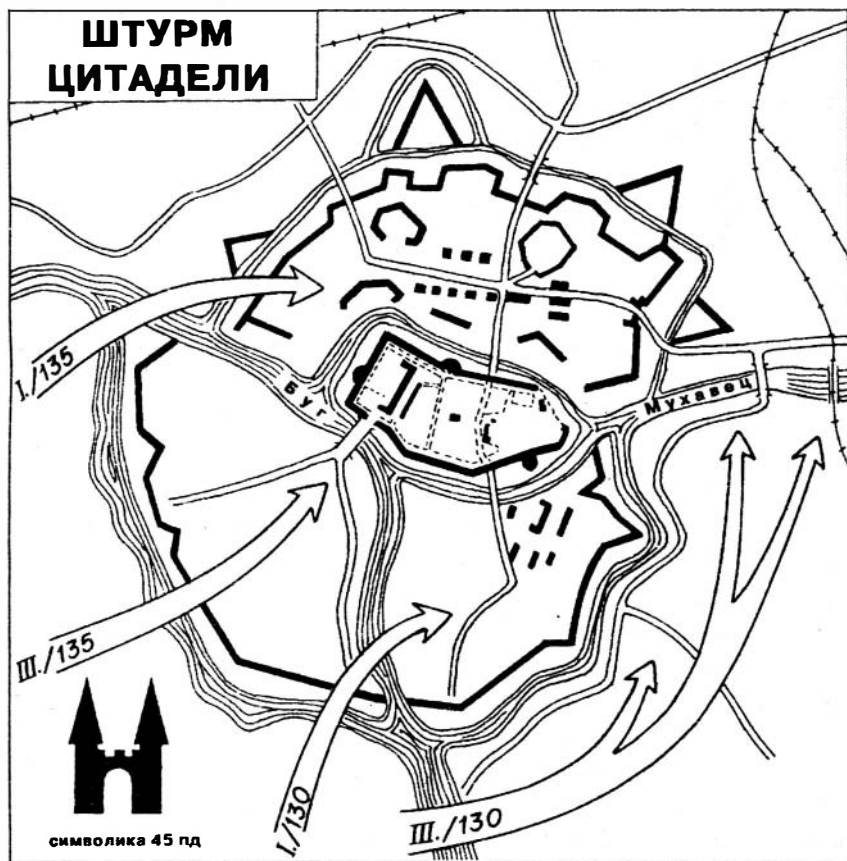

Схема атаки Брестской крепости частями 45-й пехотной дивизии вермахта. В левом нижнем углу схемы нанесена эмблема 45 пд.

мостоятельности в принятии решений на приведение войск в боевую готовность. Поэтому до 24 часов 21 июня никаких мероприятий по приведению войск армии в боевую готовность не проводились. Аналогичная картина, видимо, была и по линии государственных органов.

Изо всех сил подчеркивалось, что войны просто быть не может. Был обычный предвыходной день. Вечером 21 июня в Брестской крепости под оркестр проводился развод караулов, который с наблюдательного пункта видел командующий 2-й танковой группой вермахта генерал-полковник Г. Гудериан, в наших подразделениях и частях демонстрировали фильмы «Веселые ребята» и «Валерий Чкалов», а командующий 4-й армией А. А. Коробков вместе со своим начальником штаба Л. М. Сандаловым смотрел привезенную минской группой оперетту «Цыганский барон». Член Военного совета и начальник политотдела армии уехали в Брест на концерт московских артистов.

Командование 28-го стрелкового корпуса находилось в Бресте. Многие командиры частей и подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий по случаю субботнего дня приехали в Брест к своим семьям. На окружном артиллерийском полигоне юго-западнее Барановичей утром 22 июня намечалось открытие сбора десяти формируемых артиллерийских полков РГК и других артиллерийских частей округа.

Все это свидетельствовало о том, что ни командование округа, ни командование армии, ни командиры соединений и частей не ожидали 22 июня нападения германских войск.

В 24 часа командующий и начальник штаба армии, а несколько позднее и остальные генералы и офицеры армейского управления были вызваны по приказанию начальника штаба округа в штаб армии. Никаких конкретных распоряжений штаб округа не давал, кроме как «всем быть наготове».

Командующий армией генерал-майор А. А. Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения и отдельные части опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия РП-4. Эти пакеты хранились в штабе армии

и не вручались командирам соединений потому, что не было еще утверждено округом решение командующего армией. Однако командиры соединений знали содержание документов в пакетах, так как являлись участниками их составления.

Примерно в 2 часа ночи 22 июня прекратилась проводная связь штаба армии с округом и войсками. Связь удалось восстановить только в 3 часа 30 минут. Порыв проводов обнаружили наши связисты в Запрудах и Жабинке.

После восстановления связи командующий армией получил переданное открытым текстом по телеграфу (БОДО) приказание командующего войсками Западного Особого военного округа о приведении войск в боевую готовность. Одновременно указывалось в первую очередь бесшумно вывести из Брестской крепости «дачками» 42-ю стрелковую дивизию и привести в боевую готовность 14-й механизированный корпус; авиацию разрешалось перебазировать на полевые аэродромы.

До 3 часов 45 минут командующий армией сам лично по телефону отдал два приказа: начальнику штаба 42-й стрелковой дивизии поднять дивизию по тревоге и выдвигать ее из крепости в район сбора; командиру 14-го механизированного корпуса привести корпус в боевую готовность.

В 4 часа 15 минут — 4 часа 20 минут начальник штаба 42-й стрелковой дивизии доложил, что противник начал артиллерийский обстрел Бреста. В эти самые минуты заканчивался прием из штаба округа следующего приказа:

«Командующему армией.

Передаю приказ Народного комиссара обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского

военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировав;

в) все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить²».

Приняв приказ, командующий армией одновременно доложил командующему войсками округа об артиллерийском налете на Брест. Тут же был отдан краткий боевой приказ № 01 войскам 4-й армии о приведении их в боевую готовность.

Командующий армией лично передал приказ по телефону коменданту 62-го укрепленного района и начальникам штабов 42-й и 6-й стрелковых дивизий. Командирам 14-го механизированного корпуса и 10-й смешанной авиационной дивизии, прибывшим в штаб армии по вызову, этот приказ был вручен лично. Командирам 28-го стрелкового корпуса, 49-й и 75-й стрелковых дивизий приказ был послан с нарочными.

Но приказы и распоряжения о приведении войск в боевую готовность опоздали. Война уже началась, застав войска 4-й армии врасплох.

В 4 часа, когда только забрезжил рассвет, со стороны германских войск внезапно был открыт артиллерийский огонь. Враг сосредоточил огонь по войсковым соединениям и частям, расположенным вблизи границы, по пунктам, где находились работавшие в укрепленном районе стрелковые и саперные батальоны, по подразделениям, сосредоточенным на артиллерийском полигоне для показа техники, а также по заставам и постам пограничников.

Наиболее интенсивный артиллерийский огонь велся по военным городкам в Бресте и особенно по Брестской крепости,

которая была буквально покрыта разрывами артиллерийских снарядов и мин. Командир 45-й немецкой пехотной дивизии 12-го армейского корпуса, которая выполняла задачу овладения крепостью, докладывал своему командованию, что план артиллерийского огня был рассчитан на ошеломление. Наиболее сильный артиллерийский и минометный огонь велся по цитадели крепости. Кроме дивизионной артиллерии 45-й пехотной дивизии вермахта для артиллерийской подготовки противник привлек девять легких и три тяжелые батареи, батарею артиллерии большой мощности и дивизион мортир. Кроме того, командующий 12-м армейским корпусом сосредоточил по крепости огонь двух дивизионов мортир 34-й и 31-й пехотных дивизий³.

Военный городок южнее Бреста, где дислоцировалась 22-я танковая дивизия, Северный военный городок в Бресте, где размещался корпусной артиллерийский полк и некоторые части стрелковых дивизий 28-го корпуса, подверглись массовой артиллерийской обработке в течение часа. Для корректирования артиллерийского огня на участке Влодава, Семятиче немцы подняли аэростаты наблюдения.

Одновременно с артиллерийской подготовкой немецкая авиация произвела ряд массированных ударов по аэродромам 10-й смешанной авиационной дивизии. В результате этих ударов были сожжены почти все самолеты штурмового авиационного полка в районе Высокое и 75 % материальной части нашего истребительного авиационного полка на аэродроме в Пружанах вместе со всем аэродромным оборудованием. Впоследствии сохранившиеся самолеты были сведены в одну эскадрилью под командованием командира полка. В истребительном полку, базировавшемся на аэродроме Именин (в районе Кобрина), осталось исправных только 10 самолетов.

Как потом стало известно, такой же урон понесли от ударов немецкой авиации в первые часы войны авиационные дивизии и других армий округа.

Приказание о выводе из крепости частей 42-й стрелковой дивизии, отданное лично командующим 4-й армией генерал-майором А.А. Коробковым начальнику штаба дивизии по теле-

фону в период с 3 часов 30 минут до 3 часов 45 минут, до начала военных действий не успели выполнить. Едва начальник штаба этой дивизии майор В.Л. Щербаков собрал командиров частей для вручения им распоряжений, как началась артиллерийская подготовка врага. Командира дивизии генерал-майора И.С. Лазаренко разыскать и поставить в известность о полученном приказании не удалось⁴. Приказание о приведении в боевую готовность дивизий 14-го механизированного корпуса, отданное в 3 часа 30 минут, передать в части до начала артиллерийской подготовки врага также не успели⁵.

Следовательно, не удалось провести в жизнь даже предварительно отданные распоряжения о приведении в боевую готовность части войск 4-й армии.

Боевая тревога в приграничных соединениях была объявлена самостоятельно командирами соединений и частей после начала артиллерийской подготовки противника, а в соединениях 14-го механизированного корпуса — по приказанию из округа после 4 часов 30 минут.

В период с 5 до 6 часов противник наносил массированные авиационные удары по штабам и складам. В первую очередь подверглись ударам штабы корпусов: 14-го механизированного в Кобрине и 28-го стрелкового в Жабинке.

Штаб 14-го механизированного корпуса, понеся потери в людях и особенно в средствах связи, перешел на подготовленный командный пункт в лесу севернее Тевли. Штаб 28-го стрелкового корпуса больших потерь не имел и продолжал оставаться в районе Жабинки. Авиацией противника была сожжена крупная нефтебаза, находившаяся недалеко от командного пункта этого корпуса.

Первый налет на штаб армии немецкая авиация произвела в 5 часов 10 минут. Около 6 часов налет был повторен. Кроме штаба армии удару в Кобрине подверглись штаб 10-й авиационной дивизии и дома начальствующего состава управлений армии и авиационной дивизии. Потери в личном составе оказались небольшими, но зато штабы потеряли почти все средства связи. Под развалинами зданий остались все документы этих штабов. Сохранился лишь узел связи штаба армии, располагав-

шийся в подвале. В эти часы авиация противника уничтожила окружной артиллерийский склад в Бронна Гуре.

В период с 5 до 6 часов при поддержке артиллерии и под прикрытием авиации войска 2-й немецкой танковой группы и 4-й армии начали форсировать реку Западный Буг. Главный удар противник наносил на участке Янув-Подляски, Славатыче, то есть почти во всей полосе армии, силами 47-го моторизованного, 12-го армейского и 24-го моторизованного корпусов.

17-я и 18-я танковые дивизии 47-го моторизованного корпуса форсировали Западный Буг на участке Зачопки, Мокраны и, не встречая большого сопротивления со стороны ошеломленных артиллерийским огнем подразделений 6-й стрелковой дивизии и частей, находившихся на строительстве укрепленного района, начали развивать наступление в направлениях Лыщиц и Мотыкал.

3, 4-я танковые и 1-я кавалерийская дивизии 24-го моторизованного корпуса вермахта к 7 часам форсировали Западный Буг на участке Кодень, Домачево. Глубина реки здесь местами не превышала одного метра, что облегчило немецким войскам ее форсирование. Кроме того, часть немецких танков Pz. Kpfw. III, модификаций Ausf. F, G, H и несколько Pz.Bf. Wg. III Ausf. E, Pz.Kpfw.IV, получивших название Tauchpanzer, — всего 168 машин, были специально приспособлены для преодоления водных преград. Все люки и щели в башне и корпусе загерметизировали с помощью разного рода резиновых прокладок и чехлов, а также битумной замазки. Воздух в танк подавался через резино-тканевый рукав длиной 18 метров и диаметром 200 мм. На внешнем конце рукава крепился поплавков, удерживающий его на поверхности воды. К этому же поплавку крепилась радиоантенна. Для откачки воды, которая могла бы поступать в танк, был установлен дополнительный откачивающий насос. При подводном движении двигатель охлаждался забортной водой. Для выдерживания направления движения под водой предназначался гирокомпас. Кроме того, корректировка направления могла осуществляться по радио с поверхности воды. Естественно, что специальные немецкие танки, готовившиеся к форсированию пролива Ла-Манш (так и не осуществленная операция по захвату

территории Великобритании — «Морской лев»), легко форсировали водные преграды на советско-германской границе. 3-я же танковая дивизия полностью использовала для переправы своих танков захваченный исправный мост через реку у Коденя. Удар 24-го немецкого корпуса пришелся вначале по подразделениям, выдвинутым к границе на оборонительные работы, а затем и по районам дислокации частей 75-й стрелковой дивизии в Медной и Черске. Приказ о приведении в боевую готовность командир дивизии генерал-майор С.И. Недвигин получил после 4 часов. Поэтому никаких предварительных распоряжений полкам он не давал. Полки, понеся большие потери от артиллерийского огня и авиации противника, вступили в бой неподготовленными⁶.

Главные силы 3-й танковой дивизии повели наступление на северо-восток, в обход Бреста с юго-востока.

12-й армейский корпус противника, составляя центр ударной группировки, перешел в наступление на Брест. После часовой артиллерийской подготовки 34-я пехотная дивизия начала форсировать Западный Буг южнее Бреста, 31-я — севернее Бреста, и 45-я пехотная дивизия — в районе крепости. С 4-х часов утра действия немецкой пехоты поддерживал германский бронепоезд № 28, который вел артиллерийский обстрел ж/д вокзала, войск и собственно Брестской крепости.

Во время артиллерийской подготовки 34-я немецкая пехотная дивизия нанесла большие потери нашей 22-й танковой дивизии, размещавшейся в Южном военном городке Бреста, в 2,5—3,5 км от государственной границы. Этот городок находился на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника. Артиллерийский огонь по этому городку и последовавшие затем налеты авиации оказались для дивизии, как и для остальных войск, неожиданными. Погибло и получило ранения большое количество личного состава и членов семей командного состава. Этому способствовало скученное расположение частей дивизии. Красноармейцы размещались в общежитиях, спали на 3—4-ярусных нарах, а офицеры с семьями жили в домах начсостава поблизости от красноармейских казарм. От ударов артиллерии и авиации дивизия потеряла

также большую часть танков, артиллерии и автомашин, больше половины всех автоцистерн, мастерских и кухонь. От огня противника загорелись и затем взорвались артиллерийский склад и склад горючего и смазочных материалов дивизии.

С началом артиллерийского налета командир дивизии генерал-майор В.П. Пуганов по разрешению находившегося в дивизии начальника штаба 14-го механизированного корпуса полковника И.В. Тутаринова объявил боевую тревогу и приказал частям изготовиться для следования в назначенный по плану прикрытия район Жабинки. Командиры частей, как только артиллерийский огонь противника начал затихать, приступили к сбору людей, танков и автомашин. Для обеспечения сбора дивизии к р. Буг были «выброшены» дежурные моторизованные и танковые части.

С 6 до 8 часов части 22-й танковой дивизии под огнем противника беспорядочно переправлялись через р. Мухавец по мостам юго-восточнее Бреста и у Пугачево, стремясь возможно быстрее выйти по Варшавскому шоссе и по грунтовой дороге севернее железной дороги в район Жабинки. Те подразделения дивизии, которые не имели танков и оказались без автомашин, под командованием заместителя командира дивизии полковника И.В. Коннова направились через Пугачево на Радваничи, имея в виду от Радваничей повернуть в северном направлении на Жабинку. Это были подразделения мотострелкового и артиллерийского полков, пешие подразделения танковых полков, а также отдельные части и тыловые подразделения дивизии. Личный состав их следовал на Радваничи пешком, причем многие солдаты из числа вновь призванных не имели оружия. Значительная часть артиллерии дивизии была уничтожена огнем противника или из-за отсутствия средств тяги осталась в парках. Вместе с военнослужащими на Радваничи отходили и семьи офицерского состава.

В первые же часы войны погибли заместитель командира 22-й танковой дивизии по политической части полковой комиссар А.А. Илларионов, заместитель командира дивизии по технической части военинженер 2-го ранга Е.Г. Чертов и был тяжело ранен командир 44-го танкового полка майор Н.Д. Квасс.

Внезапным артиллерийским огнем были уничтожены две батареи и большая часть автотранспорта 204-го гаубичного полка 6-й стрелковой дивизии, располагавшегося между Южным военным городком Бреста и артиллерийским полигоном.

Значительные потери понесли также части и подразделения, собранные по приказу округа на артиллерийском полигоне для проведения опытного учения. Здесь находились два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии, подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й стрелковой дивизии, танковая, артиллерийская и другая техника, предназначенная для показа участникам учения, а также 455-й корпусной артиллерийский полк, выведенный для проведения плановых стрельб.

Начало артиллерийской подготовки противника этими войсками было воспринято как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали рваться в их расположении, отнесли к халатности руководства учением и, чтобы обратить внимание на произошедшую «ошибку», с артиллерийского полигона подали сигналы: световые (ракетами) и звуковые (трубами). И только когда части уже понесли большие потери, командиры и войска поняли, что началась война. После этого часть подразделений 6-й стрелковой дивизии присоединилась к 75-й стрелковой дивизии, а остальные начали отход вместе с пешими подразделениями 22-й танковой дивизии в направлении на Радваничи. Подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков присоединились в районе Жабинки к своей дивизии.

204-й гаубичный полк, один дивизион которого имел конную тягу и два — механическую, вышел по боевой тревоге из своего городка в составе 33 орудий⁷. Однако перейти р. Мухавец, чтобы, как намечалось по плану прикрытия, совместно с 84-м стрелковым полком дивизии оборонять район Бреста, удалось лишь нескольким батареям, так как мосты через реку оказались занятыми переправляющейся 22-й танковой дивизией. В ожидании возможности переправиться через реку полк понес большие потери от авиации противника. Потеряв надежду на переправу через Мухавец, командир полка повернул свою

часть на н/п Радваничи. Таким образом, ни 84-й стрелковый, ни 204-й гаубичный полки, подготавливавшие перед войной оборону района Бреста, не смогли в ней участвовать. Учитывая то, что третий батальон 84-го полка остался в крепости, у командира этого полка для обороны города остались лишь полковая школа, остатки полковой артиллерии и других подразделений полка.

С уходом из Бреста 22-й танковой дивизии город остался почти беззащитным. Командир 6-й стрелковой дивизии собирал в это время остатки 125, 333-го стрелковых и 131-го артиллерийского полков севернее и северо-восточнее Бреста. Кроме того, эти полки по плану и не предназначались для обороны Бреста, а должны были оборонять другие районы. Поэтому 45-я немецкая пехотная дивизия, форсировав Западный Буг южнее и севернее крепости и встречая лишь незначительное сопротивление наших войск на флангах, постепенно занимала город. Ее отряд на десантных лодках пробился по р. Мухавец к мостам южнее и юго-восточнее Бреста и захватил их неповрежденными.

Однако Брестскую крепость отборной 45-й немецкой пехотной дивизии взять с ходу не удалось, хотя дивизия была сформирована из жителей Верхней Австрии (земляков Гитлера) и первой вошла в Варшаву, Брюссель и Париж. После нескольких попыток захватить крепость дивизия понесла большие потери и наступление на нее прекратила. Защитники крепости своим огнем сорвали также попытки немцев организовать переправу войск через Западный Буг по железнодорожным мостам.

Что представляла собой Брестская крепость?

Внутренним ядром крепости была ее цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Западным Бугом, а с юга и севера — рукавами р. Мухавец. Кольцевой стеной цитадели являлась кирпичная двухэтажная казарма с 500 казематами для размещения войск. Под казематами находились складские помещения, а ниже — сеть подземных ходов. Двое ворот в виде глубоких тоннелей соединяли цитадель с мостами через р. Мухавец, которые выходили на бастионы крепости. Третьи ворота выходили к мосту через основное русло Западного Буга. Кольцо

бастионов с крепостными сооружениями, казармами и складами являлось внешним прикрытием цитадели. С внешней стороны этого кольца более чем на 6 км тянулся массивный земляной вал десятиметровой высоты, который являлся наружной стеной всей крепости. Земляной вал опоясывался рукавами рек Западного Буга и Мухавца, каналами и широкими рвами, заполненными водой. Система рукавов рек и каналов в кольце бастионов образовала три острова — Пограничный, Госпитальный и Северный. В нескольких километрах от земляного вала крепости проходило кольцо фортов, значительная часть которых использовалась для размещения войск и складов.

В момент открытия противником артиллерийского огня по Бресту и Брестской крепости в ее цитадели, согласно донесению генерал-майора В.С. Попова, командира 28-го стрелкового корпуса, командующему 4А от 8 июля 1941 года, находились следующие части и подразделения: «84-й стрелковый полк без двух батальонов, 125-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 333-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 131-й артиллерийский полк (дислоцировался на внешнем крепостном обводе по берегу Буга, в 150 метрах от границы), 75-й отдельный разведывательный батальон, 98-й отдельный дивизион ПТО, штабная батарея, 37-й отдельный батальон связи, 31-й автобатальон и тыловые подразделения 6-й стрелковой дивизии, 44-й стрелковый полк без двух батальонов (на территории форта, в 2 км южнее крепости), 455-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты (один батальон из оставшихся в крепости размещался на территории форта, в 4 км северо-западнее Бреста), 158-й автобатальон и тыловые подразделения 42-й стрелковой дивизии. В крепости находились также штаб 33-го окружного инженерного полка с полковыми подразделениями, половина окружного военного госпиталя на острове Госпитальном и 9-я пограничная застава, а также автотранспортная рота, саперный взвод, штаб 3-й комендатуры из 17-го погранотряда, школа шоферов Белорусского пограничного округа и окружные сборы кавалеристов-пограничников — на острове Пограничном. Кроме того, в бастионном кольце и за стенами крепости проживало боль-

шое количество начальствующего состава и сверхсрочников со своими семьями, а также граждан, работавших в частях и учреждениях, расположенных в крепости»⁸. Всего в ночь на 22 июня там находилось от 7 до 8 тысяч человек.

В результате неожиданно открытого немцами артиллерийского огня и авиационных налетов застигнутые врасплох части гарнизона крепости понесли большие потери убитыми и ранеными. Особенно большие потери имели части и подразделения, находившиеся в центральной части крепости (цитадели).

Для выхода из крепости на восток можно было использовать только одни северные ворота, но по ним противник сосредоточил наиболее сильный артиллерийский огонь. Поэтому выйти из цитадели смогли лишь отдельные подразделения, которым вывезти какую-либо материальную часть не удалось. Не смог вырваться даже разведывательный батальон 6-й стрелковой дивизии, имевший на вооружении легкие танки Т-37А/38 и бронемшины.

В кратком боевом отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии так описывается начало борьбы за крепость:

«В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на посту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь»⁹.

С началом артиллерийской подготовки противника в 4 часа в городе и крепости погас свет, а было еще довольно темно. Телефонная связь с городом прекратилась. Это еще больше усилило растерянность личного состава. Средних командиров в батальонах насчитывалось единицы. Командиры, сумевшие пробраться в крепость, вывести части и подразделения не смогли и остались в крепости. Так, например, командир 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии майор П.М. Гаврилов, пробравшийся в первый час артиллерийского налета к своему полку, не смог вывести его остатки из крепости и остался на месте, возглавив оборону восточного сектора крепости. По воспоминаниям Гаврилова, все выходы из бастионного кольца крепости находились под таким сильным артиллерийским, минометным, а позже и пулеметным огнем, что 98-й отдельный дивизион ПТО при попытке прорваться из крепости был почти целиком уничтожен.

Следовательно, большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выйти.

Артиллерия, находившаяся в открытых артиллерийских парках крепости, в большей своей части была уничтожена огнем противника на месте. Почти целиком погиб конский состав артиллерийских и минометных частей и подразделений дивизий, находившийся во дворе Брестской крепости у коновязей. Автомшины автобатальонов и других частей обеих дивизий, стоявшие в объединенных открытых автопарках, были сожжены. Все документы и имущество частей остались в крепости.

Заместитель командира 6-й стрелковой дивизии по политической части полковой комиссар М.Н. Бутин доносил о результатах артиллерийского обстрела немцами Брестской крепости и условиях выхода частей по тревоге следующее:

«После артиллерийского обстрела, произведенного в 4.00 22.6.1941 г., части в район сосредоточения компактно выведены быть не могли. Бойцы прибывали поодиночке в полураздетом виде. Из сосредоточившихся можно было создать максимум до двух батальонов. Первые бои осуществляли под

руководством командиров полков товарищей Дородных (84 сп), Матвеева (333 сп), Ковтуненко (125 сп).

Материальную часть артиллерии стрелковых полков вывести не удалось, так как все было уничтожено на месте. 131-й артиллерийский полк вывел 8 орудий 2-го дивизиона и одно орудие полковой школы. Личный состав, материальная часть и воинский состав 1-го дивизиона, находящегося в крепости, были уничтожены».

Неприкосновенные запасы наших частей, находившиеся на складах крепости, оказались целиком уничтоженными на месте.

На острове Пограничном л/с из 17-го погранотряда частично удалось вырваться из осады (автотранспортная рота). Около 15 человек под командованием Масленникова заняли огневые точки на берегу Буга и ДЗОТы у северных казарм. Впоследствии примерно в 15 часов 22 июня после длительного штурма противник прорвался на остров, но был отброшен. Со взрывом моста через реку защитники острова Пограничный оказались отрезанными от крепости и окруженными врагом. Личный состав все же успел пополнить боезапас из хранилищ и забрал в столовой уцелевшие продукты.

Части 28-го стрелкового корпуса РККА, размещавшиеся в Северном городке (на северной окраине Бреста), понесли значительно меньшие потери. 17-й гаубичный полк 42-й стрелковой дивизии был выведен из городка в составе двух дивизионов, а 447-й корпусной артиллерийский полк вывел 19 орудий с небольшим количеством боеприпасов, остальные же боеприпасы, сосредоточенные в артиллерийском парке полка, были уничтожены артиллерийским огнем противника¹⁰.

К 7 часам части 45-й и 34-й пехотных дивизий 12-го немецкого армейского корпуса заняли город Брест. С ходу овладев Тереспольским укреплением, 3-й батальон 45-й пехотной дивизии вермахта сумел захватить мост через Буг, Тереспольские ворота и ворваться в цитадель, где занял церковь (клуб) и столовую комсостава. Одновременно с 45-й дивизией форсировали Буг фланговые 31-я и 34-я пехотные дивизии, обойдя крепость с севера и юга. Уже в первой половине дня крепость была окру-

жена. В руках советских войск осталась часть цитадели, защитники которой проявили себя истинными патриотами Родины и сражались за Брестскую крепость до конца июля 1941 года. Обороняли цитадель около 3,5 тысячи человек.

После первых артиллерийских и авиационных ударов началась эвакуация из Бреста партийных и советских организаций, органов управления Брестского железнодорожного узла, фабрик, мастерских, складов и других предприятий, организаций и учреждений. Она проходила в страшной суматохе, спешно, а поэтому и неорганизованно. Начался массовый уход на восток семей советских и партийных работников, семей военнослужащих, всего населения, не желавшего попасть под власть нацистов.

На правом фланге 4-й армии события развертывались в такой же последовательности, как и на других участках фронта. Удары противника были внезапны; ошеломленные и растерянные, наши войска несли большие потери в людях и материальной части.

Северо-западнее Зачопки в полосе армии после артиллерийской подготовки начали форсировать р. Западный Буг дивизии 43-го и 9-го армейских корпусов 4-й немецкой полевой армии. Им на границе противостояли только подразделения наших стрелковых дивизий, привлеченные на оборонительные работы, и два пулеметно-артиллерийских батальона Брестского укрепленного района. К 7 часам дивизии противника продвинулись на восток от 3 до 5 км, за исключением района ст. Семятиче и района Орля, которые удерживались 16-м и 17-м пулеметно-артиллерийскими батальонами, занявшими построенные и оборудованные в этих районах ДОТы. Севернее н/п Немирув с частями 134-й и 252-й пехотных дивизий завязал бой 15-й стрелковый полк 49-й стрелковой дивизии, уже сильно пострадавший от артиллерийского огня противника, а в районе Семятиче и западнее — 772-й стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии.

Такова вкратце картина начала военных действий в полосе 4-й армии и результаты внезапных ударов артиллерии и авиации противника в первые часы войны.

ОТРАЖЕНИЕ АТАК

В первые часы войны действия войск 4-й армии, большая часть которых была застигнута врасплох внезапным нападением противника, характеризовались стремлением выполнить задачи, определенные им планом прикрытия. Штаб армии до 5 часов, как указывалось выше, принимал меры по доведению до войск указаний командования округа и боевого приказа армии по приведению всех частей и соединений армии в боевую готовность.

6-я и 42-я стрелковые дивизии под ударами врага делали попытки собраться в районах сбора по тревоге, с тем чтобы из этих районов выступить для занятия своих оборонительных полос. О размерах потерь, понесенных в первые часы, никто еще не имел полного представления.

75-я стрелковая дивизия начала развертывание для обороны своей полосы южнее Бреста. 113-я и 49-я стрелковые дивизии выступили из районов Семятиче, Высокое, Черемхи, Нужец на северо-запад для занятия рубежа от Нура до Дрогичина, где, как думали штаб армии и командиры дивизий, они будут объединены управлением 2-го стрелкового корпуса 13-й армии. 14-й механизированный корпус приступил к сосредоточению по плану прикрытия в районе Жабинки. К 9 часам 22-я танковая дивизия подходила передовыми частями к Жабинке. О потерях в ее частях данных не имели ни командир корпуса, ни командование армии. В районе Жабинки осколком снаряда был ранен начальник штаба дивизии подполковник А.С. Кислицын. 30-я танковая дивизия после тревоги к 6 часам возвратилась танковыми полками из районов ночевки после полковых сборов в Пружаны и готовилась в 7 часов выступить из Пружан в Жабинку. При этом в район сбора направлялись танковые экипажи и тот личный состав, который можно было поднять на имевшемся в дивизии автотранспорте. 205-ю моторизованную дивизию командование решило в район Жабинки не выводить, так как на имевшемся автотранспорте можно было перевезти лишь незначительную часть личного состава дивизии.

Никаких новых указаний о порядке использования войск во изменение задач, определенных планом прикрытия, ни

командиры корпусов, ни командиры дивизий в первые часы войны не давали. Это обуславливалось тем, что ни для кого из них обстановка не была ясной. Во-первых, командиры и штабы не имели никаких данных о количестве сил и действиях противника на различных участках фронта. Каждый видел только то, что делалось перед ним. Информации ни сверху, ни от соседей не поступало. Во-вторых, командиры корпусов и дивизий, не имея постоянной связи с частями, не знали в первые часы войны истинных потерь и предполагали, что в районы сбора по тревоге части выйдут достаточно боеспособными, а противник не рискнет вторгнуться большими силами и направит на нашу территорию лишь отдельные части.

Около 6 часов в штаб армии поступило первое письменное донесение от командира 28-го стрелкового корпуса генерал-майора В.С. Попова.

Из донесения штабу армии стало известно, что командный пункт корпуса в 5 часов 45 минут находился в роще в 2 км юго-восточнее Жабинки. Действительной обстановки командир и штаб корпуса не знали. Они доносили, что авиация противника вывела из строя на аэродроме южнее Высокого семь самолетов корпусного авиаотряда (тогда как в реальности там были сожжены и все самолеты штурмового авиационного полка). О потерях личного состава в дивизиях ничего не говорилось, следовательно, о них в штабе корпуса сведений не имелось. По-видимому, командир корпуса считал, что ничего серьезного еще не произошло, так как он приказал командиру 6-й стрелковой дивизии «коротким контрударом выбить противника из Бреста»¹¹.

Постановка задачи на контрудар только 6-й стрелковой дивизии свидетельствовала о стремлении командира корпуса действовать по плану прикрытия, так как 42-я стрелковая дивизия после сбора должна была выдвигаться в район Семятиче.

Для прикрытия и поддержки действий 6-й дивизии в районе Бреста и с целью разведки с аэродрома Именин вылетал уже сильно ослабленный 123-й истребительный авиационный полк во главе с его командиром майором Б.Н. Суриным. Во время вылетов авиация наступления наших войск под Брестом не об-

наружила. Она наблюдала только переправу немецких войск на широком фронте через реку Западный Буг. В воздушных боях остатки авиационного полка понесли очередные потери. В этих боях проявил самоотверженность и героизм командир 123-го истребительного авиационного полка. Майор Б.Н. Сурин лично принял участие в четырех воздушных боях, сбил три самолета противника, но в последнем неравном бою погиб.

Только в 6 часов командование армии получило из округа приказание: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому. Павлов, Фоминых, Климовских»¹². Но войска армии уже с 4 часов вели тяжелые бои. Это приказание свидетельствовало лишь о незнании командованием округа того, что делалось на границе в первые часы войны, в течение которых над окружным руководством продолжало довлеть указание из центра: «Не поддаваться на провокацию». Этим можно объяснить и то, что первые сообщения о боях на границе были восприняты в округе как вооруженная провокация со стороны немцев. И лишь через 1,5 часа там убедились, что началась война.

Командование армии фактически также никаких самостоятельных решений, кроме приведения войск в боевую готовность, в первые два часа войны не приняло. А убедившись, что война началась, оно пыталось провести в жизнь решения, принятые до войны по плану организации района прикрытия, которые никак не соответствовали складывавшейся обстановке.

Сбор войск в районах, предусмотренных планом прикрытия, для последующего выдвижения их в назначенные полосы обороны в создавшейся обстановке стал невозможен. Попытки войск выйти в свои районы сбора из-за больших переходов, во время которых они несли большие потери, были неудачными, и поэтому организовать оборону и оказать сопротивление на линии создаваемого укрепленного района оказалось невозможным.

В период с 6 до 7 часов немецкая авиация своими ударами разрушила военный городок в Кобрине, и штаб 4-й армии к

10 часам перешел в Буховичи и начал организовывать управление войсками с запасного командного пункта.

Наладить управление и материально-техническое обеспечение войск, а также оказать им реальную помощь в авиационном и зенитно-артиллерийском обеспечении боевой деятельности, в короткий срок штаб армии не имел возможности. Для установления непрерывно действующей связи с дивизиями не было средств. Связь приходилось осуществлять лишь подвижными средствами через офицеров связи. Получаемые данные о действиях войск и отдаваемые распоряжения быстро старели ввиду резких изменений обстановки. Для развертывания работы тыловых частей и учреждений не было ни людей, ни транспортных средств, ни ясного понимания того, как же организовать снабжение войск в создавшихся условиях. Зенитные артиллерийские части и подразделения армии, находившиеся накануне войны в Крупках, естественно, прибыть еще не могли. Организовать воздушную разведку, прикрытие войск истребительной авиацией и бомбардировочные удары по врагу армия также не имела возможности. Истребительные полки потеряли почти все самолеты и не могли выполнять боевых задач, а около 10.00, то есть в этот же день, последующими ударами немецкая авиация разгромила и бомбардировочный полк 10-й смешанной авиадивизии на аэродроме в Пинске, уничтожив почти все самолеты, в том числе и новые бомбардировщики Пе-2, которые не были даже заправлены горючим. В бомбардировочном авиационном полку осталось только 10 самолетов СБ. Во второй половине дня 22 июня на Пинский аэродром перебазировалось около эскадрильи истребителей (из 33-го и 123-го авиационных полков). Командир 10-й смешанной авиационной дивизии, не имевший к тому времени технической связи с Пинском, убыл со своим штабом в Пинск. В дальнейшем штаб армии со штабом авиационной дивизии связи не имел. Остатки этой дивизии совместных действий с войсками армии больше не вели.

Следует отметить, что при утреннем налете на Пинск немецкой авиации удалось уничтожить склад горючего и смазочных материалов и разбить окружной артиллерийский склад. В последнем уцелела лишь часть хранилищ.

К 10 часам утра в полосе армии создавалась тяжелая обстановка, но осознать и оценить ее по-настоящему никто не мог. Только к 12 часам дня 22 июня в адрес командования армии поступило несколько донесений о боевых действиях войск. Но и по этим донесениям не представлялось возможным оценить сложившуюся обстановку.

Из докладов возвратившихся из дивизий офицеров штаба армии и докладов делегатов связи обстановка начала несколько проясняться. Стало очевидным, что выбить противника из Бреста не по силам не только одной уже небоеспособной 6-й стрелковой дивизии, но и всему 28-му стрелковому корпусу.

Офицер штаба, прибывший из 49-й стрелковой дивизии, доложил, что ее 15-й стрелковый и 31-й артиллерийский полки ведут бой с переправившимися через Западный Буг крупными силами немцев севернее Немирува. Остальные полки дивизии в период с 9 до 10.00 выступили для занятия обороны в полосе 10-й армии севернее Дрогичина. Левофланговая 75-я стрелковая дивизия армии вела бой восточнее Медной и за Черском.

Получив данные об обстановке, командующий армией примерно в 11 часов 30 минут отдал войскам следующие распоряжения: 28-му стрелковому корпусу не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинку; 14-му механизированному корпусу в составе 22-й и 30-й танковых дивизий, сосредоточившемуся в районе Видомль, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении вместе с 28-м стрелковым корпусом и 10-й смешанной авиационной дивизией и восстановить положение.

Докладывая об отданных распоряжениях, командующий армией в своем боевом донесении № 05 (в 11.55 22.6.1941 г.) просил командующего округом «задержать продвижение противника с брестского направления авиацией»¹³.

Из отданных командующим армией распоряжений видно, что обстановка для него и штаба армии продолжала оставаться недостаточно ясной, так как войскам армии ставились невыполнимые задачи. Во-первых, 22-я и 30-я танковые дивизии еще не сосредоточились в район Видомль, Жабинка, откуда им предстояло атаковать противника. Во-вторых, возможность их

совместного сосредоточения исключалась, так как 22-я танковая дивизия при отходе из Бреста оказалась разорванной на две части (часть ее отходила на Жабинку, другая часть — на Радваничи) и несла большие потери. В-третьих, 14-й механизированный корпус по приказу должен был перейти в атаку совместно с 28-м стрелковым корпусом, а 42-я стрелковая дивизия этого корпуса продолжала выполнять прежнюю задачу — пыталась выйти в полосу своей обороны северо-западнее Бреста (на правый фланг Брестского укрепленного района); последнее приказание не отменяло этой задачи; 6-я стрелковая дивизия оказалась в тяжелом положении. Ее части в виде отдельных отрядов действовали в разных районах.

Около 11.00 начальник штаба 4-й армии полковник Л.М. Сандалов с группой штабных офицеров выехал с нового командного пункта в Кобрин. В городе они встретили много офицеров и солдат, отходивших поодиночке и группами из Бреста и Жабинки на восток. Из собранных офицеров и солдат по указанию начальника штаба сформировали отряд силой до двух батальонов, которому придали на усиление батарею 45-мм орудий и роту танков из 205-й моторизованной дивизии. Командиром отряда назначили начальника отдела боевой подготовки 4-й армии подполковника А.В. Маневича и приказали занять оборону западнее Кобрина.

Подполковник А.В. Маневич одновременно назначался и начальником гарнизона в Кобрине. По этой линии он получил приказание обеспечить части и штаб армии горючим из кобринского склада ГСМ, а оставшееся от раздачи горючее в случае угрозы со стороны врага сжечь, так как средств для эвакуации склада не имелось. Другие склады, размещавшиеся в Кобрине, надлежало эвакуировать по железной дороге вместе с гражданскими складами.

Начштаба 4-й армии дал указание городскому военному комиссару в Кобрине призвать по мобилизации как можно больше разных возрастов мужчин, мобилизовать автотранспорт и лошадей и одновременно связаться с Брестским областным военным комиссариатом. В случае если с ним не удастся восстановить связь, поступить в подчинение Пинского облво-

енкомата¹⁴. На вопрос горвоенкома, что посоветовать делать местным властям, было сказано, чтобы они эвакуировали все ценное в Пинск. Дать указание об уничтожении при отходе важных гражданских объектов, в том числе железнодорожных мостов и шлюзов на р. Мухавец, узла связи в городе, полковник Л.М. Сандалов не решился. Во второй половине дня 22 июня начштаба 4-й армии вручил Кобринскому горвоенкому для передачи Брестскому и Пинскому облвоенкомам телеграмму округа следующего содержания: «Поднять сборы директиве 008151 весь приписной состав, людей, лошадей, мехтранспорт головных складов, всех служб, всех УРов...»¹⁵.

В соответствии с планом прикрытия и распоряжением командующего армией дивизии 14-го механизированного корпуса продолжали сосредоточение в районе Жабинки. Условия сосредоточения и состояние дивизий к середине дня 22 июня видны из боевого донесения № 1 штаба корпуса.

Командир корпуса генерал-майор танковых войск С.И. Оборин доносил, что 30-я танковая дивизия к 11 часам 22 июня 1941 года находилась на марше в район сосредоточения и головной колонны главных сил вышла к рубежу Поддубно. Технической связи с нею не было. По докладу делегата связи, дивизия имела один боекомплект боеприпасов и одну заправку горючего. На марше ее части подвергались неоднократно налету авиации противника. О потерях сведений не поступало.

22-я танковая дивизия к 12 часам с большими потерями вышла в район сосредоточения: 43-й и 44-й танковые полки — Хмелево, Селище, (иск.) Жабинка, Подречье; мотострелковый полк к этому времени сосредоточился в лесу, восточнее Радваничей, и привел себя в порядок. В частях дивизии осталось очень ограниченное количество боеприпасов, горючее было на исходе (только в машинах), продовольствие и кухни отсутствовали, средств связи не имелось. Требовался немедленный подвоз в дивизию боеприпасов, горючего и продовольствия. Командир корпуса просил осуществить этот подвоз средствами армейского транспорта.

205-я моторизованная дивизия, 20-й мотоциклетный полк и 67-й инженерный батальон приводились в боевую готовность

в районах своей постоянной дислокации. Один мотострелковый полк дивизии готовился к совершению ночного марша в район леса в 4 км севернее Тевли.

В этом же донесении генерал Оборин указывал, что из средств связи штаб корпуса, кроме одной радиостанции 5-АК, ничего не имеет и что он принимает меры к восстановлению порядка в 22-й танковой дивизии и установлению радиосвязи¹⁶.

В соприкосновении с противником 30-я танковая дивизия вошла в период с 12 до 13 часов. Ее передовой отряд вступил в бой с 18-й танковой дивизией противника в районе Пилищей и на некоторое время остановил ее продвижение. В это время южнее, на участке Чернавчицы, Бол. Курница, вели бои части 42-й стрелковой дивизии, а еще южнее, от Черни до р. Мухавец, — отходившие части и подразделения 6-й стрелковой дивизии.

Для прикрытия направления на Кобрин и ликвидации разрыва между частями 22-й танковой дивизии, отходившей танковыми полками на Жабинку и остальными частями на Радваничи, на рубеже Жабинка, Хведковичи заняли оборону части 42-й стрелковой дивизии, дислоцировавшиеся восточнее Бреста: 459-й стрелковый (без батальона) и 472-й артиллерийский полки. Части 75-й стрелковой дивизии продолжали вести бои за Медную и Черск.

Северо-западнее (в полосе 10-й армии) противник наступал только против ее левого фланга, то есть в той части полосы, которая по плану прикрытия предназначалась для занятия ее войсками 13-й армии. В центре полосы 10-й армии противник наступал лишь отдельными мелкими отрядами.

Командование округа, имея весьма скудные и отрывочные данные об обстановке, в первой половине дня 22 июня никаких кардинальных решений не принимало. Все отданные штабом округа распоряжения носили частный характер и были направлены главным образом на ускорение выдвигания войск из глубины округа. Причинами незнания обстановки являлись отсутствие авиационной разведки и связи с агентурной разведкой, перерыв проводной связи с войсками, неумение наладить

радиосвязь и связь подвижными средствами и самолетами с армиями, которые к тому же и сами не имели исчерпывающих данных об обстановке.

Противник своими танковыми дивизиями, взаимодействовавшими с авиацией, во второй половине дня, сбивая наши недостаточно сильные части, продолжал теснить их в восточном направлении. Войска 4-й армии продолжали с боями отходить. 205-я моторизованная дивизия готовила оборонительный рубеж по р. Мухавец от Пружан до Запруд. Ее стрелковые подразделения с инженерным батальоном 14-го механизированного корпуса готовили для обороны район Береза-Картузской, а мотоциклетный полк — район Дрогичина.

На моральном состоянии наших войск кроме первых ошеломляющих ударов врага отрицательно сказался беспорядочный отход одиночек и групп невооруженных рабочих и разных строительных подразделений из Брестского укрепленного района, которые сеяли панику и распространяли слухи о просочившихся в наш тыл автоматчиках, о выброшенных немецких десантах, об обходе наших войск на флангах, об окружениях и т.п. Тем не менее отходившие войска старались зацепиться за любой более или менее подходящий рубеж. Но сил и необходимой организованности для решительного отпора наступавшему противнику не хватало, и отход продолжался.

Так как с командного пункта армии в Буховичах установить проводную связь с округом и корпусами не удалось, то в период с 16 до 17 часов началось перемещение штаба армии из Буховичей в Запруды, где к этому времени начал работать организованный новый узел связи армии.

При переходе штаб армии понес большой урон от ударов немецкой авиации: уничтожены штабные автобусы и две радиостанции, предназначенные для работы с округом и авиационной дивизией, убито и ранено много офицеров штаба.

Для доклада обстановки в полосе армии и получения информации об общей обстановке и указаний на дальнейшие действия около 16 часов на вспомогательный пункт управления (ВПУ) штаба округа в Обуз-Лесьну был направлен начальник оперативного отделения оперативного отдела штаба 4-й армии

капитан В.С. Макаров. Одновременно начальнику связи армии полковнику А.Н. Литвиненко удалось установить связь по аппарату «Морзе» с Минском, и начальник штаба армии получил возможность переговорить с начальником штаба фронта¹⁷ генерал-майором В.Е. Климовских.

После доклада об обстановке начштаба 4А получил указание принять все меры к восстановлению положения. Генерал-майор Климовских приказал также связаться со штабом 10-й армии, сообщить в штаб фронта обстановку в ее полосе и передать командующему 10-й армией генерал-майору К.Д. Голубеву о переподчинении ему 49-й стрелковой дивизии, так как управление 13-й армии на Бельский участок фронта не прибывает. Начальник штаба фронта добавил, что в штаб 4-й армии прибывает представитель от командования фронта. Во время переговоров выяснилось, что о противнике и ополжении 10-й и 3-й армий в штабе фронта ничего не известно.

В 10-ю армию делегата связи посылать не пришлось, так как вскоре прибыл делегат от этой армии, которым, к великому удивлению всех, оказался начальник штаба 2-го стрелкового корпуса полковник Л.А. Пэрн, — того штаба, который должен был подчинить себе 49-ю и 113-ю стрелковые дивизии и вместе с 13-м механизированным корпусом войти в состав 13-й армии.

Полковник Пэрн сообщил, что, хотя управление 2-го стрелкового корпуса находится в районе Бельска, никаких боевых задач оно не получало, а в отношении прибытия в Бельск штаба 13-й армии данных нет. Войска 10-й армии с началом боевых действий по боевой тревоге заняли оборонительные рубежи и успешно удерживают их. Ее войска противник потеснил только на флангах. Данных о группировке противника у армии нет.

Вслед за делегатом от 10-й армии в 18 часов на командный пункт в Запруды прибыл помощник командующего войсками округа (фронта) по военно-учебным заведениям (ВУЗам) генерал-майор И.Н. Хабаров. Он вручил командующему 4-й армией генерал-майору А.А. Коробкову приказание из штаба фронта, подписанное начальником штаба фронта генерал-майором Климовских. В приказании говорилось:

«Командующему 4-й армией.

Командующий ЗапОВО приказал: прорвавшиеся и прорывающиеся банды решительно уничтожать, для чего в первую очередь используйте корпус Оборина (14 мк). В отношении действий руководствуйтесь “красным пакетом”. Авиацию используйте для совместных атак с мехчастями. Обращаю исключительное внимание на поддержание связи. Используйте радиосвязь, связь постов ВНОС, делегатов на самолетах прямо в штаб округа и до ближайшей переговорной телеграфной или телефонной станции. Информировать через каждые два часа. Ответственность за это возлагаю на вас»¹⁸.

К приказанию была приложена выписка из директивы НКО СССР № 2 от 22 июня 1941 года для руководства к действиям. Директива Народного комиссара обороны требовала: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить»¹⁹.

Таким образом, директива НКО № 2, изданная утром 22 июня, попала в штаб 4-й армии лишь в 18.00, примерно через 11 часов. А за это время на фронте произошли большие события: немецкие танковые дивизии уже углубились на нашу территорию на 25—30 км. Наши войска, особенно 22-я танковая и 6-я стрелковая дивизии, понесли большие потери в людях и боевой технике. В 10-й смешанной авиационной дивизии осталось всего лишь несколько самолетов.

Естественно, что требования как директивы Народного комиссара обороны, так и приказания штаба фронта уже не соответствовали сложившейся обстановке. Тем не менее на основе этих требований штаб армии немедленно составил боевой приказ. По проекту приказа вначале 205-я моторизованная дивизия не включалась в состав ударной группировки, а оставалась на месте и продолжала подготавливать оборону на рубеже р. Мухавец и в районе Береза-Картузской. Однако командующий армией, основываясь на указании штаба фронта — руководствоваться в действиях «красным пакетом», то есть планом прикрытия, — приказал включить для контрудара

и эту дивизию, невзирая на возражения штаба армии и на то, что, по расчетам, дивизия могла перебросить имевшимся автотранспортом в район Жабинки лишь незначительную часть своего состава.

Командующий армией, правда, пытался по этому вопросу узнать мнение генерала Хабарова, как представителя штаба фронта, на что получил ответ: «Вам по обстановке виднее». Тогда генерал А.А. Коробков напомнил всем о том, что бывший командующий Белорусским военным округом генерал-полковник М.П. Ковалев на играх всегда приводил слова полководца Монте-Куолли: «В бою ни одно ружье не должно стоять сложа руки». Это означало, что оставлять вне боя целую дивизию он, командующий армией, не имеет права. Аргумент этот был довольно слабым, но командующего армией поддержал генерал Хабаров. Он заверил, что уже с вечера 22 июня из города Слуцка в Береза-Картузскую начнет перебрасываться на автомашинах 55-я стрелковая дивизия, которая продолжит работы, проводимые 205-й моторизованной дивизией.

Прибывший в это время из Бреста, где его застала война, член Военного совета армии дивизионный комиссар Ф.И. Шлыков также не поддержал штаб, и в результате в боевом приказе № 2, отданном войскам армии в 18 часов 30 минут 22 июня 1941 года, войскам на 23 июня ставились следующие задачи:

«Войска 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Зап. Буг. Удар наносят 14-й механизированный корпус совместно с 28-м стрелковым корпусом и скоростным бомбардировочным авиационным полком 10-й смешанной авиационной дивизии, 75-й и 49-й стрелковым дивизиям продолжать удерживать занимаемые рубежи.

14-му механизированному корпусу (22, 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) с утра 23.6.41 г. нанести удар с рубежа Кривляны, Пилици, Хмелево в общем направлении Высокое с задачей к исходу дня уничтожить противника восточнее р. Зап. Буг. На правом, заходящем фланге иметь 30-ю танковую дивизию, а для развития успеха и прикрытия правого

фланга — 205-ю моторизованную дивизию. Атаку танков поддерживает бомбардировочный авиационный полк 10-й смешанной авиационной дивизии.

28-й стрелковый корпус наносит удар своим правым флангом (6-й, 42-й стрелковыми дивизиями и батальоном танков 205-й моторизованной дивизии) в общем направлении на Брест, имея задачей к исходу дня занять Брест.

Атаку начать в 5.00 23.6.41 г. после 15-минутного огневого налета.

Границу до особого распоряжения не переходить»²⁰.

В приказе ничего не говорилось о противнике, так как данных о нем штаб армии не получил ни от своих войск, ни от авиации, ни из штаба фронта. Приказ не давал войскам также никаких указаний и по вопросам тыла.

Порядок принятия решения и издание боевого приказа № 02 войскам армии свидетельствовали о стремлении механически выполнить волю вышестоящего начальника без учета конкретных условий, сложившихся в полосе армии. В решении не были учтены ни группировка, ни силы и характер действий противника, ни состояние своих войск. Правда, командование армии находилось в очень трудном положении. Для принятия самостоятельного, наиболее отвечающего обстановке решения оно не располагало необходимыми данными ни о противнике, ни о своих войсках. Перед принятием решения никаких справок не заслушивалось. Ни начальник разведки, ни начальники родов войск и служб не располагали достоверными данными, которые они могли бы доложить по кругу вопросов, входивших в их компетенцию, а слушать общие рассуждения не было времени.

После оформления приказа генерал Хабаров информировал командование армии о том, что сегодня в 10-ю армию для руководства конно-механизированной группой (часть сил 6, 11 мк, 36 кд по плану, реально часть сил 6 мк) вылетит генерал-лейтенант И.В. Болдин. Эта группа совместно с 3-й армией должна была нанести удар по противнику на гродненском направлении. В это же время штаб армии получил информацию о том, что управление 13-й армии переходит не в Бельск, а в Новогрудок.

Боевой приказ № 02 был вручен вызванным по радио на командный пункт армии командиру и начальнику штаба 14-го механизированного корпуса лично командующим армией.

На основе приказа войскам армии командир корпуса генерал С.И. Оборин в 20.00 отдал корпусу свой боевой приказ № 1, по которому 14-й механизированный корпус в 4 часа 23 июня 1941 года переходил в контратаку с задачей во взаимодействии с 28-м стрелковым корпусом окружить и уничтожить противника в районе Подлесье, Ивахновичи, Хмелево.

При этом приказывалось 30-й танковой дивизии атаковать противника в направлении Богдюки, Турна и во взаимодействии с 22-й танковой дивизией уничтожить его в районе Подлесье, Завершаны, Хмелево; 22-й танковой дивизии атаковать противника в направлении Велюнь и во взаимодействии с частями 28-го стрелкового корпуса уничтожить противника в районе Хмелево, Гутовичи, Саки.

Командир корпуса приказал командирам дивизий до наступления в течение ночи привести в полный порядок части, пополнить полностью боеприпасы, горючее и продовольствие.

Командный пункт корпуса к 22 часам 22 июня 1941 года переходил в лес, 500 м западнее Хорьков²¹.

Задача 205-й моторизованной дивизии в приказе не была поставлена. Командиру корпуса удалось переубедить командующего армией в нецелесообразности привлекать эту дивизию к контрудару.

Следовательно, внешне как будто все обстояло благополучно. Приказ войскам отдан. Подготовка к предстоящим действиям должна начаться, а утром наши войска нанесут ответный удар врагу.

Однако обстановка, складывающаяся для советских войск крайне неблагоприятно, требовала других решений, других указаний войскам, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу.

К исходу 22 июня полных данных о противнике и своих войсках не имелось ни в штабе фронта, ни в штабе армии. О действительном положении частей и размерах понесенных ими потерь не знали даже командиры соединений.

Обстановку, которая сложилась в полосе армии к исходу первого дня войны, удалось установить только после войны путем изучения сохранившейся части войсковых и армейских документов, воспоминаний участников событий и трофейных документов. Она характеризовалась следующим.

Войска 4-й армии к исходу 22 июня 1941 года под ударами противника отошли от государственной границы на 25—30 км. Передовые части 18-й немецкой танковой дивизии прорвались в глубь нашей территории на пружанском направлении почти на 40 км.

30-я танковая дивизия вела бой на рубеже Пилищи, Подлесье и частью сил севернее Ратайчицы с 18-й и 17-й танковыми дивизиями 47-го немецкого моторизованного корпуса.

22-я танковая дивизия приводила в порядок танковые и моторизованные подразделения, сосредоточившиеся в районе севернее Жабинки; частью сил мотострелкового и артиллерийского полков она вела бой на рубеже Ракитница, Радваничи с частями 3-й танковой дивизии 24-го немецкого моторизованного корпуса, обеспечивая сбор пеших²² подразделений своей дивизии восточнее этого рубежа.

205-я моторизованная дивизия заняла для обороны рубеж по р. Мухавец от Пружан до Запруд, пешие подразделения дивизии и саперный батальон 14-го механизированного корпуса готовили оборону района Береза-Картузской.

Штаб 14-го механизированного корпуса по-прежнему находился в районе Тевли, мотоциклетный полк — в Дрогичине.

Танковые дивизии корпуса начали подготовку к нанесению контрудара на рассвете 23 июня.

42-я стрелковая дивизия сдерживала части 31-й немецкой пехотной дивизии на подступах к Жабинке.

Части 6-й стрелковой дивизии совместно с 459-м стрелковым полком 42-й дивизии вели бой в районе Хведковичей с частями 3-й танковой и 34-й пехотной немецких дивизий.

Оставшийся в Брестской крепости гарнизон, состоявший из подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий, вел тяжелые бои с 45-й пехотной дивизией и другими частями 12-го армейского корпуса противника.

Штаб 28-го стрелкового корпуса перешел в район Кобрина. Корпус начал подготовку к участию 23 июня в контрударе совместно с танковыми дивизиями 14-го механизированного корпуса и, в случае успеха, к наступлению с ними на Брест.

75-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже Пожежин, Малорита, Хотислав с немецкими 4-й танковой, 1-й кавалерийской и 255-й пехотной дивизиями.

15-й стрелковый и 31-й артиллерийский полки 49-й дивизии сдерживали наступление противника на рубеже Верполь, Токары. Остальные силы дивизии продолжали выдвигаться в северо-западном направлении. При этом 212-й стрелковый и 166-й гаубичный полки, следуя по маршруту Нужец, Семятиче, Цехановец, столкнулись с противником в 25—30 км западнее Нужец и развернулись для боя, не имея связи ни с соседями, ни со штабом дивизии. 222-й стрелковый полк подходил к лесам севернее н/п Семятиче²³.

Ввиду того, что 49-я стрелковая дивизия выступила из своего района в северо-западном направлении, противник почти беспрепятственно начал продвигаться в направлениях Высокое и Нужец, охватывая 15-й стрелковый полк с обоих флангов. К исходу дня, как это указано в оперативной сводке группы армий «Центр» за 22 июня, передовые части 134-й немецкой пехотной дивизии вышли на подступы к Высокое, а 252-й пехотной дивизии — к лесам южнее Нужец.

Большая часть личного состава 17-го пулеметно-артиллерийского батальона отходила из района Волчина в направлении Высокое, где находился штаб 62-го укрепленного района²⁴. Несколько подразделений этого батальона продолжали героически вести бои в окружении в занимаемых ими огневых долговременных сооружениях южнее Волчина. В том же направлении отходила небольшая группа личного состава 18-го пулеметно-артиллерийского батальона из района Бреста. 16-й пулеметно-артиллерийский батальон 62-го укрепленного района, по данным оперативной сводки 4-й немецкой армии за 22 июня, успешно отражал наступление фланговых частей 292-й и 252-й пехотных дивизий врага.

Отряд подполковника А.В. Маневича в составе двух батальонов подготавливал оборону на западной окраине Кобрина.

Остатки 10-й смешанной авиационной дивизии вместе со штабом находились в Пинске. Связи со штабом армии дивизия не имела.

Пинская военная флотилия передовым отрядом вышла в район Кобрина, но связи ни со штабом армии, ни с соединениями 28-го стрелкового корпуса не установила.

Управление Кобринского бригадного района ПВО вместе с остатками 218-го дивизиона ПВО перешло в Береза-Картузскую.

Штаб 4-й армии находился в Запрудах.

Части 6-й и 42-й стрелковых дивизий 28-го стрелкового корпуса, а также 22-я танковая дивизия, действовали в нескольких разобщенных и не имеющих между собой связи группах. Основные силы 6-й стрелковой дивизии во главе с командиром дивизии М.А. Попсуй-Шапко, его заместителем по политической части и начальником штаба, а также двумя командирами стрелковых полков, находились на указанном выше рубеже. Вторая группа войск этой дивизии под командованием заместителя командира дивизии полковника Ф.А. Остапенко была собрана севернее Жабинки — в районе сосредоточения 22-й танковой дивизии. В ее составе находилось несколько подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий, отошедших из районов оборонительных работ на границе, часть 125-го стрелкового полка (полковая школа, остатки одного батальона и спецподразделения) и часть подразделений 447-го корпусного артиллерийского полка²⁵. Третья группа 6-й стрелковой дивизии в составе подразделений 84-го стрелкового и 204-го гаубичного полков находилась совместно с мотострелковым полком и пешими подразделениями 22-й танковой дивизии в районе Радваничей и соединилась с основными силами только утром 23 июня под Кобрином. Кроме того, часть дивизии осталась в Брестской крепости.

Части 42-й стрелковой дивизии, вышедшие из Бреста, занимали рубеж на подступах к Жабинке, а 459-й стрелковый и 472-й артиллерийский полки как бы связывали разоб-

ценные части 22-й танковой дивизии на участке Жабинка, Хведковичи.

В течение ночи войска армии должны были пополниться боеприпасами, горючим и продовольствием, эвакуировать в тыл раненых и изготавиться к контрудару. Обеспечение 22-й танковой дивизии и дивизий 28-го стрелкового корпуса горючим и продовольствием намечалось произвести за счет запасов на складах в Кобрине, а боеприпасами — из склада 205-й моторизованной дивизии. 22-й танковой дивизии приэтом передавались автоцистерны и кухни 205-й моторизованной дивизии.

Вследствие того что в дивизиях и частях 28-го корпуса средств подвоза осталось крайне мало, а корпусного и армейского автотранспорта не было, войска получили горючего и продовольствия менее суточной потребности. Так как оба окружных артиллерийских склада оказались уничтоженными, то получать снаряды и патроны войскам армии стало негде. Части и соединения армии не имели средств санитарной эвакуации, которые планировалось получить по мобилизации, и поэтому не имели возможности наладить планомерную эвакуацию больных и раненых. Рассчитывать на участие 23 июня авиации в совместных действиях с наземными войсками, на авиаперевозку и прикрытие с воздуха также не приходилось.

Все это, вместе взятое, не давало почти никаких шансов на успех предстоящего с утра 23 июня армейского удара.

Однако ни командующий армией, ни штаб армии, ни командиры корпусом не поставили перед штабом фронта вопрос о нецелесообразности проведения контрудара и не внесли предложения о переходе к обороне.

Сосед справа — 10-я армия — к исходу 22 июня сдерживала наступление противника на своем левом фланге. Ее войска в центре полосы, не испытывая сильных ударов противника, отошли от границы на незначительное расстояние, а частью сил оставались на занятых по боевой тревоге оборонительных рубежах.

113-я стрелковая дивизия, выступившая утром из района Семятиче для занятия оборонительного рубежа, предусмотренного планом прикрытия, была атакована во фланг, разверну-

лась и вступила в бой с частями 9-го немецкого армейского корпуса. К исходу дня дивизия понесла большие потери. Ее разрозненные, не связанные между собой части и подразделения вели бой в ряде пунктов между Цехановцем и Семятиче. Штаб дивизии находился в Боцьках. В этом же районе, не имея связи со 113-й стрелковой дивизией, действовали части 13-го механизированного корпуса, выдвинувшиеся из района Липы, Браньск, Боцьки²⁶.

В 16 часов 22 июня начальник штаба 10-й армии генерал-майор П.И. Ляпин получил приказание из округа включить в состав армии 49-ю стрелковую дивизию, но связаться с нею не смог²⁷.

Штаб 10-й армии до вечера 22 июня находился на командном пункте в 20 км западнее Белостока. Подвижные корпуса в полосе армии (6-й механизированный и 6-й кавалерийский) продолжали сосредоточиваться по плану прикрытия в районе сбора севернее Белостока.

3-я армия Западного фронта, так же как и 4-я, в первые часы понесла большие потери от авиации и артиллерии и под ударами 3-й танковой группы и армейских корпусов 9-й полевой армии противника вынуждена была отступать. К исходу дня ее войска вели бои на р. Неман севернее Гродно и на подступах к Гродно.

Войска второго эшелона округа, находившиеся за стыком 4-й и 10-й армий, продолжали выдвижение к фронту: 155-я стрелковая дивизия — из Барановичей на Волковыск; 55-я стрелковая дивизия — в районе Синявка, Городище (юго-восточнее Барановичей), а не в Береза-Картузскую, как намечалось раньше; 143-я и 121-я стрелковые дивизии — в район Лесьна, Слоним, Бытень. При этом 155-я стрелковая дивизия совершала марш, 55-я стрелковая дивизия перебрасывалась на автомашинах, а 143-я и 121-я стрелковые дивизии — по железной дороге. Управление 47-го стрелкового корпуса с корпусными частями начали подготовку для переброски по железной дороге в Тимковичи.

Точно такая же картина происходила за стыком 10-й и 3-й армий, где 24-я стрелковая дивизия и дивизии 21-го стрелкового корпуса продолжали выдвижение по железной дороге и походным порядком в район Лиды.

В район Минска продолжали прибывать дивизии 2-го и 44-го стрелкового корпусов.

Штаб фронта оставался в Минске, а ВПУ фронта во главе с заместителем командующего войсками, начальником оперативного отдела и начальником связи фронта — в Обуз-Лесьне. Со вспомогательного пункта управления фронта в первый день войны наладить управление войсками не удалось, и руководство ими не осуществлялось. Связи с армиями ВПУ не имел. Связь штаба фронта с 4-й армией к исходу дня также нарушилась. Представитель 4-й армии капитан Макаров, прибывший к исходу дня на ВПУ, не получил ни информации об обстановке, ни указаний о дальнейших действиях армии и вынужден был направиться в Минск.

Положение дел на командном пункте ВПУ фронта характеризуется содержанием переговоров заместителя командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенанта В.Н. Курдюмова со штабом фронта.

«Из штаба фронта: Товарищ генерал-лейтенант! Командующий приказал... выяснить, вернулись ли посланные нами делегаты связи в армии и что привезли?»

Курдюмов: Нет, не вернулись. Ожидаю их в ближайшее время... Ожидаю ответа на мои вопросы, которые поставил во время предыдущих разговоров.

Из штаба фронта: Командующего интересует главное, где штабы армий и войск и что делают войска. Хотелось бы знать, когда вернутся делегаты и какие у них средства передвижения. Когда их можно ожидать?

Курдюмов: Я их ожидаю с минуты на минуту. Они все поехали на машинах. У меня связи со штабами армий нет. По радио имеется связь с 4-й армией, но разговаривать с ней я не могу, так как нет шифра...»²⁸

К исходу дня командование фронта разослало облвоенкомам мобилизационные телеграммы о введении схемы «Гроза» (общая мобилизация). Такая же телеграмма штабом фронта была получена из Генерального штаба в 18 часов 30 минут 22 июня²⁹.

В результате внезапного нападения германских армий, неподготовленности советских войск к отражению противника и

потери управления войсками и первые же часы войны большая часть соединений 4-й армии Западного фронта 22 июня потерпела серьезное поражение и к исходу дня в значительной степени потеряла боеспособность. Такая же участь постигла и 3-ю армию на правом крыле фронта. Войска обеих армий понесли большие потери в людях, вооружении, боевой технике и материальных запасах и вынуждены были отступать.

Войска 4-й армии оставили линию укрепленного района, где они должны были развернуться по плану прикрытия, и, не имея в тылу подготовленных оборонительных рубежей, вынуждены были вести бои в невыгодных для себя условиях.

Самолетный парк авиационных дивизий армий и частично авиационных соединений окружного (фронтového) подчинения был уничтожен первыми ударами авиации противника преимущественно на аэродромах. Почти все окружные склады на территории армий и войсковые склады в приграничной зоне оказались также уничтоженными.

Проводная связь на большей части Западной Белоруссии была разрушена, значительная часть средств связи армейских и корпусных батальонов связи уничтожена, в силу чего управление войсками фронта дезорганизовано, связь между штабами всех степеней работала с большими перебоями.

Авиация противника произвела большие разрушения на железных дорогах. В частности, на Брестском направлении в течение 22 июня, по данным сводки начальника управления военных сообщений фронта, направленной начальнику военных сообщений (ВОСО) Красной армии, противник разрушил железнодорожную связь на участках: Коссово, Бронна Гура (16 пролетов, восстановлена в 15 часов); Береза-Картузская, Оранчицы (связь не восстановлена); Городец, Жабинка (связь не восстановлена). Железнодорожная связь с Гродно, Белостоком и Брестом была нарушена в 4 часа 20 минут и к исходу дня не восстановлена.

Бомбовыми ударами авиация противника разрушила железнодорожные пути на станции Кобрин (восстановлены в 9 часов); на участке Зельва, Войткевичи, где, кроме того, авиация разбила два поезда (один из них с семьями начсостава на разъ-

езде Войткевичи); на разъезде Молодковичи (10 км западнее Пинска) пути разрушались три раза (пути восстановлены в 19 часов 15 минут). На участке Береза-Картузская, Оранчицы были разрушены обе колеи железнодорожного полотна протяженностью 1 км, на ст. Жабинка — три пути³⁰.

Все шоссейные и основные грунтовые дороги в течение дня находились под непрерывным воздействием авиации противника.

Внезапность нападения, большие потери и отсутствие данных не только о противнике, но и о своих войсках создали растерянность у командного состава всех степеней.

Организованного управления войсками в течение первого дня войны со стороны командующего и штаба 4-й армии, а также со стороны командиров соединений, частей и их штабов не было. Основными причинами потери управления явились: разрушение противником постоянных линий связи, отсутствие резерва проводных средств связи, ограниченное количество радиосредств, неумение и боязнь использовать эти средства, а также большой отрыв штабов от войск. Штаб 4-й армии к исходу 22 июня находился в 50 км от линии фронта. Аналогичная картина была и в соседней 10-й армии. С переходом в Ванилы штаб этой армии оторвался от войск более чем на 100 км. Штаб фронта находился на недостижимом для армий расстоянии, а организованный ВПУ, не имея связи, никакого значения в деле управления не имел. Штабы соединений и частей, стремясь сохранить связь с вышестоящими инстанциями, тоже отрывались от войск и теряли с ними связь.

Для создания новых оборонительных рубежей и организации противотанковой обороны войска не имели ни времени, ни опыта, ни средств. Саперных частей и подразделений и инженерных средств в войсках не оказалось.

Отсутствие поддерживающей авиации и зенитных средств оставляло войска и штабы совсем беззащитными от вражеской авиации, что вело к потерям и дезорганизовывало управление.

В таких исключительно тяжелых условиях те части и подразделения, которые сумели сохранить организованность, спо-

койствие и выдержку, дрались с врагом героически. Находясь в отрыве от своих войск, они оказывали противнику упорное сопротивление и отходили только тогда, когда кончались боеприпасы. С первых же минут войны началась героическая эпопея обороны Брестской крепости, продолжавшаяся до середины июля.

Все сохранившиеся после внезапного налета артиллерии и авиации противника подразделения и части армии упорно дрались сначала на рубежах в 5—7 км от государственной границы, затем в районе Жабинки, а также к северу и югу от нее. К исходу дня в этот район отошли почти все уцелевшие подразделения и одиночные военнослужащие, работавшие на границе.

Однако полную боеспособность, и только в 28-м стрелковом корпусе, сохранили 459-й стрелковый и 472-й артиллерийский полки 42-й стрелковой дивизии, которые дислоцировались перед войной в районе Жабинки.

КОНТРУДАР

Приказ командира 14-го механизированного корпуса о проведении контрудара только танковыми дивизиями, без 205-й моторизованной дивизии, продолжал угнетать командующего армией. Он считал, что, поддавшись уговорам работников штаба армии и командира корпуса, поступил легкомысленно, так как отступил от указаний штаба фронта «руководствоваться в действиях “красным пакетом”». Поэтому в ночь на 23 июня, не имея особых возражений со стороны члена Военного совета и начальника штаба армии, он настоял на выполнении своего первого решения об участии 205-й моторизованной дивизии в армейском контрударе. Последняя по распоряжению командира корпуса выделяла большую часть имевшегося автотранспорта, создала два импровизированных моторизованных батальона, которые направила для участия в контрударе: один — в 30-ю танковую дивизию, а другой совместно с танковым полком дивизии (около 40 танков) — в 28-й стрелковый корпус в район Хведковичей.

Взаимодействия частей между 14-м механизированным и 28-м стрелковым корпусами в предстоящем контрударе штаб армии не организовал. Оно свелось лишь к вызову на командный пункт армии командиров и начальников штабов корпусов и постановке им задач. В свою очередь, командиры корпусов и их штабы также ограничились постановкой задач дивизиям.

К началу контрудара командующий армией с группой офицеров выехал на командный пункт 28-го стрелкового корпуса в район Жабинки, но не нашел его, так как тот переместился в Кобрин. Побывав в ряде подразделений 22-й танковой и 6-й стрелковой дивизий, генерал А.А. Коробков остановился в штабе 459-го стрелкового полка восточнее Хведковичей. По рассказам офицеров, сопровождавших командующего армией, при посещении им частей и штабов он нашел почти всех людей спящими. Сказались сильное нервное потрясение от внезапности нападения противника и непривычное боевое напряжение первого дня войны. Кроме того, ввиду необеспеченности продовольствием бойцы и командиры почти сутки не получали пищи. Дали себя знать также привычки мирного времени: строго регламентированный распорядок дня, отсутствие тренировок в многодневных непрерывных учениях с отрывом от мест постоянной дислокации и кратковременным отдыхом. К тому же большинство закаленных в суровых условиях войны с Финляндией бойцов и офицеров было уже демобилизовано и тяжелые испытания начального периода войны легли на плечи недостаточно обученных красноармейцев и молодых командиров, только что прибывших из военных училищ.

В 6 часов 23 июня части 14-го механизированного, 28-го стрелкового корпусов и 75-й стрелковой дивизии начали контратаки против частей 47-го и 24-го моторизованных и 12-го армейского немецких корпусов. Незначительного успеха достигли наши войска только в районе Жабинки и в полосе 75-й стрелковой дивизии. Здесь они потеснили противника на запад.

Однако на других участках противник, поддержанный сосредоточенным артиллерийским огнем и авиацией, перешел в наступление и своими танковыми дивизиями начал быстро продвигаться в направлениях Кобрин и Пружан.

30-я танковая дивизия к началу атаки имела 120—130 боевых танков. В ходе боя утром 23 июня дивизия понесла большие потери в личном составе и танках от огня артиллерии, особенно противотанковых орудий, от пикирующих бомбардировщиков и огня средних танков противника. Затем, будучи обходной с севера из района Каменец 17-й немецкой танковой дивизией, она быстро начала откатываться к Пружанам³¹.

Большие потери понесла от артиллерии и авиации противника и группировка советских войск, действовавшая в районе Жабинка, Хведковичи. Под ударами 3-й танковой, 31-й и 34-й пехотных немецких дивизий, наступавших вдоль Варшавского шоссе, эта группировка начала отходить в район Кобрина. Кроме того, на этом направлении создавалась угроза удара во фланг и тыл нашим войскам со стороны 4-й танковой дивизии противника. Эта дивизия обошла части 75-й стрелковой дивизии с севера и через Пожежин вышла на шоссе Малорита — Кобрин. Не встречая организованного сопротивления наших войск, она быстро продвинулась к Кобрину и на его юго-западной окраине вместе с отрядом подполковника Маневича вступила в бой.

22-я танковая дивизия, в которой перед началом атаки было около 100 танков, в боях под Жабинкой понесла большие потери и под угрозой окружения стала отходить также на Кобрин.

На правом фланге армии части 49-й стрелковой дивизии, выдвинувшиеся севернее Семятиче, не найдя ни с кем связи и не получая ни от кого задач, решением командира дивизии были отведены к утру 23 июня в район Журобица, Нужец, Милейчицы, где и вступили в бой с частями 252-й немецкой пехотной дивизии. Здесь же оказался и 772-й полк 113-й стрелковой дивизии, потерявший связь со штабом дивизии³².

После 7 часов 30 минут отошедшая в район Пружан 30-я танковая дивизия вступила на подступах к этому пункту в бой с 17-й и 18-й немецкими танковыми дивизиями.

Этот бой являлся характерным для танковых боев первых дней войны. Тогда не допускалось мысли, что танковые войска могут вести оборонительные бои на определенном рубеже. Правомерными считались лишь танковые атаки. Такие атаки

против наступавших танковых частей противника превращались во встречные танковые бои, которые оказывались более выгодными противнику. Бой превращался в дуэль танковых экипажей в весьма неравных условиях. С нашей стороны в боях, как правило, участвовали только танки, иногда даже без пехоты, тогда как со стороны противника танки поддерживались артиллерией и авиацией. Естественно, что наши танкисты, и без того уступающие в мастерстве более опытным специалистам из панцерваффе, несли несравнимо большие потери, чем вражеские.

Немецкие танки наступали на Пружаны группами с разных направлений. Они более удачно поражали наши танки с коротких остановок, чем наши танкисты. Кроме того, по нашим танкам противник непрерывно наносил удары с воздуха. От вражеских пикирующих бомбардировщиков 30-я танковая дивизия понесла потерь не меньше, чем от танков и артиллерии противника.

На результатах танковых боев сказывалось и то, что весной 1941 года большинство обученных командиров танков и старших механиков-водителей было переведено с повышением во вновь развернутые подразделения танковых дивизий. Экипажи боевых машин обновились. Молодые бойцы, которые заняли места опытных танкистов в боевых расчетах, не успели пройти полной подготовки. Артиллерийское обеспечение танковых боев оставалось слабым. Артиллерийские полки этих дивизий имели на вооружении только гаубицы с крайне ограниченным запасом снарядов. Средств тяги для орудий также не хватало.

Естественно, что в таких неравных условиях вступать во встречные бои с танками противника было нецелесообразно. Но для использования танков в обороне в то время не имелось опыта; он (опыт) пришел значительно позднее.

В ходе боя между нашей 30-й и 18-й немецкой танковыми дивизиями главные силы 17-й танковой дивизии противника обошли Пружаны с севера, ударили в тыл нашим войскам и ворвались в само местечко. После короткого, но ожесточенного боя противник отбросил части 30-й танковой дивизии на восточную окраину н/п.

Командующий армией и командир 14-го механизированного корпуса повлиять на ход боя в районе Пружан не могли, так как никаких резервов, сил и средств не имели.

Анализируя ход и результаты утренних боев 23 июня, можно считать, что основными причинами неудачного исхода армейского контрудара являлись: неравенство сил — количественное превосходство противника на направлении главного удара и его большой опыт в боевом применении танков; отсутствие необходимого артиллерийского и авиационного обеспечения войск, наносивших контрудар; слабое взаимодействие частей и соединений; отсутствие надежного управления войсками во всех звеньях и слабое материально-техническое обеспечение войск.

После утренних боев части 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов еще больше перемешались и утратили свою боеспособность.

К 9 часам 30 минутам 23 июня сложилась следующая обстановка: 30-я танковая дивизия с мотострелковым полком 205-й моторизованной дивизии после боя с 17-й и 18-й танковыми дивизиями противника в районе Пружан отошла на рубеж Куклин, Линево; дивизия в утренних боях 23 июня потеряла 60 танков.

22-я танковая дивизия к этому же времени после боя с пехотой и танками противника сосредоточилась в районе Гуцки, Полятичи, Андроново (район северо-западнее Кобрина).

28-й стрелковый корпус (42-я и 6-я стрелковые дивизии) с танковым и мотострелковым полками 205-й моторизованной дивизии отошел к Кобрину на рубеж Щиповиче, Мазичи, Кобрин, причем части 42-й и 6-й стрелковых дивизий перепутались и управлялись командиром корпуса и командирами дивизий весьма слабо. Части корпуса в боях утром 23 июня вновь потеряли большое количество личного состава и техники.

75-я стрелковая дивизия продолжала прикрывать пинское направление. О положении 49-й стрелковой дивизии данных в штабе армии к этому времени не имелось.

В 9 часов 30 минут 23 июня командующий армией доносил командующему фронтом: «Слабоуправляемые части, напуган-

ные атаками с низких бреющих полетов авиации противника, отходят в беспорядке, не представляя собой силы, могущей сдержать противника. Попов³³ и Оборин³⁴ проявляют неустойчивость, преждевременно отводят части и особенно штабы»³⁵. Одновременно он сообщал свое решение о переходе армии к обороне на рубеже р. Ясельда, Дрогичин, Кублик с целью приведения частей в порядок и настоятельно просил командующего фронтом:

«а) активизировать действия нашей авиации в борьбе с авиацией противника; задержать авиацией продвижение танков на Пружанском и Березовском (береза-картузское направление) направлениях;

б) придать армии автотранспортные средства, так как артиллерийский склад в Бронна Гура противником взорван, огнеприпасов в частях осталось мало, а транспорта для подвоза из Пинска недостаточно»³⁶.

В донесении довольно точно характеризовалось состояние войск армии, давалась объективная оценка действий командования и штабов соединений и впервые было доложено самостоятельное, не исходящее из плана прикрытия решение о переходе к обороне. В нем только отсутствовала самокритика действий командования и штаба армии по управлению войсками, то есть не были вскрыты причины слабого управления дивизиями.

На основе принятого решения в 10 часов 23 июня отдается боевой приказ № 03, в котором войскам армии ставились следующие задачи:

«14-му механизированному корпусу обеспечить пружанское направление, не допуская противника восточнее р. Мухавец (канала Мухавец).

28-му стрелковому корпусу занять и упорно оборонять рубеж р. Мухавец от Луцики до Муховлоки (устье канала Мухавец).

В случае наступления явно превосходящих сил противника отходить по рубежам; предельный рубеж отхода — р. Ясельда.

Боеприпасы получать с артиллерийского склада Бронна Гура, горючее — в Оранчицы, в последующем — Барановичи»³⁷.

Между тем в момент отдания приказа войскам и постановки им новых задач по отражению наступления врага на всем фронте армии продолжались напряженные бои, результаты которых склонялись не в нашу пользу.

После оставления Пружан части 30-й танковой дивизии неоднократно переходили в контратаки с целью выбить части 47-го немецкого моторизованного корпуса из города. Они не выполнили этой задачи, но овладели районом Чахец.

Командир 14-го механизированного корпуса, получив приказ № 03 войскам армии, приступил к сосредоточению всего корпуса в районе Пружан. Остатки 205-й моторизованной дивизии из района Кобрина начали подтягиваться к Пружанам, но 22-ю танковую дивизию вывести из боя не представилось возможным. Делов том, что противник подтянул главные силы 3-й и 4-й танковых, 34-й и 31-й пехотных дивизий и предпринял несколько атак в направлении Кобрина. 22-я танковая дивизия совместно с отрядом из 6-й стрелковой дивизии под командованием полковника Осташенко вступила в тяжелые бои с 3-й немецкой танковой дивизией на рубеже Андронovo, Полятичи (5 км юго-западнее Андронovo) и несла значительные потери, особенно от авиации противника. Перед отходом дивизии из Жабинки у нее имелось только 67 танков с неполными экипажами. Боеприпасов оставалось мало, но горючим машины успели заправить на Кобринском складе горючего и смазочных материалов.

Командир 28-го стрелкового корпуса во исполнение приказа № 03 для занятия обороны по каналу Мухавец выдвинул на рубеж Луцки, Муховлоки несколько наших подразделений, сформированных из военнослужащих, отходивших от Бреста на восток. Остатки 42-й и 6-й стрелковых и 22-й танковой дивизий были в это время связаны боями на подступах к Кобрину. При этом остатки 42-й стрелковой дивизии обороняли рубеж Ластовки, Щиповиче в 5—10 км северо-западнее Кобрина, а 6-я стрелковая дивизия с 459-м полком 42-й стрелковой дивизии и отрядом подполковника Маневича обороняли Кобрин.

75-я стрелковая дивизия в 16 часов проводила контратаки в районе Малориты против наступавших частей 255-й пехотной

и 1-й кавалерийской дивизий противника, а 49-я стрелковая дивизия, как выяснилось, вела бои южнее Боцьков на рубеже р. Нурчик, Стаця-Нужец с частями 9-го немецкого армейского корпуса.

Командный пункт штаба армии находился в Смолярке (5 км северо-восточнее Береза-Картузской) и имел периодически связь со штабом фронта по телеграфу, а со штабами корпусов — только делегатами. Все радиостанции и значительная часть автомашин штаба при переходе на этот командный пункт были уничтожены немецкой авиацией.

В 16 часов после кратковременного, но мощного артиллерийского и авиационного налета 24-й моторизованный и 12-й армейский корпуса противника в районе Кобрина возобновили атаки. Части 28-го стрелкового корпуса и 22-й танковой дивизии начали отходить в восточном направлении на канал Мухавец. 42-я стрелковая дивизия отходила через Стрыгово для занятия обороны по каналу Мухавец севернее Варшавского шоссе. 22-я танковая дивизия и отряд полковника Остащенко отходили севернее Кобрина через Именин. В боях за Именинский аэродром дивизия вновь понесла большие потери. Здесь авиацией противника была сожжена большая часть ее танков. В дивизии осталось не более 40 танков. Здесь же погиб командир 22-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск В.П. Пуганов, который на танке сам повел полки в атаку. Когда в машине кончились боеприпасы, он приказал таранить вражеский танк, сокрушил его, но сам погиб смертью героя.

В командование дивизией вступил заместитель командира полковник И.В. Конов.

3-я танковая дивизия противника захватила в Кобрине мост через р. Мухавец. Часть ее танков прорвалась по Варшавскому шоссе и была задержана только у канала Мухавец. 6-я стрелковая дивизия в районе Кобрина оказалась разбитой на две части. Несколько подразделений с дивизионом 204-го гаубичного артиллерийского полка дивизии (дивизион на конной тяге) во главе с командиром и начальником штаба дивизии отходили вдоль шоссе на Пинск, присоединяя к себе группы бойцов и одиночек разных частей и учреждений, отступавших

на восток. Заместитель командира дивизии по политической части полковой комиссар М.Н. Бутин с частью штаба дивизии отводил остатки артиллерии, спецчастей и тыловых подразделений дивизии, а также оставшиеся подразделения 84-го и 333-го стрелковых полков, на северо-восток вдоль Варшавского шоссе. Штаб 28-го стрелкового корпуса переместился в лес восточнее канала Мухавец у Варшавского шоссе. Склад горючего в Кобрине распоряжением подполковника Маневича был взорван.

В 17 часов остатки частей корпуса и отдельные импровизированные отряды заняли оборону у канала Мухавец по обе стороны Варшавского шоссе и на некоторое время задержали противника.

К этому времени вернулся делегат, направленный для уточнения положения на Пинском направлении, который доложил командующему армией, что в Городце, Антополе, Дрогичине и других пунктах вдоль Пинского шоссе скопилось очень много различных подразделений и одиночных бойцов, которые оторвались от своих частей и отходят на восток. Он доложил также, что майор И.С. Плевако, командир 20-го мотоциклетного полка (14 км), находящегося в районе Антополя, не в состоянии задержать и организовать из отходящих какую-либо боеспособную сводную часть и просит выслать специальную группу командиров с представителями особого отдела и прокуратуры.

По штату 1941 года № 10/23 мотоциклетный полк имел 1417 человек л/с, 17 броневедомостей, 389 мотоциклов с коляской, 45 мотоциклов без коляски, 6 45-мм орудий, 24 50-мм миномета. В реальности было 670 человек л/с, около десятка броневедомостей, несколько пушек и 92 мотоцикла разных марок: ТИЗ-АМ-600, ПМЗ-А750, Л-300, ИЖ-7 и М-72 (последний — копия немецкого BMW R71). И этой специфической части ставились задачи, непосильные даже для стрелкового полка! Неудивительно, что попытки организовать оборону терпели крах.

Для упорядочения прикрытия пинского направления, а также для организации пункта сбора всех подразделений и одиночных людей, отходивших на Пинск, в Дрогичин выеха-

ли командующий, член Военного совета и начальник штаба армии с группой офицеров. Они выставили в Дрогичине отряд заграждения, командиру которого было приказано создавать из отходящих людей отряды и перебрасывать их на задерживаемых автомашинах в район Береза-Картузской; туда же направлялись все задерживаемые артиллерийские орудия.

В Дрогичине в 18 часов командующий отдал частный боевой приказ № 04 75-й стрелковой дивизии и мотоциклетному полку, возложив на них обеспечение пинского направления. В нем указывалось, что предельный рубеж отхода Жабер, Сымоновичи, ст. Дрогичин, Суличено должен быть отлично оборудован в оборонительном отношении. До подхода 75-й стрелковой дивизии рубеж занимать мотоциклетным полком 14-го механизированного корпуса³⁸.

Приказ в двух экземплярах в 18 часов 40 минут был лично вручен заместителю командира мотоциклетного полка майору Чепурнову для вручения командиру полка и направления с офицером связи в 75-ю стрелковую дивизию.

К этому же времени прибыл вызванный в Дрогичин военный комиссар Пинского облвоенкомата, который сообщил, что он начал проводить общую мобилизацию. Через него же стало известно, что в окружном артиллерийском складе остались неразрушенными два хранилища и что распоряжением командующего артиллерией армии на автомашинах 455-го корпусного артиллерийского полка часть боеприпасов отправлена в Береза-Картузскую. О Пинской военной флотилии облвоенком сообщил, что она рассредоточена вдоль водных магистралей восточнее и западнее Пинска, но связи ни с кем не имеет.

Командующий 4-й армией указал на необходимость быстрого проведения мобилизации людей, транспорта и конского состава и отправки от мобилизованных на восток. Кроме того, областному военному комиссару приказывалось создать в Пинске отряд для задержания отходящих на восток людей, техники, автотранспорта и формировать из задержанных отряды, силами которых организовать оборону Пинска.

От вызванного из Пинска заместителя начальника штаба 10-й авиационной дивизии командование армии узнало,

что Пинский аэродром подвергался неоднократной бомбежке, взлетно-посадочная полоса разрушена, склад с авиационными бомбами взорван и поэтому оставшимися самолетами дивизия участия в боевых действия 24 июня принять не сможет.

Между тем около 18 часов противник возобновил свои атаки в районе Пружан и вдоль Варшавского шоссе.

Слабые, потерявшие боеспособность соединения 4-й армии не выдержали ударов танковых дивизий противника. 30-я танковая дивизия была отброшена от шоссе Пружаны — Слоним на восток, и части 47-го немецкого моторизованного корпуса получили возможность продвигаться на Ружаны. Перед отходом части 30-й танковой дивизии успели произвести заправку машин и танков на окружном складе горючего и смазочных материалов в Оранчицах, затем этот склад распоряжением командира дивизии полковника Богданова был взорван. В то же время части 28-го стрелкового корпуса стали откатываться от канала Мухавец к Береза-Картузской, и передовые отряды танковых дивизий 24-го моторизованного корпуса противника, преследуя их вдоль Варшавского шоссе, в 19 часов вышли к р. Ясельда.

К исходу 23 июня войска 4-й армии занимали следующее положение: дивизии 14-го механизированного корпуса вели бои северо-западнее и юго-восточнее Селец, штаб корпуса размещился в лесу севернее Селец; остатки 42-й и отряд 6-й стрелковых дивизий отошли на восточный берег р. Ясельда севернее и южнее Береза-Картузской, а штаб 28-го стрелкового корпуса переместился в лес восточнее этого пункта. Другой отряд 6-й стрелковой дивизии во главе с ее командиром находился совместно с мотоциклетным полком 14-го механизированного корпуса в районе Антополя.

75-я стрелковая дивизия продолжала вести упорные бои в районе Малориты. Подразделения, оставшиеся в Брестской крепости, продолжали ее героическую оборону. 16-й пулеметно-артиллерийский батальон дрался в окружении в районе ст. Семятиче, а 17-й — в районе Орля (южнее Волчина).

Предназначенная на усиление 4-й армии 55-я стрелковая дивизия прибывала автотранспортом на участок Городище, Синявка.

121-я и 143-я стрелковые дивизии продолжали сосредотачиваться по железной дороге в район Лесьна, Бытень. Управление 47-го стрелкового корпуса по-прежнему готовилось к перевозке из Бобруйска. 155-я стрелковая дивизия вышла на р. Шара и готовилась с рассветом 24 июня двигаться на Волковыск.

Формируемые в окружном артиллерийском лагере (западнее Барановичей) артиллерийские полки РГК, имевшие по одному тягачу на дивизион, по распоряжению, поступившему с ВПУ штаба фронта, переправляли по очереди свои орудия в район Слонима³⁹.

Армейский контрудар 23 июня оказался безуспешным. В результате контрудара не только отбросить, но даже остановить дальнейшее продвижение ударных немецких группировок не удалось. Войска армии, понеся за два дня боев большие потери в людях и боевой технике, еще более утратили боеспособность и к концу второго дня отошли от границы на 100 км. На Слонимском направлении танковые дивизии 47-го немецкого моторизованного корпуса захватили Пружаны, их передовые части вышли к Ружанам, то есть за два дня продвинулись на 125 км.

В результате отхода войск армии и захвата противником Пружан и Береза-Картузской путь для наступления германских войск на Слоним и Барановичи — в тыл войскам 10-й армии и действовавшей на гродненском направлении фронтовой конно-механизированной группе под командованием генерал-лейтенанта Болдина — оказался открытым.

Одной из главных причин неудач армии, как и в первый день войны, явилась беззащитность наших войск от ударов германской авиации. Успехи немецких войск в боях под Пружанами и в районе Кобрина были обеспечены постоянной и надежной поддержкой их со стороны авиации, надежной артиллерийской поддержкой танковых атак, превосходством немецких танковых войск в сколоченности и в боевом опыте, лучшей организацией связи и службы тылового обеспечения.

Достаточно сказать, что в составе 2-й немецкой танковой группы имелись свои собственные разведывательные, истре-

бительные, а также бомбардировочные группы авиации, свои зенитные, артиллерийские и противотанковые части, включая дивизионы штурмовых орудий. Группе было придано много инженерных, дорожных и автотранспортных частей, частей связи, тыловых частей и учреждений, а также особых артиллерийских и инженерных штабов для организации взаимодействия.

Наоборот, 14-й механизированный корпус участвовал в контрударе, по существу, только одними танками с несколькими импровизированными моторизованными подразделениями, причем танки одной из его дивизий наполовину были уничтожены еще накануне. В боекомплекте танков имелось крайне ограниченное количество бронебойных снарядов. Участие стрелковых войск в контрударе свелось лишь к безрезультатным попыткам перейти в наступление на отдельных участках.

Плохое управление и плохая организация контрудара со стороны командования армии и командования корпусов, слабое в течение всего дня управление войсками в значительной мере увеличили наши неудачи. В неудовлетворительном управлении войсками со стороны всех инстанций немалую роль сыграло плохое качество наших средств связи. Кроме того, наш командный состав не умел использовать радиосредства для управления, да и этих средств имелось мало. Наличие в армии управления командования и штаба 28-го стрелкового корпуса являлось лишней инстанцией управления и при незначительном числе стрелковых дивизий в армии не только не помогало управлению войсками, а, наоборот, создавало значительные трудности.

Разведывательных органов армия не имела, и поэтому данные о противнике определялись в ходе боя частей.

В неудачах советских войск немалую роль сыграла слабая связь командования и штаба 4А с соединениями и частями окружного подчинения, находившимися в полосе армии. Эти войска, за исключением 14-го механизированного корпуса, несмотря на оперативное подчинение армии, руководствовались только указаниями своих фронтовых начальников. Они

в первые же два дня войны ушли в тыл через Пинск или через Беловежскую Пущу и получили от штаба фронта новые задачи. Остатки Брестского пограничного отряда сразу после начала войны были переброшены на старую государственную границу. Командир 62-го укрепленного района генерал-майор М.И. Пузырев с частью подразделений наших пулеметно-артиллерийских батальонов, отошедших к нему в Высоком, в первый же день отошел на Бельск, а затем далее на восток. Командующий Кобринским бригадным районом ПВО вместе с подчиненным ему 218-м дивизионом ПВО и остальными частями 23 июня перебазировался из Береза-Картузской в Пинск, а позднее в тыл. Командир 10-й смешанной авиационной дивизии со штабом и остатками авиационных полков, как уже указывалось выше, по разрешению штаба фронта перешел 22 июня в Пинск, а 24 июня — в район Гомеля. 33-й инженерный полк, который штаб Западного фронта передал с 24 июня в подчинение 4-й армии с указанием, что «местопребывание полка неизвестно», отыскался лишь 6 июля в районе н/п Лунинец. С Пинской военной флотилией командующий армией также не имел связи и не знал, где и какие задачи она выполняет.

Отсутствие организованного армейского и фронтового тыла также явилось одной из причин наших неудач. С уничтожением фронтовых артиллерийских складов и складов горючего армия не имела возможности регулярно и планомерно пополнять войска боеприпасами и горючим. Распоряжение штаба фронта по тылу о подаче для 4-й армии боеприпасов, горючего и продовольствия на распорядительную станцию Лунинец осталось невыполненным. Если бы даже это фронт и сделал, то снабжение войск армии не улучшилось бы, так как армия не могла подвезти эти материалы войскам: автотранспорта не имелось ни в стрелковых дивизиях, ни в армейских тылах, а бывшие у них перед войной автомашины сожгла немецкая авиация. Отсутствие необходимого количества автотранспортных средств не позволяло наладить нормальную эвакуацию раненых и больных. Тяжелораненых приходилось эвакуировать через гражданские больницы или оставлять на попечение местных жителей.

Личный состав войск 4-й армии в боях первых дней войны хотя и показывал удивительную выносливость и беззаветное мужество, но не мог противостоять превосходящим силам более опытного противника.

ЦИТАДЕЛЬ

После отхода советских войск из района Бреста оборона собственно Брестской крепости продолжалась еще несколько месяцев. Можно выделить три периода обороны цитадели: первый — с 22 по 30 июня, второй — с 30 июня по 23 июля, третий с 23 июля по сентябрь 1941 года. Есть и другие подходы к периодизации. Документы подтверждают 32 дня обороны — эта дата зафиксирована рапортом немецких солдат, взявших в плен майора П.М. Гаврилова. А начало ее — обрывки приказа № 1, найденного в развалинах. Исходя из этих данных, часть историков делят оборону крепости на два периода: с первого залпа на рассвете 22 июня 1941 года до конца месяца — период организованной обороны; с начала июля до 23 июля — период очагового сопротивления. Далее следует весьма спорный период одиночного сопротивления.

После захвата 22 июня здания клуба (церкви) немцами им «в спину» был нанесен контрудар, организованный силами пограничников (9-я застава и штаб 3-й комендатуры погранвойск размещались в одном здании, у Тереспольских ворот) и бойцов 333-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта А.Е. Потапова. Часть германских солдат с рацией осталась в здании церкви, другие устремились к восточной оконечности укрепления в район Холмских ворот. Здесь их продвижение было остановлено, хотя только в цитадели бойцы отразили 8 мощных атак в первый день войны.

Утром уже 23 июня началась очередная артиллерийская подготовка. Когда смолкли орудийные выстрелы, заработали радиодинамики, передававшие предложения о прекращении сопротивления. Вслед за этим немцы направили для переговоров о сдаче парламентария с белым флагом. Навстречу ему вышел начальник 9-й погранзаставы лейтенант А.М. Кижеватов, чьи бойцы обороняли участок у Тереспольских ворот.

Германский офицер представился и протянул для пожатия руку. Кижеватов руки не подал. Указав на трупы немецких солдат и тела защитников крепости, не убранные с поля боя, он сказал: «Твои руки внешне очень чисты, а на самом деле облиты человеческой кровью. Скажи, за что эти люди погибли?» Офицер ничего не ответил на вопрос и повторил требование сложить оружие. «Во избежание лишних жертв немецкое командование, — заявил он, — предлагает прекратить оборону крепости, так как в этом нет смысла. Немецкие войска уже под Смоленском». Кижеватов обещал довести все сказанное до л/с, добавив: «Мне, очевидно, будет дан выбор на смерть между повешением и пулей. Я считаю, что лучше погибнуть от собственной пули, чем от немецкой». Вражеский парламентар пригрозил, что если в 16 часов не будет поднят белый флаг, то на пощаду не стоит рассчитывать. Однако предложение о сдаче было отклонено⁴⁰.

Защитники цитадели довольно быстро пришли в себя, самостоятельно добывая оружие и группируясь возле своих и чужих командиров. Сопrotивление возглавил заместитель командира 84-го стрелкового полка по политчасти полковой комиссар Ефим Фомин. Под командованием замполитрука Самвела Матевосяна, назначенного Фоминым своим заместителем, была предпринята контратака, в результате которой к полудню второго дня войны немцев выбили из здания церкви и района Тереспольских ворот.

Самоорганизация обороны шла по всей крепости. В районе Трехарочных ворот ее возглавил капитан Иван Зубачев; в северной и северо-восточной части цитадели — лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот — старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении — майор Петр Гаврилов. Необходимо было объединить все группы под единым командованием, и к вечеру 24 июня в одном из казематов инженерной казармы собрались командиры. На этой встрече и был написан приказ № 1. Командование сводными силами поручалось капитану Зубачеву, его заместителем назначался комиссар Фомин, обязанности начальника штаба выполнял лейтенант Виноградов⁴¹ (кстати, он и написал приказ № 1 под диктовку Зубачева и Фомина).

Позднее он повел на прорыв группу в 120 человек. С большими потерями она вырвалась из кольца, но была уничтожена возле Варшавского шоссе: сам Виноградов с несколькими бойцами попал в плен.

Германские военные корреспонденты тогда сообщали: «Немецкая артиллерия и немецкие бомбардировщики штурмуют Брест-Литовск. Три дня наша пехота лежит на берегу перед Цитаделью... В казематах и казармах сражаются... советские солдаты с упрямой настойчивостью. Вокруг горят дома, и по полю перекачивается отравленный дым. Советские стрелки ведут огонь с крыш. Начинается канонада страшной силы. Адский шум заглушается голосом гигантской мортиры. Поднимаются облака дыма, высотой в дом, взлетают на воздух пороховые погреба. Дрожит земля».

Как уже упоминалось, во время боев за Брестскую крепость в штурме цитадели принимал участие германский бронепоезд № 28 (конструктивно бронепоезда подобного типа состояли из полубронированного паровоза, двух открытых сверху бронеплатформ для перевозки пехоты и трех специальных бронеплатформ с аппаратами для танков S35), а точнее, входящие в его вооружение танки французского производства SOMUA S 35/Pz.Kpfw. 35S 739(f).

Они покинули свои платформы и участвовали в боях в первые дни сражения за крепость. 23 июня одна из этих машин была подбита ручными гранатами у Северных ворот крепости, там же огнем из зенитного орудия повредили еще один S35. Третий танк прорвался в центральный двор цитадели, где был подбит артиллеристами 333-го стрелкового пола. Два танка немцам удалось эвакуировать сразу же. После ремонта они вновь участвовали в боях: в частности, 27 июня один из них немцы применили против Восточного форта. Танк вел огонь по амбразурам форта, в результате, как говорилось в докладе штаба 45-й немецкой пехотной дивизии, «русские стали вести себя тише, но непрерывная стрельба снайперов продолжалась из самых неожиданных мест».

Утром 24 июня крепость бомбили самолеты, обстреливала артиллерия. Каждая ее пядь находилась под огнем. Только

ночью, и то с огромным риском, поскольку все освещалось ракетами, защитники цитадели запасались водой из Буга.

Организованные группы вели активную оборону. Не хватало оружия и боеприпасов, практически не было еды, защитники очень страдали от жажды, а ту воду, что удавалось с огромным риском добыть, отдавали детям и раненым, а также использовали для охлаждения пулеметов. Стояла жара, в цитадели разлагались трупы, от их смрада многие теряли сознание. В подвалах были женщины и дети, и, хотя женщины не только ухаживали за ранеными, но и отважно помогали отбивать атаки, их необходимо было вывести из крепости. 26 июня женщины и дети с белым флагом вышли из подвалов, но многие бездетные девушки и женщины остались. Немцы не стреляли, и бойцы успели напиться и запастись водой.

В ночь на 27 июня пограничникам удалось захватить вражеского разведчика. Тот сообщил, что германское командование решило покончить с защитниками крепости не позднее 1 июля.

27 июня противник несколько раз пытался штурмовать развалины, где еще оборонялись красноармейцы, но безуспешно.

В этот же день два пограничника были высланы в город Брест для выяснения обстановки, но попали в засаду. 28 июля оборона цитадели стала очаговой. Утром начальник 9-й заставы погранвойск собрал уцелевших бойцов, поблагодарил их за службу и доблесть и предложил мелкими группами прорываться из крепости. Однако большинство л/с решило остаться.

Описать подвиги бойцов и командиров невозможно: героями были все. Поэтому напомним лишь о некоторых.

Лейтенант Алексей Наганов⁴² руководил обороной отбитых первой контратакой Тереспольских ворот. В 1949 году при разборке завалов этих ворот были найдены останки 15-ти бойцов, в том числе и их командира, которого опознали по уцелевшему комсомольскому билету. Этот билет хранится в музее в Москве. Именем Алексея Наганова названа улица в Бресте.

С удивительной отвагой и упорством сражались пограничники. Среди них надо особо отметить вышеупомянуемого начальника 9-й погранзаставы лейтенанта Андрея Кижеватова,

Освобождение Западной Белоруссии. Полковник Шаталов благодарит своих танкистов за отличное выполнение боевого задания. Сентябрь 1939 года

На марше механизированное соединение Красной армии. Роль командирской машины выполняет радиый танк БТ-7 образца 1935 года с поручневой антенной, за ним следуют линейные танки Т-26/33

Немецкие офицеры во время посещения советской танковой части под Брестом. Несмотря на внешне дружеские отношения, обе стороны уже активно готовились к будущей войне. Белоруссия. 20 сентября 1939 года

*Народный комиссар обороны СССР, Маршал Советского Союза
С.К. Тимошенко. Предвоенное фото*

*Командующий Западным Особым военным округом генерал армии
Д.Г. Павлов. На предвоенном снимке он в звании комкора*

Немецкие войска переправляются через Буг. Легкий грузовик типа L2H143 Крупп. Группа армий «Центр», 2-я танковая армия вермахта. Июнь 1941 года

Расчет 45-мм противотанковой пушки ведет огонь по противнику. Слева с биноклем командир орудия сержант А.Н. Нечаев. Белоруссия. Июнь 1941 года

Тяжелый бомбардировщик ТБ-3, оставленный при отступлении на аэродроме в Белоруссии. Июнь 1941 года

Захваченное знамя 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД, повернутое лицевой стороной. Брестская крепость, лето 1941 года

Командование 4-й общевойсковой армии РККА:

*Командующий – генерал-майор
А.А. Коробков*

*Начальник штаба –
полковник Л.М. Сандалов*

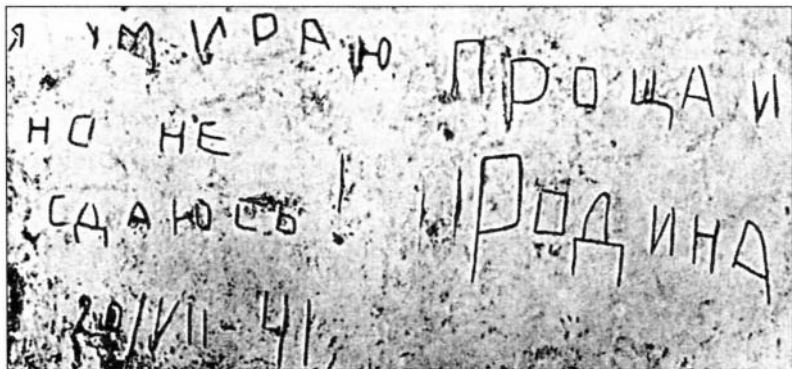
*Член Военного совета –
дивизионный комиссар
Ф.И. Шлыков*

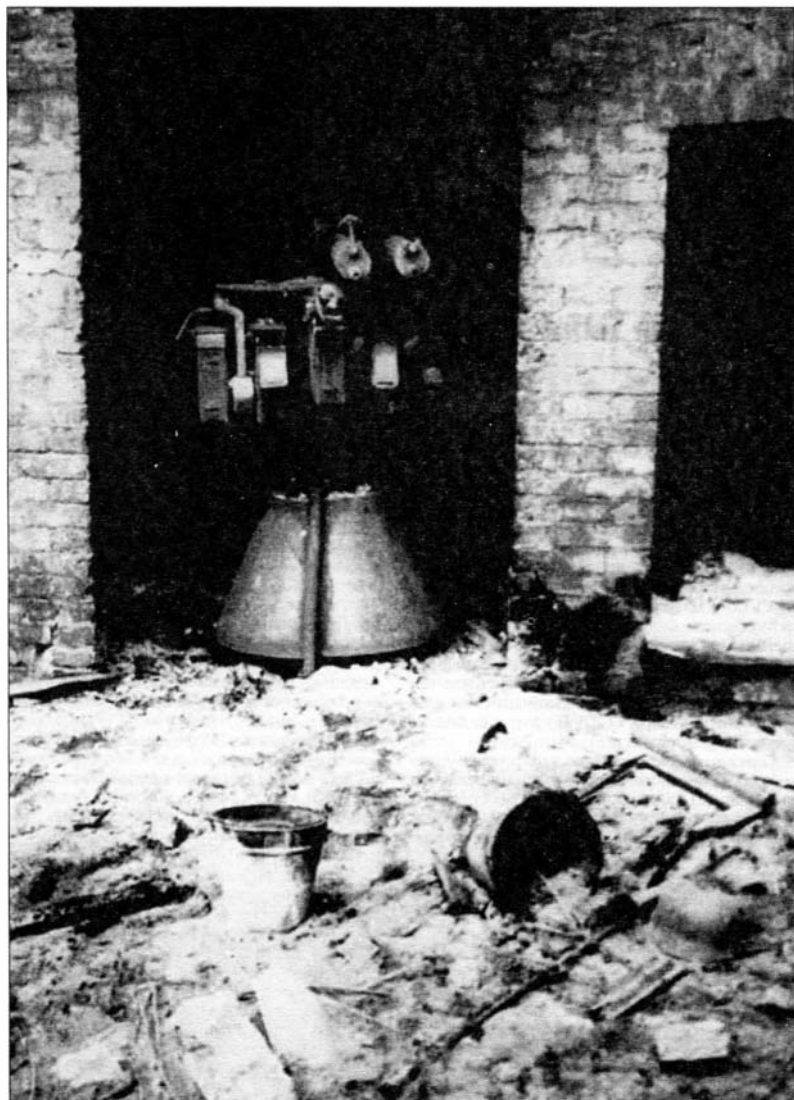
Советский пулеметчик очередями из своего ДТ отбивает атаку нацистов. Западный фронт. Июнь 1941 года

*Брестские ворота Цитадели. Иначе они назывались
Трехарочными воротами. Оборону здесь держала боевая группа
капитана И. Зубачева*

*Надписи, сделанные на стенах Брестской крепости солдатами
героического гарнизона*

Счетверенная установка 4М из четырех 7,62-мм пулеметов системы Максима, принадлежащая 393-му отдельному зенитно-артиллерийскому дивизиону. Установленная в казарме внутреннего зала, именно она не давала солдатам 45-й пехотной дивизии вермахта ворваться во двор Восточного форта. Июль 1941 года

Герои обороны Брестской крепости (предвоенные фото)

И.Н. Зубачев

Е.М. Фомин

С.Г. Матевосян

П.М. Гаврилов

*Представитель Ставки ВГК
на Донском фронте генерал-
полковник артиллерии
Н.Н. Воронов*

*Командующий Донским
фронтом генерал-лейтенант
К.К. Рокоссовский. 1942 год*

*Командующий 65-й армией
генерал-лейтенант
П.И. Батов. 1942 год*

*Командующий 57-й армией
Донского фронта генерал-майор
Ф.И. Толбухин около штабной
землянки. Январь 1943 года*

Знатный пулеметчик-орденоносец Д.В. Хуторной, герой уличных боев, ведет огонь по немецким снайперам, засевшим наверху здания. Сталинград, 62-я армия, конец декабря 1942 года

Командир 254-й танковой бригады подполковник Ф.Е. Садовский (справа) ставит боевую задачу Г. Славнову

Младший лейтенант В. Василенко у своего танка КВ-1С «Сильный» из состава 14-го гвардейского танкового полка прорыва. Донской фронт, декабрь 1942 года

Расчет 76,2-мм артсистемы образца 1902/1930 годов ведет огонь по немецким позициям. Донской фронт, Сталинград, январь 1943 года

*Колонна немецких военнопленных на окраинах Сталинграда.
Конец декабря 1942 года*

*Группа немецких солдат, взятых в плен на подступах
к Сталинграду. Донской фронт, январь 1943 года*

26 января 1943 года в Сталинграде соединились войска 21-й и 62-й армий Донского фронта

*Группа руководителей, получившая известность в оборонительных боях за Сталинград (справа налево):
Н.С. Хрущев, А.И. Родимцев, М.С. Шумилов, В.И. Чуйков,
К.А. Гуров. Донской фронт, февраль 1943 года*

главы большой семьи. Раненый Кижеватов погиб при попытке в начале июля 1941 года взорвать понтонный мост через Буг. Немцы уничтожили его семью — мать, жену, детей. Десятилетнего сына Ваню нацисты закопали в землю живым...

Старшина Вячеслав Мейер, немец из Поволжья, добыл тяжелораненым воду ценой собственной жизни. Днем, в минуту затишья, он, схватив котелок, бросился к Мухавцу, зачерпнул воды, добежал до развалин, передал котелок и был расстрелян автоматной очередью, успев сказать: «Воду — раненым».

Так они воевали. А 30 июня, в 11 дня, при бомбежке засыпало штаб. Капитан Зубачев, комиссар Фомин и политрук Кошкаров, раненые и оглушенные, попали в плен. Комиссар Фомин, еврей по национальности, был расстрелян у Холмских ворот, остальных отправили в лагерь.

В это время на другом участке отрезанные от основных сил подразделения НКВД продолжали оборонять остров Пограничный. Представляем хронологию этих событий.

Утром 23 июня после артиллерийской подготовки немцы вновь начали форсировать Буг. Бой длился более двух часов, но германским войскам не удалось сломить сопротивление защитников острова, и они отступили с большими потерями. Последовали новые обстрелы и бомбежки, новая попытка высадиться на остров — на этот раз со стороны Брестской крепости. К вечеру немцы закрепились на восточной части острова, но решительной контратакой пограничники отбросили их на противоположный берег. К исходу дня бои прекратились, хотя небольшой западный остров изолированно обороняли несколько групп пограничников, самую большую из которых возглавлял Масленников⁴³.

В ночь на 24 июня руководитель сборов кавалеристов лейтенант Г.С. Жданов переплыл Буг и прорвался в расположение группы Масленникова. Он рассказал о том, что в крепости обороняется несколько подразделений красноармейцев и пограничников. Для связи с основным гарнизоном цитадели были высланы два бойца, но они были перехвачены врагом и погибли.

С 25 по 27 июня на острове шли сильные бои, но позиции удавалось удерживать. В ночь на 28 июня начался сильный

дождь. Воспользовавшись этим, противник высадился на остров и захватил небольшой плацдарм. Его удалось ликвидировать, но в ходе контратаки погибла почти половина пограничников, поэтому защитники решили оставить остров Пограничный и пробиваться в цитадель.

30 июня, как раз в день штурма крепости, группа Жданова из 18 человек пробилась в цитадель и заняла круговую оборону в развалинах. Но связаться с другими защитниками крепости им не удалось.

Через два дня боев в группе оставалось 12 человек. Боеприпасы кончились, и лейтенант принял решение проникнуть в южные казематы крепости, откуда днем слышалась стрельба.

Когда добрались к намеченной цели, то обнаружили там лишь тела погибших защитников, к тому же вновь пришлось отражать вражеские атаки. В ночь на 3 июля группа насчитывала 8 человек, из них двое были ранены. В ночь на 6 июля лейтенант Жданов повел своих людей к клубу-церкви, рассчитывая оттуда прорваться на южную окраину города, где, как он предполагал, должны находиться какие-либо советские воинские части. Если же их там не окажется, то выходить из окружения самостоятельно.

В церкви-клубе к группе присоединились еще 3 пограничника, один из них был тяжело ранен. Из крепости прорвались лишь четверо. Ночью они миновали город и на рассвете укрылись в пшенице, где раненый пограничник скончался, а трое — Мясников, Сухоруков и Никулин — ночью стали пробираться в направлении Пинска. 23 июля они вышли к линии фронта, ночью преодолели ее и на рассвете достигли боевого охранения советских войск.

Уже 8 июля командование 45-й дивизии вермахта доложило о падении Брестской крепости. Но вот несколько примеров, опровергающих эту информацию.

Оскирко Иван Петрович, рядовой 455-го стрелкового полка. Сражался в северо-западной части цитадели. В ночь на 13 июля с несколькими бойцами сумел выйти из окружения.

Бессонов Анатолий Петрович, старший сержант 84-го полка. Сражался в цитадели до 14—15 июля. Раненым попал в плен.

СХЕМА МЕМОРИАЛА "БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ"

План-схема укреплений и мемориала Брестской крепости

Тарасов Николай Агафонович, сержант 84-го полка. Сражался в цитадели. 12—13 июля раненым попал в плен.

Свидетельство старшего сержанта Кувалина Сергея Михайловича. Пленен 2 июля. Работал по уборке трупов: «14 или 15 июля мимо нас прошел с песнями немецкий отряд. Когда они входили в Тереспольские ворота, в их строю неожиданно раздался взрыв... а затем с башни вниз головой бросился наш боец».

И, наконец, длительная и устойчивая оборона Восточного форта под командованием майора П.М. Гаврилова. Это был, конечно, не единственный участок обороны, но на нем следует остановиться особо.

Восточный форт представляет собой огромное подковообразное земляное укрепление, обнесенное двумя рядами валов, с системой казематов, пороховыми погребами, складами и т.п., рассчитанное на долговременную оборону фронтом на север; «подкова» открыта в сторону цитадели, то есть на юг. Силы бойцов организовал в единый гарнизон майор Гаврилов, приняв общее командование. Заместителем его стал политрук С.С. Скрипник, начальником штаба — капитан К.Ф. Касаткин, начальником медслужбы — военфельдшер Раиса Абакумова. Были сформированы роты, налажены связь и взаимодействие, созданы наблюдательный и командный пункты. В высоких земляных валах отрыли окопы с пулеметными гнездами, во внутреннем дворе на втором этаже казармы установили счетверенный зенитный пулемет, огонь которого надежно прикрывал раскрытую в сторону цитадели «подкову». Вот как противник в своем боевом донесении оценивал обороноспособность форта: «Сюда невозможно было подступиться, имея только пехотные средства, так как превосходно организованный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и подковообразного двора скашивал каждого приближающегося».

30 июня немцы предприняли генеральный штурм форта, подвергнув его жесточайшему артобстрелу и бомбежке. Были сброшены две бомбы весом в 1800 кг (взрыв был слышен в Бресте): одна не взорвалась, но вторая взрывной волной разрушила счетверенный пулемет — основу прикрытия открытого участка «подковы». Были уничтожены многие пулеметные точки,

связь, окопы и огневое взаимодействие между боевыми группами защитников. Сразу же по окончании бомбежки немцы пошли в атаку и ворвались в форт.

Во время этой атаки младший сержант Родион Семенюк вместе с бойцами Фольварковым и Тарасовым в одном из казематов зарыли знамя 393-го Отдельного зенитного артдивизиона. Семенюк сражался в крепости еще две недели: оглушенный, был взят в плен 14 июля. Он откопал знамя в сентябре 1956 года и передал его на хранение в музей крепости. Единственное боевое знамя, которое пока удалось найти в крепости.

А Восточный форт ожил после той страшной атаки 30 июня. Когда немцы ушли, майор Гаврилов собрал два десятка уцелевших. У них было четыре ручных пулемета и достаточно боеприпасов. Днем они прятались в казематах, а ночью вели огонь по противнику, как только он появлялся. Так продолжалось до 12 июля, когда немцы вновь атаковали форт. Майор Гаврилов уцелел, нашел еще двоих и принял решение прорываться из окружения поодиночке. Во время этого прорыва, когда немцы почти настигли майора, его неожиданно поддержал огнем с вала форта неизвестный пулеметчик.

Петру Михайловичу удалось оторваться от преследования и достичь одного из капониров. Днем он скрывался, зарывшись в кучу сухого конского навоза, а ночами сражался с немецкими патрулями. От голода, крайнего истощения и острых резей в желудке (он ел комбикорм, который нашел в соседней конюшне) часто терял сознание. Но пришел в себя, когда его обнаружили, успел бросить две гранаты, отстреливался из пистолета, пока не потерял сознание. Это было (по немецким документам) 23 июля 1941 года, эта дата и считается последней в обороне крепости. Больше документов нет.

По показаниям многочисленных свидетелей, в том числе и противника, сопротивление продолжалось еще долго...

Самое поразительное из свидетельств принадлежит Александру Дурасову, старшине 84-го полка. 30 июля раненым он попал в плен у Холмских ворот цитадели. Содержался в лагере для военнопленных близ Бяла-Подляска. В апреле 1942 года он пилил дрова вместе со скрипачом из ресторана «Брест».

Однажды скрипач опоздал на работу (он жил в Брестском гетто и ходил в лагерь пешком) и, вернувшись, рассказал невероятную историю.

Утром того дня по дороге на работу его догнала легковая машина, и один из немецких офицеров приказал ему сесть в нее. Скрипача привезли в крепость, к полуразрушенному подземелью, оцепленному солдатами. Офицер сказал, что в подземелье прячется русский, и что скрипач должен спуститься туда и убедить его сдаться. Скрипач спустился в темноту, говоря, кто он и зачем идет. И вдруг услышал голос: «Я расстрелял все патроны. Помоги мне выйти». Скрипач помог вконец обессиленному человеку выбраться наружу. Это был невероятно худой, заросший человек, возраст которого определить было уже невозможно. Офицер сказал солдатам: «Смотрите, перед вами — герой. Ни раны, ни голод, ни лишения не смогли сломить его волю». Затем скрипача вывезли из крепости, и он пошел на работу в лагерь.

Ктобылэтотчеловек, 10 месяцев сражавшийся с врагом без командиров, без друзей, без связи, без тылов и надежд, установить не удалось. А фамилию скрипача установили: Залман Ставский, вскоре после этого погибший в гетто.

Некоторые жители Бреста утверждают, что по крайней мере до конца 1941 года из крепости в военные госпитали города доставляли раненых немецких солдат. Те, кого мобилизовали убирать трупы и оружие, рассказывают, что зимой 1941/42 года они видели перебежавших из развалин в развалины людей в изодранном обмундировании.

Наконец, свидетельство врага. В сентябре 41-го крепость посетил сам Гитлер. Его сопровождали Муссолини, Геринг, Риббентроп, Кейтель; сохранился один из номеров гитлеровского киножурнала «Вохеншау». «Высокие гости» Тереспольскими воротами входят в цитадель. Здесь, на расчищенном месте, собраны крупнокалиберные пушки, тяжелые мортиры и гаубицы, явно привезенные из других мест, так как в крепости таких орудий не было. Но не это интересно: интересно, что далекая, считанные разы мелькающая в кадрах охрана стоит... спиной к своему фюреру. Почему? Ответ один: они и тогда

боялись стреляющих развалин. Крепость жила, крепость сопротивлялась.

Да, крепость не сдавалась, немцы не захватили в ней ни одного боевого знамени. Она и не пала — она просто истекла кровью. И в этом великий нравственный и исторический подвиг ее героических защитников, что навсегда остался в народной памяти.

Вся величина подвига гарнизона Брестской крепости стала достоянием гласности не сразу, так как уцелевших защитников цитадели и свидетелей подвига осталось крайне мало. После войны в крепости дислоцировался наш гарнизон. В 1954 году по распоряжению какого-то начальника были взорваны Трехарочные ворота. Но вскоре начались раскопки, а в начале 60-х в крепости начал функционировать музей.

Последовала оценка и на государственном уровне.

Отмечая героизм и исключительные заслуги защитников Брестской крепости, Президиум Верховного Совета СССР присвоил ей в мае 1965 года почетное звание «Крепость-герой».

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ Из воспоминаний бывшего заместителя начальника политотдела 62-го укрепленного района старшего батальонного комиссара Ф.Л. Кокина.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2454сс, д. 26, л. 69.

³ Донесение командира 45-й пехотной дивизии противника в числе прочих документов было захвачено в марте 1942 года войсками Брянского фронта.

⁴ Из воспоминаний бывшего командира 44-го стрелкового полка майора П.М. Гаврилова.

⁵ Из воспоминаний бывшего начальника штаба 22-й танковой дивизии подполковника А.С. Кислицына.

⁶ Из донесения бывшего командира 75-й стрелковой дивизии генерал-майора С.И. Недвигина.

⁷ Из донесения заместителя командира 6-й стрелковой дивизии.

⁸ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 8, л. 2—3.

⁹ ЦАМО, ф. 202, оп. 5, д. 65, л. 98—107.

¹⁰ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 8, л. 5.

¹¹ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 106.

¹² ЦАМО, ф. 208, оп. 2454сс, д. 26, л. 76.

¹³ ЦАМО, ф. 208, оп. 3038сс, д. 12, л. 3—4.

¹⁴ После войны стало известно, что Брестский областной военный комиссар майор В.Н. Стафеев с группой своих офицеров и несколькими десятками партийных и советских работников Бреста до вечера оборонялись в здании облвоенкомата и все они погибли. — *Примеч. авт.*

¹⁵ ЦАМО, ф. 208, оп. 2454сс, д. 26, л. 101—109.

¹⁶ ЦАМО, ф. 226, оп. 2156сс, д. 70, л. 78—80.

¹⁷ Управление Западного Особого военного округа в первый день войны было преобразовано в управление Западного фронта. — *Примеч. авт.*

¹⁸ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 1.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦАМО, ф. 318, оп. 4641, д. 6, л. 2—3.

²¹ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 76—77.

²² Здесь и в некоторых других частях книги авторы употребляют слово «пешие» подразделения, части. Имеются в виду наши мотострелковые и танковые подразделения, потерявшие танки и автомашины или не имевшие таковых и действовавшие как пехота — пешим порядком. — *Прим. ред.*

²³ Из воспоминаний бывшего начальника штаба 49-й стрелковой дивизии майора С.И. Гурова и бывшего командира 212-го стрелкового полка этой дивизии майора Н.И. Коваленко.

²⁴ Из воспоминаний бывшего заместителя начальника политотдела 62-го укрепленного района старшего батальонного комиссара Ф.Л. Кокина.

²⁵ Из воспоминаний Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Ф.А. Осташенко.

²⁶ Из воспоминаний бывшего начальника штаба 10-й армии генерал-майора П.И. Ляпина и бывшего начальника штаба 49-й стрелковой дивизии майора С.И. Гурова.

²⁷ Из воспоминаний генерал-майора П.И. Ляпина.

²⁸ ЦАМО, ф. 208, оп. 4857сс, д. 11, л. 113—114.

²⁹ Там же, оп. 2454сс, д. 26, л. 127.

³⁰ ЦАМО, ф. 208, оп. 2454сс, д. 26, л. 175.

³¹ Из воспоминаний маршала бронетанковых войск С.И. Богданова.

³² Из воспоминаний майора С.И. Гурова.

³³ Командир 28-го стрелкового корпуса.

³⁴ Командир 14-го механизированного корпуса.

³⁵ ЦАМО, ф. 208, оп. 3038сс, д. 12, л. 9—11.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 8.

³⁸ ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 9.

³⁹ Из воспоминаний бывшего начальника оперативного отдела штаба фронта генерал-майора Б.А. Фомина.

⁴⁰ Чугунов А.И. Граница сражается. М., Воениздат, 1989, с. 52.

⁴¹ По другим данным, начальником штаба этой группы был старший лейтенант Семененко.

⁴² Непосредственно группа лейтенанта А. Наганова обороняла так называемую Тереспольскую башню.

⁴³ По другим данным, на острове оборонялись боевые группы старших лейтенантов Ф.М. Мельникова и А.С. Черного, которые затем прорвались на Кобринское укрепление.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Документы общегосударственных российских архивов и архивов Министерства обороны РФ: РЦХИДНИ, ЦАМО, Архив ГШ ВС РФ.

2. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1958, вып. 35. 354 с.

3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1963, т. 2. 786 с.

4. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. М., Библиотека/Мосгорархив, 1995, кн. 1. 454 с.

5. Советские Военно-воздушные силы в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 1968. 332 с.

6. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., «Юридическая литература». 728 с.

7. Белорусский Краснознаменный военный округ. Минск, Издательство «Беларусь», 1973. 674 с.

8. 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. 424 с.

9. Известия ЦК КПСС. 1990, № 6.

10. *Анфилов В.А.* Бессмертный подвиг: исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971. 392 с.

11. *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1968. 424 с.

12. *Дрогозов И.* Железный кулак РККА (танковые и механизированные корпуса Красной армии 1932—1941 г.). М., «Техника — молодежи». 1999. 80 с.

13. *Ленский А.Г.* Сухопутные силы РККА (в предвоенные годы) / справочник. Санкт-Петербург, 2000. 194 с.

14. *Мощанский И.Б., Хохлов И.В.* Катастрофа Западного фронта (Белорусская стратегическая оборонительная операция) 22 июня — 9 июля 1941 года. Издательство «БТВ-МН», «Военная летопись» № 1 за 2003 г. 72 с.

15. *Сандалов Л.М.* Первые дни: Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. М., Воениздат, 1989. 217 с.

16. *Смирнов А., Сурков А.* 1941: Бои в Белоруссии. Издательство «Стратегия КМ», «Фронтальная иллюстрация» № 2 за 2003 г. 80 с.

17. *Чугунов А.И.* Граница сражается. М., Воениздат, 1989. 286 с.

18. *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971, т. 3, кн. 1. 242 с.

19. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата: Пер. с нем. М., 1971, т. 3, кн. 1. 282 с.

20. *Якубовский И.И.* Земля в огне. М., Воениздат, 1975. 567 с.

21. *Thomas L. Jentz.* Panzertruppen 1933—1945. Schiffer Military History, 1996. 287 p.

22. *Kurowski F.* Sturmgehuetz dor! (Assalt Guns to the Front!) J.J. Fedorowicz Publishing, Inc., 1999. 282 p.

23. *Streit Ch.* Keine Kameraden. Stuttgart, 1978. 380 s.

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

Победа в Сталинграде
(10 января — 2 февраля 1943 года)

Операция «Кольцо» стала финальным актом Сталинградской эпопеи. Германские войска были полностью разгромлены, а немецкий военный гений посрамлен и унижен. С 10 января по 2 февраля 1943 года силами Донского фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского были разгромлены 22 дивизии противника, а также около 160 частей усиления из 6-й полевой и 4-й танковой армий вермахта. Погибло около 140 тысяч человек, в плен сдались 113 тысяч, из них: 2500 офицеров, 24 генерала и один генерал-фельдмаршал. Перелом в Великой Отечественной войне наступил.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Германское командование было не в силах изменить или хотя бы приостановить на длительное время неблагоприятное для него развитие событий на южном крыле Восточного фронта. Наступление советских войск на сталинградском направлении превратилось в общее стратегическое наступление Красной армии. Сталинградский фронт и Северная группа войск Закавказского фронта громили немецкую группу армий «А», отходившую с Северного Кавказа. Войска Юго-Западного фронта наступали в Донбассе. Воронежский фронт развешивал

активные действия на Верхнем Дону. Общая обстановка на фронте благоприятствовала нанесению завершающего удара по группировке врага, находившейся в «котле».

Сталинградская битва вступила в свою заключительную фазу. Охваченный плотным кольцом окружения протяженностью 170 км противник создал внутри него сильную и глубокую оборону. Немцы использовали для этой цели и бывшие оборонительные обводы советских войск. Местность с ее небольшими высотами и многочисленными балками с обрывистыми крутыми берегами, а также большое число населенных пунктов способствовали организации прочной обороны и затрудняли наступательные действия.

Наличие оборудованных аэродромов в районах Питомника, разъезда Басаргино, Бол. Россошки, Гумрака, ст. Воропоново и других позволяло германской группировке принимать значительное число самолетов. Однако немецкая авиация не в состоянии была выполнить возложенную на нее задачу. Основываясь на четко разработанной системе блокады, советские 8-я и 16-я воздушные армии, часть 17-й воздушной армии, а также авиация 102 иад ПВО и зенитная артиллерия войск ПВО страны срывали доставку в «котел» грузов и уничтожали транспортную авиацию противника.

Часть имущества, необходимого окруженной группировке, вообще сбрасывалась в контейнерах на парашютах над позициями немецких войск. В связи с этим нередко происходили курьезные случаи. Так, в 99-й краснознаменной стрелковой дивизии 62-й армии за несколько дней до Нового года на землянку Особого отдела ночью упал сигарообразный контейнер. Он был похож на авиационную бомбу. Наши бойцы и командиры осторожно подошли поближе и увидели, что одна сторона контейнера, видимо, от удара, раскрылась, и внутри ее были видны консервные банки. Контейнер быстро распаковали — в нем оказались консервы, колбаса, баклажки со спиртным и новогодние подарки (всего килограммов 300). Подарки «от Гитлера» вручили лучшим бойцам соединения, да и остальная еда оказалась совсем не лишней, особенно накануне Нового 1943 года.

Ставка советского Верховного главнокомандования решила быстрее ликвидировать окруженную группировку. Проведение операции поручалось войскам Донского фронта.

19 декабря Сталин передал по телефону директиву Ставки на имя Воронова (Юго-Западный фронт), Василевского (Донской фронт), Рокоссовского (Донской фронт), Еременко (Сталинградский фронт), Ватутина (Юго-Западный фронт). В ней отмечалось, что т. Воронов вполне удовлетворительно выполнил свою задачу по координации действий Юго-Западного и Воронежского фронтов. «Миссию т. Воронова можно считать исчерпанной», — говорилось там. И дальше: «Второе. Товарищ Воронов командировается в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя т. Василевского по делу о ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом. Третье. Товарищу Воронову как представителю Ставки и заместителю Василевского поручается представить не позднее 21 декабря в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней.

19.12.42 г. 15 час. 50 мин.

Васильев»¹.

Генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов в тот же день прибыл в штаб Донского фронта. В качестве представителя Ставки он должен был оказать помощь в подготовке операции по разгрому окруженной группировки и осуществлять общее руководство ее проведением. Генерал А.М. Василевский в это время был целиком поглощен вопросами, связанными с разгромом войск Манштейна.

Н.Н. Воронов, а также командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский и начальник штаба генерал-майор М.С. Малинин (членом Военного совета Донского фронта был генерал-майор К.Ф. Телегин) приступили к разработке плана завершающей операции. К этой важной работе впоследствии были привлечены командование и штабы ряда армий. П.И. Батов рассказывал, что в двадцатых числах декабря на командный пункт его 65-й армии приехал К.К. Рокоссовский и предложил ему «поработать со своим штабом» и

представить свои соображения по плану уничтожения группировки. «Нужно ли говорить, — писал П.И. Батов, — с каким удовлетворением было принято это задание командующего Донским фронтом. Константин Константинович ценил мнения и предложения командармов, их штабов, командиров соединений и частей. Не только тогда, на Дону, но и на протяжении всей войны он перед принятием решения советовался с подчиненными. Ему хотелось, чтобы каждый офицер и генерал вносил свою творческую долю.

К этому времени положение на внутреннем фронте окружения было таково: в прибрежных районах города держала фронт 62-й армия генерал-майора В.И. Чуйкова; с севера, отделенная от войск В.И. Чуйкова пятикилометровым коридором, стояла 66-я армия генерал-лейтенанта А.С. Жадова, к ней примыкала 24-я армия генерал-лейтенанта И.В. Галанина — наш левый сосед (65 А. — *Примеч. авт.*); весь западный участок кольца пришелся на долю 65-й и 21-й армий соответственно генерал-лейтенанта П.И. Батова и генерал-майора И.М. Чистякова; а южный занимали 57-я армия генерал-майора Ф.И. Толбухина и 64-я армия генерал-майора М.С. Шумилова, также отделенная от чуйковцев коридором в 8 километров. Очертанием фронт окружения напоминал яйцо, острый конец которого был вытянут на юго-запад; здесь размещался узел крупных опорных пунктов противника — Карповка, Мариновка, Дмитриевка, откуда немцы в течение декабря не раз пытались прощупать наши силы, готовясь встретить Манштейна. В кольце тогда находились, как стало уже позже известно советскому командованию, около 250 тысяч вражеских солдат и офицеров. Группировка еще мощная, сохранившая свою организацию и боевую готовность.

Первый вопрос, который предстояло решить: откуда целесообразнее наносить главный удар с целью расчленения. Север для этого не годился, германские войска прорвались там к Волге еще в августе и с тех пор непрерывно укреплялись на господствующих высотах. С южного направления реально можно было рассчитывать лишь на вспомогательный удар. Очевидно, рассекать “котел” надо было прямо с запада по линии Вертячий —

Большая Россошка — Гумрак — Городище, действуя смежными флангами 65-й и 21-й армий. Эти мысли и были высказаны руководящими работниками армейского штаба»².

27 декабря командование Донского фронта и представитель Ставки Н.Н. Воронов подготовили проект плана, который в тот же день на самолете был доставлен в Москву. На следующий день утром Ставка сообщила об утверждении плана с внесением в него ряда существенных изменений³.

В директиве от 28 декабря Ставка сообщила генералу Н.Н. Воронову:

«Главный недостаток представленного Вами плана по “Кольцу” заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов, Бабуркин, Мариновка, Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка, совхоз № 1, Бабуркин повернуть на юг в район станции Карповская, а вспомогательный удар 57 армии из района Кравцов, Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66 армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару — удар 62 армии, с тем, чтобы оба удара сомкнуть и отсесть, таким образом, заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный Вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает. Операцию по первому этапу закончить в течение 5—6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

И. Сталин
Г. Жуков»⁴.

Окончательно доработанный вариант плана операции «Кольцо» предусматривал расчленение окруженной группировки ударом с запада на восток и в качестве первого этапа уничтожение вражеских войск в юго-западном выступе окружения. В дальнейшем наступающие должны были последовательно расчленить окруженную группировку и уничтожить ее по частям.

Задача по ликвидации всего окруженного противника целиком возлагались на Донской фронт. Ставка усилила его новыми соединениями, преимущественно артиллерийскими (в том числе 1, 4, 11-й и 19-й Сталинградской артиллерийскими дивизиями. — *Примеч. авт.*), а с 1 января 1943 года в него были включены 62, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта⁵ (действовавшие на внутреннем фронте). Сталинградский фронт был переименован в Южный.

На основе указаний Ставки от 28 декабря штаб Донского фронта, а затем и штабы армий разработали план на первый этап операции. Его основная задача формулировалась так: «1. Цель операции: отсечь, окружить и уничтожить западную группировку окруженных войск противника в районе: Кравцов, Западновка, свх. № 1, Дмитриевка, Мариновка», что полностью отвечало директиве Ставки⁶. 4 января 1943 года этот план был окончательно утвержден. Нанесение главного удара возлагалось на 65-ю армию, находившуюся в центре ударной группировки фронта. Перед войсками этого объединения ставилась задача наступать в юго-восточном направлении на Новый Рогачик и во взаимодействии с другими армиями уничтожить противника в районе к западу от р. Россоски.

Согласно разработанным планам стала производиться перегруппировка войск. Особенно усиливали 65-ю армию, первоначально наносившую в операции «Кольцо» главный удар с запада на Сталинград. На своем участке наступления войска генерала П.И. Батова имели почти 15-кратное превосходство над противником в артиллерии. Здесь действовали три из имевшихся в составе фронта четырех артиллерийских дивизий РВГК. Плотность артиллерии на участке прорыва

Состав соединений и частей Донского фронта (данные на 1 января 1943 года)

Наименования и номера объединений	Наименования и номера стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Наименования и номера артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
21 армия	51 и 52 гв., 96, 120, 252, 277, 293, 298 сд, 1, 21, 99 олыжб; 1 гв. отпп	1180, 1184, 1241 иптап, 108, 114 и 129 минп (4 ад). 17 гв. мбр, 85 гв. мп, 114 огв. мдн, 1263 зенап, 1 зенад (1068, 1085, 1090, 1116 зенап); 205, 540 оинжб
24 армия	49, 84, 260, 273 сд, 54 УР; 8 и 9 гв. отпп	1158 пап, 57 и 94 гв. мп, 297 зенап (18 зенад); 48, 257 оинжб
57 армия	15 гв., 38, 422 сд, 20 оибр, 115 УР; 235, 254 тбр, 234 отп, 156 омсб	1159 аап (19 ад), 1168 аап, 498 гап, 184, 502, 565, 762, 1188 иптап, 140 минп, 726 зенап; 122, 175 оипжб
62 армия	13 и 39 гв., 45, 95, 138, 284 сд, 92, 124, 149 сбр, 156 УР; 189 отп	266 аап, 1103 пап, 397, 499 иптап, 141 минп, 242 зенап; 326, 327 оинжб
64 армия	7 ск (93, 96, 97 сбр), 36 гв., 29, 157, 169, 204 сд, 143 сбр, 66 и 154 морские сбр, 77, 118 УР; 90 тбр, 38 мсбр, 35, 166 отп, 28 одн брп	70 гв. аап (19 ад), 85 гв. гап, 1104; 1111 пап, 186, 500 иптап, 1261 зенап, 47, 175, 328, 329, 330 оинжб, 1397 осапб
65 армия	27 гв., 23, 24, 173, 214, 233, 304 сд; 91 тбр, 5 и 10 гв. отпп	1 ад (468, 501, 1189 лап, 1107, 1166 пап, 275 гап), 4 ад (338, 381, 391 лап, 5 и 7 гв. 671 пап, 135, 272 гап), 99, 156 аап, 5, 84 и 93 гв. мп, 18 зенад (278, 723, 1262 зенап); 321 оинжб
66 армия	84, 99, 116, 226, 299, 343 сд; 7 гв. отпп	1102 пап, 136 и 143 минп (1 ад), 56 и 72 гв. мп; 431, 432 оинжб

Наименования и номера объединений	Наименования и номера стрелковых, кавалерийских и бронетанковых соединений и частей	Наименования и номера артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей
16 воздушная армия	—	2 бак (223, 285 бад), 220, 283 иад, 228 шад, 271 нбад, 16 рап
Сталинградский корпусной район ПВО	—	73 гв., 748, 1077, 1079, 1080, 1082, 1083 зенап, 82, 106, 188, 267 озадн, 72, 122, 126, 132, 137, 141, 142, 181 отд. зенитные бронепоезда; 102 иад ПВО (572, 629, 788 иап)
Соединения и части фронтового подчинения	159 УР; 121 тбр, 2, 4, 6 и 15 гв. отпп, 512 отб, 48, 49, 52 оазсб, 39, 59 и 377 зенитный одн брп	19 ад (123 аап, 457, 1108 пап, 5, 110 гап б/м, 400 отпадн б/м), 101 гап, 119 и 126 минп (1 ад), 79 гв. мп, 325, 581, 1259 зенап, 27, 31, 67, 141, 307, 436 озадп; 5, 8 инжминбр, 16 ивжбр с/н, 57, 61 инжсапбр, 14 гв. батальон минеров, 6, 7, 19, 20, 104 пмб, 120, 258 оинжб, 741, 1417 осапб
Всего во фронте: общевойсковых армий – 7 воздушных армий – 1 корп. р-нов ПВО – 1	ск – 1 отбр – 5 сд – 39 омсбр – 1 сбр – 9 отп – 14 оибр – 1 отб – 1 УР – 6 оазсб – 3 олыжб – 3 одн брп – 4	ад – 3 озадн – 10 оап – 12 бак – 1 иптап – 12 бад – 2 оминп – 2 шад – 1 гв. мбр – 1 иад – 2 гв. мп – 9 иад ПВО – 1 огв. мдн – 1 нбад – 1 зенад – 2 рап – 1 озенап – 14 инжбр – 5 оинжб – 27

65-й армии шириной 9 км достигала 133 орудий и минометов на 1 км, для стрельбы прямой наводкой привлекались 333 артсистемы от 45-мм пушек до 122-мм гаубиц (эти орудия, получая для уничтожения одну цель, обычно выдвигались на расстояния 100—400 м от переднего края, а на участках с открытой местностью — до 700—1000 м). Кроме того, в полосе действий 65-й армии были сосредоточены целых две дивизии реактивной артиллерии (2-я генерала А.Ф. Тверецкого и 3-я генерала В.Г. Соловьева), имевшие 127 боевых машин М-13, 11 машин М-8 и 704 пусковых станка М-30, а также 24 дивизиона М-13 и М-8. Таким образом, восемь стрелковых дивизий 65А поддерживали 27 полков артиллерии РВГК, две дивизии реактивной артиллерии, пять зенитно-артиллерийских полков ПВО, а также шесть танковых полков и одна танковая бригада⁷.

О танковых войсках в операции «Кольцо» следует сказать особо. Боевым машинам в этой операции необходимо было поддерживать пехоту в уличных боях, поэтому наиболее важным параметром ТТХ танка стала не маневренность и скорость, а толщина брони, делавшая объект малоуязвимым в ближнем бою. Армии Донского фронта стали активно насыщаться тяжелыми танками, которые, как правило, входили в состав отдельных гвардейских тяжелых танковых полков (прорыва) — огтпп — по 21 танку КВ/КВ-1С или МК IV «Черчилль» в каждом. Больше всего таких частей получила 65-я армия. На 22.00 9 января 1943 года в ней находились 5-й (22 КВ/КВ-1С), 9-й (20 КВ/КВ-1С), 10-й (21 КВ/КВ-1С), 14-й (20 КВ/КВ-1С), 15-й (21 КВ/КВ-1С) и 47-й (21 МК IV «Черчилль III/IV») отдельные гвардейские танковые полки прорыва, а также 91-я танковая бригада (14 КВ, 3 Т-34, 4 Т-60/70). Итого — всего 146 исправных танков, из них 139 тяжелых! Укомплектованность бронетанковой техникой остальных армий Донского фронта (всего 311 машин) видна из таблицы на с. 117. В этих объединениях уже преобладали более маневренные легкие и средние танки.

В связи с запозданием прибытия средств усиления подготовка операции завершилась не к 6 января, как намечалось,

**Состав бронетанковых сил* Донского фронта
(данные на 22.00 9 января 1943 года)**

Армии	Соединения и части	Тип танков	Количество
21 армия	1 гв. отпп	КВ	10
		Т-34	8
		Т-60/70	1
24 армия	3 гв. отпп	КВ-1С	16
		Т-70	1
51 армия	235 ог. тбр и 234 тп	КВ-8	1
		Т-34	11
		Т-60/70	12
	254 тбр и 189 тп	Т-34	18
		Т-60/70	15
		Т-26	2
62 армия	сводная танковая рота**	КВ-8	1
		Т-34	2
64 армия	90 тбр	КВ	1
		Т-34	10
		Т-70	7
	166 тп	Т-34	11
		Т-70	9
		Т-60	3
35 тп	Т-34	7	
	Т-70	4	
65 армия	91 тбр	КВ	14
		Т-34	3
		Т-60/МК III	2/2
	5 гв. отпп	КВ-1С	22
	9 гв. отпп	КВ-1С	20
	10 гв. отпп	КВ-1С/КВ	17/3
	14 гв. отпп	КВ-1С	20
15 гв. отпп	КВ-1С	21	
47 гв. отпп	МК IV «Черчилль III/IV»	21	
66 армия	7 гв. отпп	КВ	6
		Т-34	3
		Т-60/70	2/5

* Кроме указанных бронетанковых частей и соединений после начала операции в состав Донского фронта были включены, а затем введены в бой 121 тбр и 48 гв. отпп.

** Была сформирована из остатков 506-го отдельного огнеметного танкового батальона и подразделений 235-й огнеметной танковой бригады. Кроме трех действующих танков еще 2 были врыты в землю в качестве неподвижных огневых точек.

а на четыре дня позже. Ставка санкционировала перенесение срока начала операции на 10 января 1943 года.

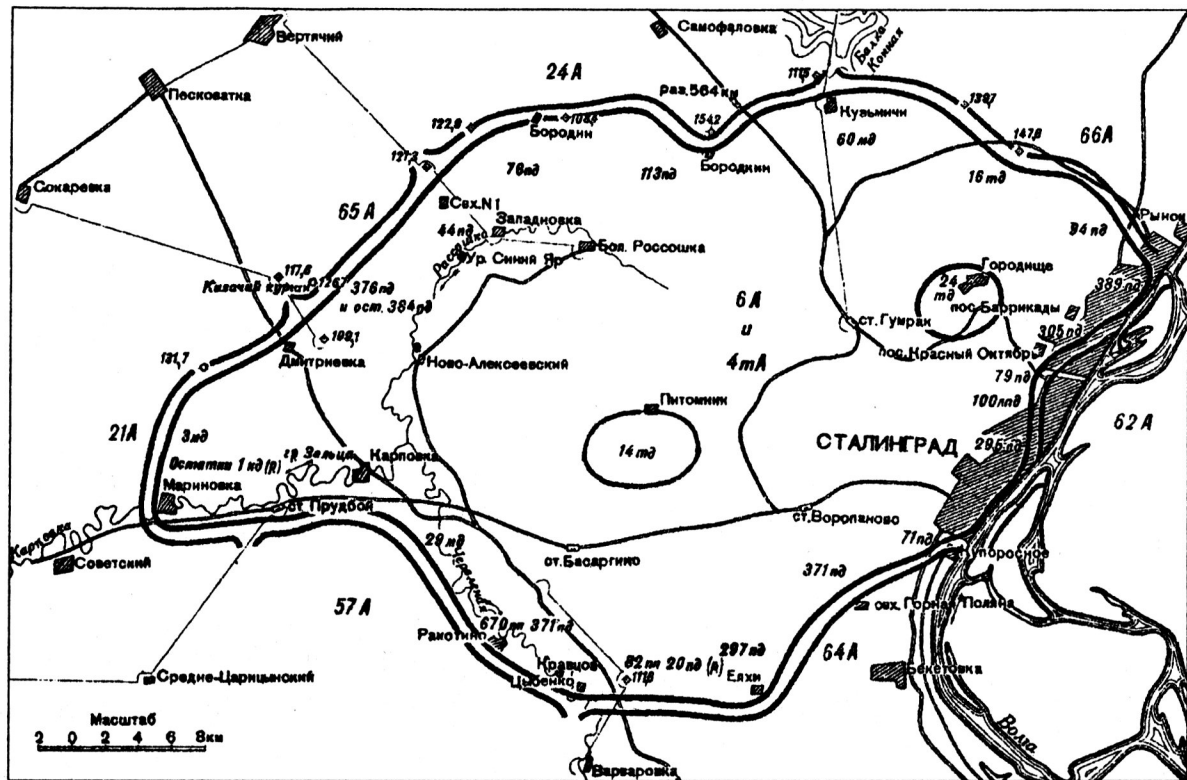
Теперь перейдем к самому сложному вопросу этой главы — о соотношении сил между противоборствующими сторонами. Германские историки постоянно упоминают об «огромном превосходстве» советских войск⁸. И это утверждение не так далеко от действительности, только превосходство заключалось не в численности, а в физическом и морально-психологическом состоянии Красной армии.

Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс в своей работе «Наступление немецкой армии летом 1942 года и битва за Сталинград (краткий обзор и отдельные эпизоды)» от 21 апреля 1947 года определяет численность окруженных частей 6-й полевой армии непосредственно после замыкания кольца (23 ноября 1942 года) в 220 тыс. человек, при общей численности армии в 300 тыс. человек (80 тыс. человек разницы составляли тыловые службы и части, а также эвакуированные части армии за пределами кольца окружения). Впоследствии авиацией с 23 ноября 1942 года по 24 января 1943 года было вывезено около 42 тыс. человек. В качестве подкреплений самолетами прибывали только офицеры и солдаты члены НСДАП, которых для поддержания духа по 4—5 человек вливали в роты каждого батальона. А данные по погибшим сильно разнятся (от 40 до 80 тыс. человек). Таким образом, к началу операции «Кольцо» из 6-й армии в окружении оставалось 150—160 тыс. человек. Если к этой цифре добавить некоторые соединения из 4-й танковой армии вермахта и румынские войска, также оказавшиеся в кольце, то тогда, согласно официальным цифрам, численность окруженной группировки колебалась в пределах 245—250 тыс. человек (эти данные опять же приводятся по высказываниям плененного командующего всей группировки — генерал-фельдмаршала Паулюса).

Структурно окруженная группировка, по советским разведывательным данным, состояла из 11-го (376, 44, 384 пд), 8-го (76, 113 пд), 51-го (94, 305, 389 пд), 55-го (371, 297, 71 пд), 4-го (79, 100 лпд, 295 пд) армейских корпусов, 14-го (3, 60 мд, 16 тд) и 48-го (14, 24 тд, 29 мд) танковых корпусов, а также

остатков 20-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизии румын. 8, 11, 51-й армейские и 14-й танковый корпус относились к 6-й армии, а 4-й армейский и 48-й танковый — к 4-й танковой армии. 55-й армейский корпус в германских источниках не значится; возможно, это была боевая группа, которой нами было ошибочно присвоено наименование корпуса. В состав окруженной группировки входили части усиления: 42, 44, 46, 50, 61, 63, 72-й артполки РКК; 639, 783, 855, 856, 861-й артдивизионы РКК; 243-й артполк РКК (6-ствольных минометов), 6-й полк связи, восемь отдельных саперных батальонов, шесть зенитных дивизионов (в немецких источниках указана 9-я зенитная дивизия ПВО люфтваффе) и ряд обслуживающих частей. Окруженная под Сталинградом 6-я немецкая армия и оперативно подчиненные ей соединения и части обороняли район протяженностью почти 60 км с востока на запад и 30—35 км с севера на юг общей площадью около 1400 кв. км. Район был разделен на пять оборонительных секторов. Собственно в Сталинграде находился восточный сектор. Его обороняли 11-й и 51-й армейские корпуса. За южный сектор нес ответственность 4-й армейский корпус, за юго-западный — 14-й танковый, а за северо-западный — 8-й армейский корпус. Всего в окружении оказалось 14 пехотных (13 немецких и румынская), одна легкопехотная (егерская) дивизия с хорватским полком в своем составе, 3 моторизованные, 3 танковые и румынская кавалерийская дивизия, а также 149 отдельных частей. В первой линии было развернуто 19 дивизий. В резерве находилось две танковые и кавалерийская дивизии.

Оборона противника опиралась на развитую систему укрепленных рубежей: две круговые полосы, ряд промежуточных и отсечных позиций. Часть из них включала обводы, созданные еще советскими войсками при отходе их к Сталинграду, другие противник построил более чем за полуторамесячную осаду. На главной и второй полосах, а также на всех промежуточных позициях были оборудованы подготовленные к круговой обороне опорные пункты и узлы сопротивления. В качестве огневых точек использовались подбитые танки, многочисленные ДЗОТы и бронеколпаки. Все эти позиции прикрыва-

Обстановка в районе Сталинграда перед началом операции по ликвидации немецкой окруженной группировки.
Январь 1943 года

ли сплошные противотанковые и противопехотные минные поля, а также проволочные заграждения в несколько рядов. Для маневра на угрожаемые участки из боеспособных машин были созданы танковые группы и подвижные артиллерийские резервы. В районе окружения продолжали действовать аэродромы Гумрак, Питомник и другие, а также несколько посадочных площадок.

Германское военно-политическое руководство требовало твердо удерживать Сталинград, даже если в конце концов фронт окажется в черте города. В 20-х числах декабря в Восточную Пруссию, в штаб-квартиру Гитлера, был вызван генерал танковых войск Хубе для доклада о положении в Сталинграде. 6 января он возвратился обратно и изложил Паулюсу планы фюрера (на этой беседе также присутствовал начальник штаба армии генерал Шмидт) по упорной обороне города и окрестностей, до тех пор пока не удастся перестроить южный участок Восточного фронта, занятый прежде союзниками, а затем нанести решительный контрудар по советским войскам.

Силы Донского фронта на 10 января 1943 года насчитывали в своем составе 212 тыс. чел. Если сравнивать их с официальными цифрами «окруженцев», то превосходство было у немцев (1,2: 1). Но в реальности германские войска были малобоеспособны. И этому факту есть много документальных подтверждений. 3 января в районе г. Калач был сбит немецкий самолет «Хейнкель-111», возвращавшийся из окруженной Сталинградской группировки. На борту кроме раненых оказалась почта — письма солдат на родину. Большинство из них были датированы 31 декабря 1942 года.

Несмотря на то, что солдатам окруженной группировки было запрещено писать о положении на фронте, ряд писем отражает действительное положение и настроение военнослужащих вермахта в Сталинградском «котле».

«...Скажу вам — это ужасно сидеть в такой ловушке. Вот уже 40-й день мы здесь, но ничего, кроме отчаяния, не замечаем. Нам говорят: “Держаться, держаться”, чтобы выйти из кольца победителями. И все это при норме 200 грамм хлеба на день и суп из конины. Пища пресная, соли почти нет.

Могу сказать, что если бы не наша сила воли, желание жить, воодушевление борьбой за Германию, — то дело уже давно было бы сломлено.

Нервы мои здорово испортились, тело теряет способность сопротивляться.

Что нас еще мучит — это вши. Освободиться от них нет возможности.

В ДЗОТах темно, а на дворе мороз 20—30 градусов». Фриц Як, пп № 18869 Д, 31.12.42 г.

«...Вот уже 6 недель, как мы в кольце. Изо дня в день надеемся на помощь, но пока все напрасно.

...На Рождество от знакомого солдата из Шпандау я за 2 папиросы и добрые слова получил две буханки хлеба на 6 человек. Этот хлеб казался нам рождественским пряником. Ведь обычно мы получаем лишь одну буханку на 8 человек — 175 грамм в день. Это так мало! Когда-то ведь нам выдавали 850 грамм». Арно Кирсте, пп № 14649 С, 26.12.42 г.

«...Моим вшам живется отлично, питаются они вдоволь. Это видно по их количеству, их столько, что опасаясь, что они перегрызут тебе шею. Если рукой провести по шее, то в горсть наберешь несколько штук». Фриц Шуман, пп № 04994 В, 31.12.42 г.

«...С 22 ноября мы окружены. Вы себе, родные, не представляете, как нас кормят.

В день по несколько ложек воды с двумя-тремя жилками конины. Пока мы не будем освобождены, здесь с едой будет все хуже, ибо в кухне нет ни грамма муки, ни чего-либо другого. Питаемся кониной. Кони гибнут, т.к. и для них нет корма». Иоганн Штельнер, пп № 18869 А, 31.12.42 г.

«...В первый день праздника на обед была гусятина с рисом, на второй день — гусятина с горохом. У насужес давних породна гусятина. Только наши гуси имеют четыре ноги, а на ногах подковы. В Германии это называют “дичь с мостовой”... С какой быстротой люди здесь разделяют тушу — этого ты себе представить не сможешь. Через 10 минут остаются одни только голые кости. Над этим работают 25 человек, чтобы ничего не пропало...

Здесь холодный ветер и снег. Радуемся, когда проглядывает солнце, оно прибавляет надежду. Никогда в жизни мы не

видели столько самолетов, сколько в последнее время». Унтер-офицер Вернер Ланге, пп № 21373, 30.12.42 г.

«...Мои дорогие, для нас наступило самое ужасное время. За всю мою солдатскую жизнь не было еще такой ожесточенной борьбы и опасности, как в последнее время; быть может, впереди оно будет еще горше. Не только зима, — хотя мороз в 30 градусов и больше, — делает жизнь такой трудной, нет, причиной этому сами боевые действия.

Мы ведем теперь войну, какую никогда до сих пор не знали. Я читал в книгах про битвы в мировую войну, но вижу, что здесь еще хуже. На передовой ли или несколько километров вглубь — повсюду бой.

Уже одно то, что мы не получаем почты, создает плохое настроение. Словом, война в этом году ужасно суровая.

Мы рассчитывали хотя бы праздники провести спокойно, но и тут нас постигло разочарование. Бои шли не только днем: по вечерам и по ночам сыпались бомбы. Но — хватит о войне!» В. Михалик, пп № 22206, 29.12.42 г.

«...Не было возможности писать даже родным, так как русские нас (окружили). Можешь себе представить наше положение: получаем половину вечерней порции, один кусок хлеба на 7 дней и конина. Внутренне я почти погиб». Иозеф Шенбергер, пп № 36764, 31.12.42 г.

По содержанию писем становится ясно, что солдаты противника были деморализованы и сильно истощены.

Не лучше дело обстояло и с боеприпасами. Например, по утверждениям немецких военнопленных, в конце декабря 1942 года 376 пд располагала 15 снарядами на каждое 105-мм орудие, 600 патронами на пулемет, 100—120 патронами на солдата.

По 376-й пехотной дивизии издан приказ о строжайшей экономии всех боеприпасов. Военнопленный Гельмут Людвиг из 376 пд вермахта сообщил: «Один артиллерист из нашего артполка рассказывал, что у них был составлен акт по поводу произведенного выстрела из орудия без приказа, и на командира батареи было наложено взыскание».

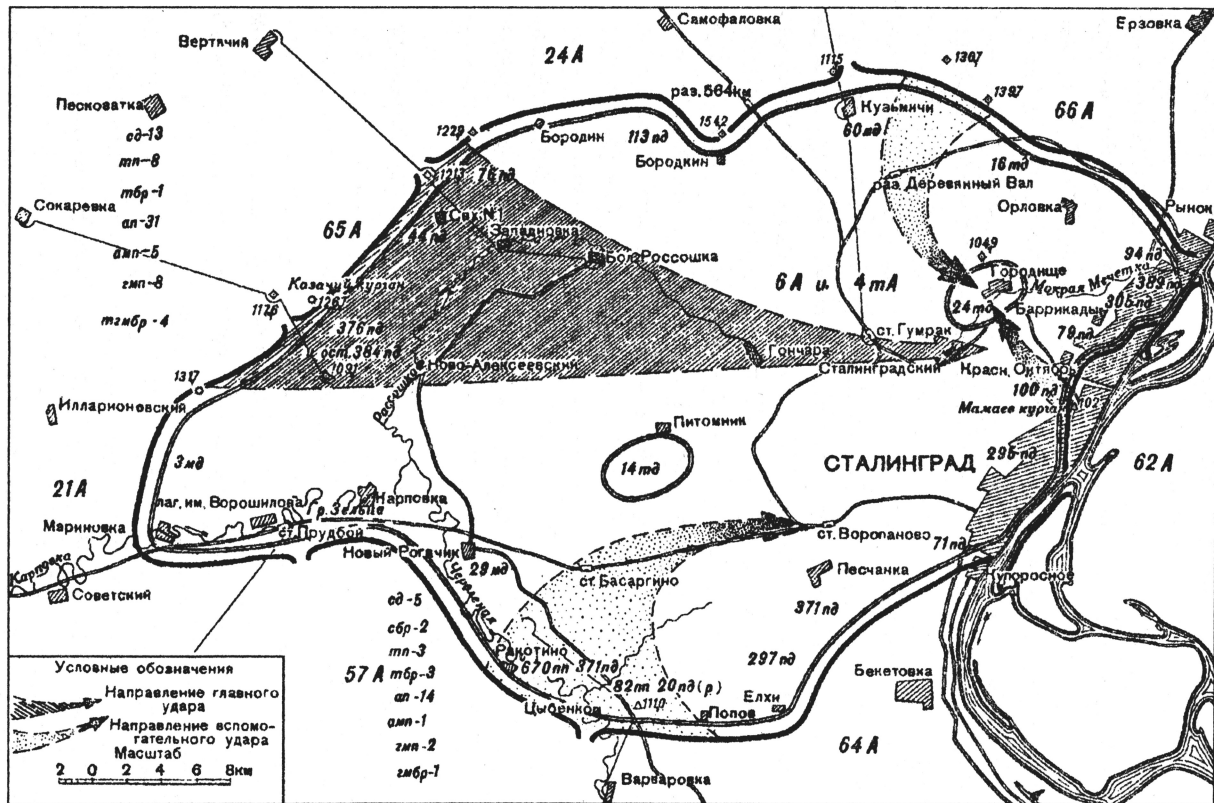
Танков в окруженной группировке было довольно много — до 340 машин, однако полностью боеготовых, в том числе имеющих горючее для движения, имелось 80—90. Остальные либо были неисправны, либо закапывались в землю и использовались противником как ДОТы. Так, например, на участке 57-й и 21-й армии на переднем крае к югу и западу от Карповки насчитывалось до 40 зарытых в землю танков.

Автотранспорт из-за отсутствия горючего фактически не функционировал, а тягловых и верховых лошадей использовали в пищу.

Поэтому формальное сравнение численности противостоящих группировок можно считать условным, однако автор считает необходимым привести и такие цифры. Советские войска уступали окруженным только в людях (1: 1,2), что было результатом неправильной оценки разведотдела штаба Донского фронта численности окруженной группировки, которая на 10 января предполагалась в 75 550 человек. Но по орудиям и минометам наши войска превосходили немцев более чем в 1,5 раза (68 60⁹ против 4130), а по танкам — более чем в 3 раза (311¹⁰ против 90). Трехкратное соотношение в авиации также было в нашу пользу (300 против 100). Ну и, конечно, боеспособность наступающих войск Донского фронта была значительно выше боеспособности блокированной армии Паулюса и оперативно подчиненных ей частей и соединений.

На направлении главного удара было создано решающее преобладание сил и средств над противником. Так, в полосе наступления 65-й армии советские войска имели: людей — 62 тыс. чел., противник — 31 300 чел. (2: 1); орудий и минометов 2428 против 638 (4: 1), а по другим данным, у Красной армии было даже 15-кратное превосходство; танков 146 и 48, соответственно (3:1)¹¹.

Как видно из цифр, самая большая роль при проведении операции отводилась артиллерии. Особенность группировки артиллерии в данной операции состояла в том, что наряду с типовыми армейскими группами АДД, ГМЧ, ЗАГ и армейским АПТР, которые организовывались и в предшествующих операциях, в армиях Донского фронта создавались группы ар-

Общий план операции «Кольцо» по ликвидации окруженной группировки противника.

тиллерии разрушения (АР). Их появление обуславливалось наличием прочных инженерных сооружений в системе обороны противника, которые нужно было разрушать.

Действия наступающих наземных войск должна была поддерживать 16-я воздушная армия генерал-майора авиации С.И. Руденко, к тому времени имевшая около 100 истребителей, 80 бомбардировщиков, 40 штурмовиков и 80 ночных бомбардировщиков¹².

В упрощенном виде советский план ликвидации окруженного противника предусматривал его разгром в три этапа. На первом (с 10 по 13 января) намечалось нанесение 65-й армией рассекающего удара с запада на восток в общем направлении на Новый Рогачик. Ей передавалось более четверти всех сил и средств Донского фронта. К флангам 65-й армии примыкали ударные группировки 21-й и 24-й армий. Как уже говорилось, для поддержки войск на направлении главного удара привлекались основные силы авиации 16 ВА. На втором этапе (с 14 по 17 января) главный удар планировалось перенести в полосу 21-й армии, которая во взаимодействии с другими армиями должна была наступать вдоль железной дороги Сальск — Сталинград на Воропоново. Третий этап (впоследствии реализовывался с 18 января по 2 февраля 1943 года) предусматривал в ходе общего наступления по всему фронту завершить уничтожение противника.

Избранное направление позволяло без значительных перегруппировок сосредоточить наши силы для удара по основной группировке врага, располагавшейся в районе Мариновка, Басаргино, Большая Россошка с целью ее расчленения и последующего уничтожения по частям. В составе этой группировки противника имелись соединения, которые испытали удары наших войск еще во время боев в излучине Дона. Серьезные потери они также понесли в период подготовки к операции. Эти соединения впоследствии и дали наибольшее количество пленных и перебежчиков: 76, 44, 376, 384-я (последняя из-за больших потерь к началу января 1943 года была расформирована) пехотные и 14-я танковая дивизии.

Оперативное построение Донского фронта в составе 65, 21, 24, 64, 57, 66-й и 62-й армий (к началу операции в это объединение входило 39 стрелковых дивизий, 10 отдельных стрелковых, мотострелковых и морских бригад, 7 авиационных дивизий, 45 артиллерийских и минометных полков РВГК, 10 полков реактивной артиллерии, 5 танковых бригад, 14 отдельных танковых полков, 17 артиллерийских полков ПВО и другие части) предусматривалось в один, а его армий — в два эшелона (кроме 24 А, которая была построена в один эшелон. — *Примеч. авт.*) На главном направлении дивизии наступали в полосах 3—4 км, полки — на участках 1—1,5 км. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 55 минут. Впервые в Великой Отечественной войне поддержку атаки в полосе наступления 65-й армии намечалось осуществить одинарным огневым валом на глубину до 1,5 км.

Советское командование, желая избежать напрасного кровопролития, 8 января 1943 года предложило войскам Паулюса капитулировать.

Ультиматум содержал следующий текст¹³.

«Командующему окруженной под Сталинградом 6-й германской армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение вапих войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным стремительным продвижением Красной армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от

русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 г. в письменном виде через лично назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе “Б” 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главного Командования Красной армии генерал-полковник артиллерии Воронов

Командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант Рокоссовский*.

В качестве добровольцев, вызвавшихся пойти в стан противника для вручения ультиматума, были утверждены: парламентаром — работник штаба Донского фронта майор А.М. Смыслов, переводчиком — капитан Н.Н. Дятленко.

«Весь порядок действий наших парламентаров мы обдумали до малейших деталей, — вспоминал впоследствии Н.Н. Воронов. — В этой кропотливой работе большую помощь оказал М.С. Калинин. Вооружившись международными законами и топографическими картами с нанесенной обстановкой, он составил детальный план вручения ультиматума. Вот этот план. Накануне вручения, т.е. 7 января 1943 года вечером, установить связь по радио с командованием окруженной группировки и предупредить его о высылке нами парламентаря в точно указанном участке фронта, в точно установленное время.

Мы решили предложить на строго определенном участке фронта в определенные часы никаких боевых действий с обеих сторон не вести и огня не открывать. Кроме того, нами предлагалось германскому командованию выслать на встречу нашим парламентарам своих уполномоченных офицеров. Установить прямую связь командного пункта фронта с участком, где должны будут действовать парламентары. На этом участке вести тщательное наблюдение и все наши огневые средства привести на всякий случай в боевую готовность. Откровенно говоря, мы не верили, что вражеское

командование примет условия нашего ультиматума. Но, как говорит русская пословица, попытка не пытка. Мы шли на весьма благородный поступок, чтобы избежать напрасного кровопролития.

Вечером 7 января и рано утром 8 января наше фронтовое радио несколько раз передавало в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентариев. Судя по докладам, поступавшим с северного фаса Донского фронта, наши парламентарии вышли из траншей и направились к проволочным заграждениям противника. Однако их никто не встретил. Через некоторое время из вражеского расположения стали раздаваться отдельные выстрелы из винтовок, затем короткие очереди из автоматов, наконец, противник открыл огонь из миномета. Парламентарии, не видя встречающих, вынуждены были повернуть назад. Вражеская сторона отнеслась по-вражески!

Все это без промедления было доложено в Ставку. В ожидании ответа я думал о том, что теперь можно начинать наше выступление со спокойной совестью. А впрочем, почему бы не попробовать послать парламентариев с противоположной стороны нашего “круглого” фронта? В Ставке, как оказалось, также были колебания. Сначала оттуда поступило распоряжение: “Все прекратить”, а вскоре было приказано еще раз послать парламентариев в новом направлении.

Было предложено найти новых желающих выступить в роли парламентариев, но потом решили удовлетворить убедительную просьбу тов. Смыслова и Дятленко, которые хотели сами выполнить эту задачу. Снова на одном из участков фронта была прекращена всякая перестрелка. Утром наши парламентарии благополучно добрались до проволочных заграждений противника и в условленном месте были встречены немецкими офицерами, которые потребовали предъявить им пакет. Майор Смыслов категорически запротестовал и потребовал направить его туда, где он лично может вручить пакет немецкому командованию.

По существующим международным законам парламентариев сопровождают в расположение войск противника с завязанными глазами. Когда немцы об этом напомнили, наши

парламентеры в тот же момент вынули из своих карманов приготовленные для этого большие белые платки. Им завязали глаза. Платки были развязаны только на командном пункте. Один из немецких офицеров стал докладывать по телефону своему начальству о прибывших парламентарях и об их требовании передать пакет лично в руки Паулюса. Через некоторое время нашим посланцам было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого уже известно из объявления, сделанного русскими по радио (справедливости ради следует сказать, что Паулюс после совещания с командирами корпусов не принял парламентаров, руководствуясь общим приказом Гитлера, запрещавшего какую-либо капитуляцию. — *Примеч. авт.*). Парламентарям снова завязали глаза. Их вывели за немецкие проволочные заграждения. С развевающимся белым флагом они благополучно дошли до своего переднего края.

О наших попытках вручить ультиматум и официальном его отклонении было доложено в Ставку.

— Что вы собираетесь делать дальше?

— Сегодня все проконтролируем, а завтра начнем наступление, — ответил я.

Нам пожелали успеха»¹⁴.

На следующий день — 9 января 1943 года — Паулюсом был издан приказ по поводу предъявленного советским командованием ультиматума о сдаче. Приказ объявлялся до роты включительно. В нем содержались призывы к сопротивлению, а германских солдат пугали сибирским пленом. За исключением румынских военнослужащих, перебежчиков с немецкой стороны почти не было. Несмотря на холод, голод и лишения, германские солдаты пока еще доверяли «гению» фюрера и военному мастерству генерала Паулюса. А вот на что же рассчитывала военная верхушка окруженной группировки?

Вначале немецкое командование пыталось скрыть от своих войск истинное положение вещей. Когда же факт окружения стал широко известен в частях группировки противника, то боевой дух личного состава командование пыталось поддерживать заверениями о близкой помощи. Германский военный историк

Иоахим Видер, сам участвовавший в битве за Сталинград, впоследствии так описывал обстановку в «котле»: «В последнюю неделю ноября, когда наши части и соединения, сильно потрепанные в отступательных боях, лихорадочно закреплялись на новых рубежах, постоянно преодолевая все новые трудности, командующий армией отдал весьма серьезный по своим последствиям приказ по армии. Я и по сей день помню его слово в слово. Начинался он так:

“6-я армия окружена. Вашей вины, солдаты, в этом нет. Вы сражались доблестно и упорно до тех пор, пока противник не вышел нам в тыл”. Дальше в приказе говорилось о предстоящих тяжелых боях, о страданиях и лишениях, которые неминуемо ждут немецкие войска, о том, что, несмотря на голод и морозы, нам нужно во что бы то ни стало продержаться еще некоторое время, твердо веря в обещанную подмогу. Наконец, упоминалось и о том, что Гитлер лично обещал провести операцию по спасению окруженной армии. Воззвание было составлено весьма искусно и убедительно и заканчивалось фразой, рассчитанной на нужный психологический эффект: “Держитесь! Фюрер выручит вас!” Эти слова, сулившие скорое избавление, должны были ободрить и вдохновить солдат.

Этот заключительный призыв, который живо обсуждался в нашем штабе, придавал документу чисто эмоциональную окраску, столь необычную для трезвого и делового тона приказов...

Но, естественно, солдаты-фронтовики тогда еще не представляли себе в полной мере, какие страдания и лишения им уготованы. Они не разбирались в сложных проблемах общевойсковой снабжения и понятия не имели о тех бесчисленных трудностях, которые уже тогда вставали перед штабами соединений. Вначале они не знали и о том, что окружение вынудило нас сразу же поставить крест на всех еще только начатых мероприятиях по подготовке зимних позиций. Армейские тыловые базы в станицах Морозовской, Тацинской и еще дальше к западу остались за пределами “котла”. Там хранились десятки тысяч комплектов зимнего обмундирования — шинелей на меху, валенок, шерстяных носков, подшлемников и

наушников, — которые теперь уже нельзя было доставить в наше расположение.

В результате войска в подавляющем большинстве своем встретили убийственные русские морозы, почти не имея зимней одежды.

Поскольку намеченный ранее прорыв 6-й армии на юго-запад не состоялся, и окруженные соединения вынуждены были готовиться к долговременной обороне, возникла необходимость перегруппировать некоторые подразделения, а также часть тяжелого вооружения. Постепенно, преодолевая большие трудности, нам удалось укрепить наши рубежи и стабилизировать линию обороны. Особенно туго пришлось при этом дивизиям, расположенным на южном и западном участках, в открытой степи, где не было ни жилых помещений, ни строительного леса, ни дров. Конфигурация кольца обрела свои окончательные очертания, которые и сохранились вплоть до второй недели января»¹⁵.

Видер реально отражает моральное состояние окруженных, говоря о том, что «их боевой дух еще не был сломлен, и настроение в частях оставалось куда более оптимистическим, чем в штабах. Люди на передовой считали создавшееся тяжелое положение бедой поправимой, обычным делом, без которого на фронте не обходится, и были даже уверены, что после благополучного исхода участники сражения получат, как это обычно бывает, особый знак отличия — какую-нибудь Сталинградскую нашивку или памятную медаль за выход из “котла”. Разумеется, все были уверены, что внешний фронт окружения будет прорван в ближайшем будущем. Солдаты непоколебимо верили в обещанную помощь, и в этой вере они черпали силы, сражаясь в тяжелейших условиях, страдая от голода и лютой стужи; с этой верой они и погибали в боях»¹⁶.

Среди окруженных находились и такие, кто утверждал, что Гитлер не только выручит их, но и сумеет превратить «кажущееся поражение в блистательную победу»¹⁷, охватив гигантским кольцом все советские соединения, окружившие нацистскую армию.

Германские офицеры внушали солдатам, что к Сталинграду идет помощь извне. Наконец, во вторую неделю декабря стало известно, что крупные силы под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна начали операцию по деблокированию окруженной группировки. Весть о наступлении армейской группы «Гот», отмечал К. Типпельскирх, «вызвала всеобщий подъем»¹⁸. Слухи изображали события такими, какими их хотели видеть. Так, немецкий унтер-офицер Гольдер записал в свой дневник: «Окружение вокруг Сталинграда прорвано». Манштейн, находясь в 35—40 км от окруженных, прислал радиogramму штабу 6-й армии в Гумраке: «Держитесь! Идем на выручку!»

Вспоминая эти дни в «котле», Иоахим Видер пишет: «С быстротой молнии распространился, словно единый пароль, клич: “Манштейн идет!” Эти слова придавали солдатам новые силы на всех участках кольца, и прежде всего на нашем западном участке “котла”, где приходилось особенно туго... Спасение казалось близким»¹⁹. Однако эти иллюзии исчезли, когда наступление Манштейна провалилось, а остатки его войск стали отступать к Ростову. «Кровь застывала в жилах при взгляде на карту. Наши ближайшие фронтовые аэродромы, откуда беспрестанно вылетали в наш “котел” транспортные самолеты, основные армейские базы в Тацинской и Морозовской, где размещались интендантские склады, походные лавки и громоздились целые горы мешков неотправленной полевой почты, превратились теперь в поле боя. На Тацинском аэродроме... сгорели главные провиантские склады 6-й армии. Множество транспортных самолетов было приведено в негодность, были взорваны склады с боеприпасами — над станцией запылал чудовищный фейерверк»²⁰.

Окруженные на правом берегу Волги и в покрытых снегом придонских степях войска были предоставлены самим себе. Под натиском Красной армии все более сокращалась территория внутри сжимавшегося кольца окружения, которая почти вся простреливалась артиллерией. С воздуха на противника обрушивала удары авиация.

62-я армия Сталинградского фронта также вела наступательные бои. Ее воины выбивали немцев из опорных пунктов

и узлов сопротивления, отвоевывали здание за зданием, улицу за улицей. По скованной льдом Волге к советским армиям непрерывным потоком двигались машины с грузами, прибывало пополнение.

Обреченность войск Паулюса с каждым днем становилась все более очевидной. Боеприпасы, продовольствие, горючее и медикаменты были на исходе. В течение декабря находившийся в «котле» враг потерял около 80 тыс. солдат и офицеров, состав группировки сократился до 250 тыс. человек²¹. Помощь извне была невозможна. Попытки снабжать окруженные войска при помощи авиации окончилась провалом. Для ежедневной доставки в район окружения 500 т различных грузов требовалось до 1000 самолетов Ю-52²². Между тем действительная потребность в ежедневном снабжении была гораздо выше и составляла минимально 946 т²³ продовольствия, боеприпасов и горючего (по другим данным, 600 т). Решить эту задачу враг не мог. Реально в среднем за сутки перебрасывалось от 50 т (в ноябре) до 105 т (в декабре). В первой декаде января окруженная группировка стала получать до 140 т грузов в сутки. Это стало пиком эффективности «воздушного моста». С 12 января по 2 февраля эта норма не превышала 60—80 т²⁴. Немецкие трехмоторные транспортные самолеты Ю-52, направлявшиеся с грузами к окруженным германским войскам, беспощадно уничтожались превосходящими силами советской авиации и зенитной артиллерией. Воздушная блокада была организована с большим искусством. В декабре под Сталинградом были сбиты сотни транспортных самолетов врага. Вместе с тем советские войска, сжимая кольцо окружения, захватывали немецкие аэродромы. Расстояние от баз авиации противника до посадочных площадок 6-й армии составляло первоначально 200 км, затем возросло до 300 и, наконец, 450 км²⁵.

Войска из 6А Паулюса, очутившиеся в Сталинградском «котле», были полностью изолированы как с суши, так и с воздуха. Снабжение частей и соединений боеприпасами и продовольствием фактически почти прекратилось. Враг вынужден был экономить патроны, снаряды и мины, ему не хватало самого необходимого для ведения боевых операций. Войска не-

приятеля получали голодный паек. Ежедневная порция хлеба составляла 175, а иногда и 100 г. В солдатском рационе конина стала роскошью, немцы охотились за собаками, кошками, воронами. В довершение всего вражеские войска, так и не получившие зимнего обмундирования, жестоко страдали от суровых морозов (в январе доходили до 25—30°).

Вот как описывает бедствия осажденной 6-й армии полковник вермахта Динглер: «Каждую ночь, сидя в землянках, мы вслушивались в рокот моторов и старались угадать, сколько же немецких самолетов на этот раз прилетит и что они нам доставят. С продовольствием было очень трудно с самого начала, но никто из нас не предполагал, что скоро мы постоянно будем испытывать муки голода.

Нам не хватало всего: не хватало хлеба, снарядов, а главное — горючего. Пока было горючее, мы не могли замерзнуть, а наше снабжение, пусть даже в таких ограниченных масштабах, было обеспечено. Дрова приходилось доставлять из Сталинграда на автомашинах, но, поскольку мы испытывали острый недостаток в бензине, поездки в город за топливом совершались очень редко, и в наших землянках было очень холодно.

До Рождества 1942 года войскам выдавалось по 100 граммов хлеба в день на человека, а после Рождества этот паек был сокращен до 50 граммов. Позднее по 50 граммов хлеба получали лишь те части, которые непосредственно вели боевые действия; в штабах, начиная от полка и выше, хлеба совсем не выдавали. Остальные питались только жидким супом, который старались сделать более крепким, вываривая лошадиные кости»²⁶.

Германские войска несли огромный урон в живой силе, теряя ежедневно не менее 1500 солдат в результате активных действий советских войск, советской авиации, а также от голода, мороза и болезней. «Шестая армия была обречена, и теперь уже ничто не могло спасти Паулюса. Даже если бы каким-то чудом и удалось добиться от Гитлера согласия на попытку прорваться из окружения и измученные и полуголодные войска сумели бы разорвать кольцо русских, у них не было транспортных средств, чтобы отступить к Ростову по покрытой ледяной коркой степи. Армия погибла бы во время

марша, подобно солдатам Наполеона в период отступления от Москвы к реке Березине»²⁷.

Несмотря на безвыходность положения, враг готов был к длительной и упорной обороне, продолжая создавать сплошную сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. Паулюс выполнял категорическое требование германского Верховного командования. «То, что мы отсюда не уйдем, должно стать фанатическим принципом», — заявил Гитлер²⁸. Об этом же говорилось в его оперативном приказе № 2 от 28 декабря: «Как и прежде, моим намерением остается удержать 6-ю армию в ее крепости и создать предпосылки для ее освобождения»²⁹.

В день Нового года на имя командующего окруженной группировкой была получена личная радиogramма фюрера. Она вновь подтвердила, что Гитлер «не оставит на произвол судьбы героических бойцов на Волге и что Германия располагает средствами для деблокады 6-й армии»³⁰. Подобные заверения вождя уже не производили прежнего впечатления. Борьба продолжалась, но перед немецкими солдатами и офицерами все чаще и настойчивее вставал вопрос о ее целесообразности.

Чем объяснялось такое упорство проигравшего жестокую битву противника? Соображениями политического престижа нацистской Германии? Или стратегической необходимостью удержания фронта под Сталинградом? В первые дни после окружения Паулюс, как командующий 6-й армией, ставил вопрос о предоставлении ему права «свободы действий» и осуществления, в случае необходимости, прорыва на юго-запад. Такое право ему предоставлено не было, а в дальнейшем сама обстановка исключала любую попытку в этом направлении. Оставалось капитулировать, сохраняя жизнь десятков тысяч немцев, или продолжать сопротивление «до последнего солдата». Верховное командование вермахта, не задумываясь, избрало последнее решение. Этим оно обрекло свою Сталинградскую группировку на гибель, вынесло ей смертный приговор.

Следует сказать, что подобное решение определялось мотивами как престижа, так и стратегии. Сковывая в районе Сталинграда советские силы, германское командование стремилось не допустить развала всего южного крыла Восточного

фронта. Однако после провала наступления Манштейна, а затем потери (в январе) аэродрома в районе Питомника сопротивление окруженной группировки утратило прежнее военно-стратегическое значение. Оно стало бесперспективным даже в военном отношении, но тем не менее продолжалось до последней возможности. Великогерманский рейх оставался верен себе в чудовищном пренебрежении к человечности. Гитлер и его окружение не видели необходимости делать в этом отношении исключение для собственных солдат и офицеров, коль скоро они выбывали из затеянной игры. А эти последние согласно присяге продолжали послушно выполнять указания своих военных и политических руководителей. Требовалась другая, более могучая воля и сила, чтобы солдаты и офицеры армии Паулюса, а также миллионы других немцев взглянули на события иными глазами. И по мере усугубления обстановки, чем неумолимее и ближе выдвигалось возмездие, тем заметнее и сильнее совершался процесс морального отрезвления той части немецкого вермахта, которая оказалась в «котле». Германская военная машина начинала отказывать, пусть не сразу, но в наиболее существенной своей части — бездумном автоматизме повиновения.

К тому времени, когда советское командование в ультимативной форме предложило врагу прекратить сопротивление и сообщило условия капитуляции, несомненно, среди окруженных немцев многие готовы были сложить оружие. В этом отношении весьма убедительно звучит свидетельство Гельмута Вельца, который рисует такую картину: «Сегодня 8 января. Этот день не такой, как все другие. Он требует от командования важного решения, самого важного, какое оно только может принять в данный момент. Каково будет это решение — никто из нас не знает. Нам известно только одно: решающее слово может быть сказано только в течение двадцати четырех часов. Это знает каждый, кто принадлежит к 6-й армии. О том позаботились сотни тысяч русских листовок. Их целый день сбрасывают над нами медленно кружащие советские самолеты. На нас изливается ливень тоненьких листовок. Целыми пачками и врассыпную, подхваченные ветром, падают они на землю:

красные, зеленые, голубые, желтые и белые — всех цветов. Они падают на снежные сугробы, на дороги, на деревни и позиции. Каждый видит листовку, каждый читает ее, каждый сберегает ее и каждый высказывает свое мнение. Ультиматум. Капитуляция. Плен. Питание. Возвращение на родину после войны. Все это проносится в мозгу, сменяя друг друга, воспаляет умы, вызывает острые споры.

...Вся армия страдает от удушья, блуждает в лабиринте, скорчилась без сил в снегу. Как ни крути, а приходишь к одному выводу: дни немецких войск, сжатых на узком пространстве, сочтены, умирающая армия не способна сковать сколь угодно значительные силы противника, а другой задачи у нас нет. Следовательно, продолжать кровопролитие бессмысленно. Капитуляция — требование разума, требование товарищества, требование посчитаться с судьбой бесчисленного количества раненых солдат, которые по большей части лежат в подвалах без всякого медицинского ухода. Такая капитуляция не наносит ущерба достоинству германского солдата»³¹.

И дальше: «Да, конечно, долг и главная добродетель хорошего солдата — повиноваться всегда и всюду, даже если он и не понимает смысла полученного приказа. Но здесь, у нас, своим властным языком говорят сами факты. Только за последние шесть недель погибло круглым числом 100 тысяч человек (безусловно, это преувеличение. — *Примеч. авт.*). Тот, кто в таких условиях намерен ценой гибели остальных 200 тысяч человек сохранить свое слепое и тупое повиновение, не солдат и не человек — он хорошо действующая машина, не больше!»³²

Однако такие соображения не сыграли решающей роли при всей их жестокой очевидности. Судьба личного состава окруженной группировки была принесена в жертву теми, кто давал ответ на ультиматум о прекращении сопротивления.

Условия капитуляции, предложенные советским командованием, были доложены через немецкого офицера лично генерал-полковнику Паулюсу. Как раз в это время на аэродроме в Питомнике приземлился самолет, доставивший командира 14-го танкового корпуса генерала Хубе. Он вернулся в «котел» из ставки Гитлера, куда 28 декабря вылетал для получения

награды и где по поручению Паулюса докладывал фюреру о положении окруженных войск. Как уже упоминалось, Хубе привез приказ Гитлера продолжать сопротивление до нового деблокирующего наступления войск вермахта, которое развернется во второй половине февраля.

Паулюс вызвал к себе командиров корпусов, которые уже знали текст советского ультиматума. Командующий ознакомил их также с сообщением генерала Хубе. Все они высказались против капитуляции. Затем прибыл ответ главного командования сухопутных сил (ОКХ). Он гласил: «Капитуляция исключается. Каждый лишний день, который армия держится, помогает всему фронту и оттягивает от него русские дивизии».

Манштейн впоследствии писал: «9 января противник предложил 6-й армии капитулировать. По приказу Гитлера это предложение было отклонено... я целиком поддерживаю его решение». Вместе с тем, по его мнению, «для генерала Паулюса отклонение предложения о капитуляции было его солдатским долгом»³³.

Иначе оценивал это военный историк В. Адам, также лично участвовавший в событиях под Сталинградом, который считал, что перед фактом бессмысленной гибели дивизий Паулюс должен был наконец решиться на самостоятельные действия. «Я считаю, что в случае своевременной капитуляции могло спасти и после войны вернуться к своим семьям намного больше 100 тысяч солдат и офицеров»³⁴. Адам признавал малоубедительным аргумент, «будто бы истекавшая кровью и голодавшая 6-я армия отвлекала крупные силы противника с южного крыла немецкого фронта». Он делал следующий вывод: «Отклонение советского предложения о капитуляции от 8 января 1943 года является с точки зрения исторической, военной и человеческой огромной виной не только Верховного командования вермахта и командования группы армий «Дон», но и командования 6-й армии, командиров ее армейских корпусов и дивизий»³⁵.

И. Видер, уже упомянутый выше, высказывался примерно в том же смысле. «Огромные человеческие жертвы, непоправимый ущерб, наносимый человеческому достоинству окруженных, не могли быть более оправданы никакими военно-

стратегическими соображениями: в подобной обстановке они были безнравственны, аморальны»³⁶. Дальше он сообщал: «Гитлер лично запретил нашей армии капитулировать. 9 января Паулюс в письменной форме отклонил предложение советского командования. Нам было запрещено в дальнейшем передавать в части какую бы то ни было информацию по этому вопросу, за исключением приказа открывать без предупреждения огонь по русским парламентам, если они приблизятся к нашим позициям. Именно это последнее распоряжение штаба армии, переданное нам по радио, не оставляло никаких сомнений относительно намерений нашего командования.

...В этой связи мне вновь пришли на память высокопарные слова Гитлера о непобедимости немецких солдат, для которых нет ничего невозможного. Еще бы, даже мысль о капитуляции была несовместима с престижем “фюрера” как верховного главнокомандующего. Ведь незадолго до того, как мы попали в окружение, он торжественно клялся (теперь эта клятва звучала кощунством): “Смею заверить вас — и я вновь повторяю это в сознании своей ответственности перед богом и историей, — что мы не уйдем, никогда не уйдем из Сталинграда!” Теперь судьба наша и впрямь была неразрывно связана с донскими степями. Здесь она и должна была решиться»³⁷.

Ф. Паулюс уже после войны, в сентябре 1945 года, так объяснял свое поведение на заключительном этапе Сталинградской битвы: «Я был солдат и верил тогда, что именно повиновением служу своему народу. Что же касается ответственности подчиненных мне офицеров, то они с тактической точки зрения, выполняя мои приказы, находились в таком же вынужденном положении, как и я сам в рамках общей оперативной обстановки и отданных мне приказов»³⁸.

Все это означало, что германская военная машина продолжала действовать. Что же касается морально-психологических рассуждений о «чести солдата» и «долге повиновения», то в них полностью отсутствовало понимание преступности участия в агрессивной войне.

Немецкие завоеватели, вторгшиеся на российскую землю, вспомнили о гуманности лишь перед бездной катастрофы, ощу-

щая ужас постигшего их возмездия, уstraшенные неизбежностью собственной гибели. Они не в состоянии были взглянуть на события другими глазами, задать себе вопросы о характере войны, ее политических целях и моральной сущности. «Воспитанные в националистическом и милитаристском духе, мы едва ли были способны ставить эти вопросы. В этом и заключалась подлинная причина нашего несчастья, и мы все дальше катились к пропасти, ибо, заблуждаясь, считали своим долгом держаться до конца»³⁹. Так много лет спустя после описываемых событий напишет В. Адам — один из тех, кто находился в «котле».

ЛИКВИДАЦИЯ

Первый этап операции: с 10 по 13 января 1943 года. В ночь на 10 января войска Донского фронта сосредоточились на исходных позициях. Наступил завершающий этап контр наступления Красной армии под Сталинградом.

Выполняя замысел плана операции «Кольцо», войска готовились мощными ударами расчлнить окруженную группировку и уничтожить ее по частям. Общей задачей первого этапа была ликвидация западной и северо-восточной частей окруженной группировки немцев. Главный удар наносила 65А. Представитель Ставки генерал-полковник Н.Н. Воронов и командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский рано утром прибыли на командный пункт 65-й армии. Ее дивизии должны были выступить на направлении главного удара, срезая так называемый «маринковский выступ», во взаимодействии с войсками смежных флангов 21-й и 24-й армий. Навстречу ударной группировке 65-й армии из района южнее Цыбенко наносили удар в общем направлении на разъезды Басаргино, Новый Рогачик войска смежных флангов 64-й и 57-й армий. Из района юго-западнее Ерзовки на Городище наступление велось силами 66-й и 62-й армий.

В 8 час. 05 мин. с высоты, где разместился наблюдательный пункт представителя Ставки и командующего 65-й армией,

взвилась серия ракет. Одновременно по всем радиосетям фронта был передан сигнал «555», а по телеграфу — «Родина».

Сразу же началась артиллерийская подготовка. 7 тыс. орудий и минометов в течение 55 минут шквальным огнем разрушали вражескую оборону. Они подавляли артиллерию противника, уничтожали его штабы, связь, разбивали ДЗОТы, блиндажи, истребляли живую силу. Активно действовала и авиация 16-й воздушной армии.

В 9 часов пехота и танки перешли в атаку. «Вскоре на наблюдательный пункт стали поступать первые данные об успешном начале наступления, — писал Н.Н. Воронов. — Продвижение войск медленно, но верно нарастало. То и дело над нами пролетали наши самолеты. Прошло еще некоторое время, и мы увидели начавшееся передвижение вперед артиллерийских батарей для занятия новых огневых позиций, чтобы обеспечить непрерывность артиллерийской поддержки наступающей пехоты и танков. Это было надежным признаком успешного прорыва обороны противника»⁴⁰.

Первый эшелон 65-й армии был усилен 104 новейшими по тому времени танками КВ-1С. 173 сд поддерживал 15 огттп, 304 сд — 45 огттп, 24 сд — 14 огттп, 27 гв. сд — 10 огттп, 214 сд — 9 огттп.

Во втором эшелоне действовали три стрелковые дивизии, которые были усилены танковой бригадой и еще одним тяжелым танковым полком прорыва. 91 тбр должна была поддерживать 233 сд, а 47 огттп на тяжелых танках английского производства МКIV «Черчилль» — 23 сд.

Основной удар наступающей группировки пришелся на позиции 44-й пехотной, 29-й моторизованной и 297-й пехотных дивизий вермахта. Затем «шторм» обрушился на 16-ю танковую дивизию, оборонявшую северо-восточный сектор. Далее он переместился на позиции 44-й и 76-й дивизий, державших западные и южные сектора. Германское командование 6-й армии бросило в бой на участке прорыва еще передвигавшиеся танки и самоходные орудия. Боевые группы с 88-мм орудиями Flak 36/37 из 9-й дивизии ПВО люфтваффе подбили около 100 советских танков (по немецким оценкам. — *Примеч. авт.*). Но все было тщетно.

Ломая оборону германских войск, силы Донского фронта продвигались вперед. На направлении главного удара к исходу дня 65-я армия вклинилась в оборону противника на глубину 1,5—4,5 км. Соединения других армий продвинулись еще меньше. Немцы упорно сопротивлялись. Однако уже 10 января оборона в главной полосе противника была нарушена. В результате первого дня нашего наступления противнику были нанесены существенные потери. Только убитыми он потерял 1450 человек. Силами Красной армии был захвачен 1331 пленный, 66 орудий, 64 миномета, 231 пулемет. Однако враг еще не был сломлен, несмотря на отсутствие у него боеприпасов и морозы, доходящие до -35° . Потребовалось трое суток кровопролитных боев, чтобы срезать западный (мариновский) выступ вражеской обороны (на восточной окраине Мариновки оборонялась группа майора Зельца с 88-мм пушками Flak 36/37 из 9-й дивизии ПВО люфтваффе; собственно Мариновку обороняла группа майора Шмидта, состоявшая из сводного батальона 29 мд, сводного батальона 672 пп 376 пп и роты из 29 мд; северо-западнее Дмитровки находился 129 тб 29 мд). В конце дня 12 января войска 65-й и 21-й армий вышли на западный берег р. Россошки и в район Карповки. На других участках советские соединения также ломали вражескую оборону. В метель и холод, под сильным огнем противника они упорно пробивались по маршрутам наступления. На южном секторе кольца окружения, где действовали войска 57-й и 64-й армий, противник в первый день удерживал оборону по северо-восточному берегу балки Караватка и по юго-западному берегу р. Червленной. Однако в ночь на 11 января сопротивление немцев и здесь было сломлено. В полосе наступления 57-й армии 38-я стрелковая дивизия КА под командованием полковника Г.Б. Сафиулина к рассвету захватила немецкий аэродром возле Воропоново с 18 исправными самолетами. Личный состав аэродрома, спавший в блиндажах, был захвачен врасплох и взят в плен⁴¹.

Но и нашим наступающим войскам было нелегко, так как, несмотря на голод, холод и недостаток боеприпасов, немцы продолжали ожесточенно обороняться. Очень большие потери несла 65-я армия, действовавшая на главном направлении.

В первый день боев 15-й гвардейский танковый полк прорыва потерял 15 танков КВ-1С, 5-й гвардейский танковый полк прорыва — 12 машин, 14-й гвардейский танковый полк — 7 танков, 10-й гвардейский танковый полк — 6 машин, 9-й гвардейский танковый полк — 9 танков. Большинство наших КВ-1С было подбито артиллерией противника или подорвалось на минах. Танки противника имели минимальный запас топлива, поэтому выдвигались на передовую только в случае явной угрозы прорыва своей обороны. Но даже ввод в сражение оставшихся боевых машин не очень помогал немцам. Несмотря на большие потери, советские войска буквально рвались вперед и вскоре, как известно, германская оборона на участке 65А была прорвана. Наши танки в основном действовали в боевых порядках пехоты, поднимая моральный дух последней. Первый собственно танковый бой в этой операции провели «Черчилли» 47-го гвардейского танкового полка, введенного в сражение 11 января.

В тот момент, когда танки, ожидая очередного рывка лежащей под вражеским огнем пехоты, вели огонь с места, их с фланга неожиданно атаковали две StuG III и один Pz.Kpfw.IV. С первых же выстрелов им удалось подбить три наших танка. Оставшиеся «Черчилли» тут же разнесли на части обе самоходки, а германский танк поспешно скрылся в балке. Несмотря на локальную победу и успешное выполнение задач по обеспечению действий 23 сд, этот полк тяжелых танков также понес огромные потери — было подбито 18 машин из 21. И все же части Красной армии продолжали продвигаться вперед.

13 января 44-й гвардейский стрелковый полк 15-й гвардейской стрелковой дивизии атаковал позицию врага на восточном берегу р. Червленной. Продвижению к населенному пункту Старый Рогачик мешали искусно замаскированные три ДЗОТа, откуда немцы вели прицельный огонь. Командиры взводов 2-го стрелкового батальона лейтенант В.М. Осипов и младший лейтенант А.С. Белых со связками гранат поползли к ДЗОТам и вывели из строя два из них. Пулеметным огнем из третьего ДЗОТа оба гвардейца были убиты. Навстречу врагу пополз пулеметчик младший сержант Н.Ф. Сердюков. Подобравшись к

ДЗОТу, он бросил две связки гранат, но они не долетели. Тогда Николай Сердюков поднялся, подбежал к ДЗОТу и своим телом закрыл амбразуру. Наступление продолжалось. 44-й гвардейский полк овладел Старым Рогачиком, части дивизии преодолели рубеж по р. Червленной и вышли к железной дороге у ст. Карповская.

Вечером 11 января Паулюс радировал Манштейну: «Резервов более нет. Боеприпасов осталось на 3 дня. Тяжелая техника не в состоянии двигаться — нет горючего. Фронт обороны наших окруженных войск может удерживаться не дольше, чем в течение трех ближайших дней».

Командующий окруженной группировкой Паулюс вынужден был доложить германской ставке «о прорывах крупных сил русских на севере, западе и юге, нацеленных на Карповку и Питомник. 44-я и 76-я пехотные дивизии понесли тяжелые потери; 29-я моторизованная дивизия имеет только отдельные боеспособные части. Нет никаких надежд восстановить положение. Оставлены Дмитриевка, Цыбенко и Ракотино»⁴². В ответ на это донесение из Восточной Пруссии тотчас же поступил ответ, которым предписывалось:

«Во что бы то ни стало удерживать рубеж Цыбенко, Карповка, Россошка. Всеми силами помешать тому, чтобы Питомник попал в руки русских. Цыбенко во что бы то ни стало отбить у противника. Командующему армией сообщить о принятых контрмерах, а также о том, при каких обстоятельствах без разрешения ОКХ было оставлено Цыбенко»⁴³. Но никакие приказы германского командования не могли повернуть ход событий в желаемом для врага направлении.

На 12 января 7-й армейский корпус удерживал территорию Совхоза № 1, а 14-й немецкий танковый корпус продолжал оборонять берег Россошки, имея в своем распоряжении лишь легкое пехотное оружие.

Окруженный нашими войсками в Цыбенко, противник предпринимал неоднократные атаки группами пехоты, усиленной танками. После отказа сдаться гарнизон Цыбенко был полностью истреблен. До батальона вражеской пехоты, пытавшейся контратаковать наши наступающие подразделения в

районе высоты 111,6, было уничтожено залпом гвардейских минометов. Позиции были буквально усеяны трупами германских обгоревших солдат.

В войсках противника падала дисциплина. Паника начала охватывать целые подразделения и части. 12 января, когда вблизи аэродрома Питомник появилось несколько советских танков из 91-й танковой бригады, немцы поспешно бежали оттуда. Историк В. Адам передает рассказ очевидца этого эпизода — германского штабного офицера. «Паника началась неожиданно и переросла в невообразимый хаос, — говорил он. — Кто-то крикнул: “Русские идут!”. В мгновение ока здоровые, больные и раненые — все выскочили из палаток и блиндажей. Каждый пытался как можно скорее выбраться наружу. Кое-кто в панике был растоптан. Раненые цеплялись за товарищей, опирались на палки или винтовки и ковыляли так на ледяном ветру по направлению к Сталинграду. Обессилив в пути, они тут же падали, и никто не обращал на них внимания. Через несколько часов это были трупы. Ожесточенная борьба завязалась из-за мест на автомашинах. Наземный персонал аэродрома, санитары и легкораненые первыми бросились к уцелевшим легковым автомашинам на краю аэродрома Питомник, завели моторы и устремились на шоссе, ведущее в город. Вскоре целые гроздья людей висели на крыльях, подножках и даже радиаторах. Машины чуть не разваливались под такой тяжестью. Некоторые остановились из-за нехватки горючего или неисправности моторов. Их обгоняли, не останавливаясь. Те, кто еще был способен передвигаться, удирали, остальные зывали о помощи. Но это длилось недолго. Мороз делал свое дело, и вопли стихали. Действовал лишь один девиз: “Спасайся, кто может!”

Но как можно было спастись в разбитом городе, в котором нас непрерывно атакуют русские? Речь шла не о спасении, а о самообмане подстегиваемых сильным страхом, оборванных, полумертвых людей, сломленных физически и нравственно в битве на уничтожение.

Скоро, правда, стало известно, что Питомник снова в наших руках. И хотя выяснилось, что аэродром атаквала лишь раз-

ведка противника, немногие больные и раненые возвратились назад. Слишком глубоко овладел страх нашими солдатами. Большинство же летчиков и санитаров лишь к вечеру вернулось в Питомник»⁴⁴.

Штаб 6-й армии слал командующему группой армий «Дон» Манштейну радиogramмы с требованиями доставки авиацией батальонов с тяжелым вооружением, чтобы иметь возможность продолжать свое сопротивление. Но осуществить подобную переброску уже не было возможности. Более того, с 13 января о боях 6-й армии в сводках вермахта никак не упоминалось. Хотя для успокоения Гитлера продолжались разработки новых планов деблокады. Именно 13 января 1943 года начальник генерального штаба ОКХ Цейтлер одобрил разработку оперативного отдела — план «Дитрих» («Отмычка»), а именно деблокирование и вывод 6-й армии из окружения в феврале — марте 1943 года!

Пока немцы разрабатывали планы, наши войска продолжали наступать. К вечеру 13 января они выполнили задачу первого этапа. Западный выступ оборонительной системы немцев был срезан.

На направлении главного удара наши части достигли реки Россoshка на участке Карповка, урочище Синий Яр и далее на север рубежа Совхоз № 1, высота 122,9.

Остатки разбитой германской группировки, боясь окружения, отошли на восточный берег речки. Здесь они совместно с подошедшими резервами попытались вновь организовать сопротивление, зацепившись за укрепления нашего бывшего среднего сталинградского обвода.

На направлении вспомогательного удара, наносившегося частями 64-й и 57-й армий, наши войска также прорвали вражескую оборону и вышли на рубеж южной окраины Елхи, высоты 119,7 (южн.), отм. 78,8; высоты 117,4 и южной окраины Ракотино.

Части 66-й армии в результате упорных боев вклинились в неприятельскую оборону южнее высоты 139,7.

Ударная группа 62-й армии тем временем очистила от противника несколько кварталов города в районе завода «Красный Октябрь».

По советским данным, к исходу 13 января германские потери приблизительно составили 30 тыс. человек. На поле боя при беглом подсчете было обнаружено 127 неприятельских подбитых орудий, около 400 пулеметов, свыше 80 танков. Число пленных возросло до трех с половиной тысяч человек. Были захвачены богатые трофеи: 500 орудий, 1250 пулеметов, 324 миномета, 104 танка, 60 бронетранспортеров, 3500 автомобилей, склад боеприпасов и другое военное имущество.

Второй этап операции: с 14 по 17 января 1943 года. Командующий фронтом генерал-лейтенант (с 15 января 1943 г. генерал-полковник) К.К. Рокоссовский решил перенести главный удар с участка 65-й армии в полосу 21-й армии, которая своим левым флангом должна была выступать в направлении ст. Воропоново. 65-я армия войсками правого фланга наносила удар в направлении Ново-Алексеевского. Ее действия с севера обеспечивались правым флангом 24-й армии. 57-я и 64-я армии обеспечивали наступление главной ударной группировки с юга. Путем перегруппировки войск, произведенной 13 и 14 января, состав 21-й армии был усилен двумя дивизиями 65-й армии (252, 173 сд) и значительной частью ее (65А) средств усиления. В течении суток с небольшим с главного направления действий 65А в полосу боевых действий 21 А были переброшены две гвардейские минометные дивизии РС, состоящие из четырех бригад М-30 и четырех полков М-13. Боевые действия в эти два дня не прекращались.

Несмотря на упорное сопротивление немцев на рубеже р. Россоски, советские войска, подтянув артиллерию, с боем преодолели эту реку и продолжали развивать наступление. Противник, бросая тяжелое вооружение и военное имущество, беспорядочно отступал по заснеженной степи.

214-я стрелковая дивизия генерала Н.И. Бирюкова, овладевшая Совхозом № 1 и после этого успешно продвигавшаяся вперед, в Малой Россоске сбила немцев в овраг. «Они отказались сдаться. Артиллеристы били в двери землянок прямой наводкой. За Россоской дивизия отрезала и пленила большую группу вражеских войск»⁴⁵.

Главным смысловым содержанием второго этапа операции стала задача с 15 по 17 января отсечь, окружить и уничтожить

группировку немецких войск в районе Скляров, Елхи, Питомник, Западновка. Одновременно должна была продолжаться операция по отсечению, окружению и уничтожению северо-восточной группировки немцев в районе Орловки. При выполнении первой задачи главный удар наносился смежными флангами 21-й и 65-й армий с фронта Карповка, Бабуркин в восточном направлении. Начало наступления было назначено на 15 января.

После изменения задач и перегруппировки распределение танковых частей и соединений по армиям выглядело следующим образом: 21 А — 121 тбр, 1, 5, 9, 10, 14, 15-й и прибывший на фронт свежий 48-й («Черчилли») отдельные гвардейские тяжелые танковые полки прорыва; 65 А — 91 тбр, 47 огтгп; 24 А — 8 огтгп; 66 А — 7 огтгп; 64 А — 90 тбр, 35 и 166 тп; 57 А — 254 тбр, 235 отбр, 234, 189 тп; 62 А — сводная танковая рота.

Немецкий писатель Эрих Вайнерт⁴⁶ в своем «Сталинградском дневнике» 14 января, находясь в Карповке, записал: «Карповка. Наступление бурно развивается. Как нам стало известно, западная часть “котла” уже отрезана гигантским клином, тянущимся с северной стороны долины речушки Россошки вниз, до Карповки. Дмитровка, Атаманская и Карповка взяты приступом...

Повсюду признаки паники. Немецкие солдаты бросают все и нисколько не беспокоятся о больных и раненых.

Большое село Карповка похоже на толкучку. Кудани глянь, везде опрокинутые пушки, поврежденные танки, стоящие поперек дороги грузовики. Во время бегства немцы пытались погрузить награбленное на уцелевшие машины и при этом потеряли добрую половину. Даже пулеметы оставили. Повсюду груды патронов, гранат, бомб»⁴⁷.

Несмотря на безысходность своего положения, все чаще охватываемый паникой противник упорно цеплялся за населенные пункты. Борьба развертывалась в трудных условиях. Крутили сильные метели. Морозы достигали -22° . Войска 64-й и 57-й армий завершили очищение от немцев восточного берега р. Червленной, а затем заняли железнодорожную станцию Карповская, разъезд Басаргино.

Части 21-й армии тем временем овладели населенными пунктами Новый Рогачик, Синеоковский, Жирноклеевка и отметкой 77,5, выйдя к исходу 14 января также на восточный берег реки Червленной.

Таким образом, в результате успешных наступательных действий наших армий 13—14 января 1943 года противник оказался выбитым с занимаемых им подготовленных позиций. Тем самым была сильно ослаблена система огня на южном фесе вражеской обороны. Кроме того, неприятельские части лишились возможности отсиживаться в утепленных землянках и в строениях населенных пунктов. На участке фронта Елхи, Ново-Алексеевский враг был выгнан в голую степь при морозе, доходившем до -25 — -27° , и лишен питьевой воды.

Немецкое командование старалось сохранить в своих руках аэродром в Питомнике, но все усилия врага сдержать линию фронта были бесплодны. Противник лишился сильных опорных пунктов от Большой Россошки до Бабуркина и Ново-Алексеевского. 14 января 214-я стрелковая дивизия 65-й армии продвигалась на юг, к аэродрому Питомник. Дивизия двигалась без тылов, спеша выполнить задачу. Туда же спешила 91-я отдельная танковая бригада полковника И.И. Якубовского. Эти соединения блокировали аэродром в ночь на 15 января.

На подступах к совхозу «Питомник» взору наступающих войск открылось необычное зрелище. Аэродром походил на гигантский муравейник. Сотни самолетов (а их оказалось более 370), автомашин, автобусов, зенитных орудий и другой техники, большие палатки с эмблемой Красного Креста были разбросаны на огромном заснеженном поле. Посреди этого хаоса умудрялись садиться самолеты, разгружались, загружались и снова взлетали. Для более заметного обозначения дороги к аэродрому немцы воткнули в снег копытами вверх отрубленные ноги павших лошадей: ужасные веши в ужасной битве.

Учитывая приказ командира 65-й армии о необходимости сохранить авиационную технику противника в целостности, было решено блокировать все подступы к аэродрому со стороны

Сталинграда, откуда продолжали прибывать автомашины с ранеными и больными немцами.

Все, что шло к аэродрому, танкисты 91 тбр быстро пропускали, за исключением танков и бронетранспортеров, которые расстреливали при подходе. Также поступали и с самолетами: совершать посадку не препятствовали, а взлетать не позволяли.

Утром к Питомнику подошли подразделения 27-й гвардейской, 23-й и 304-й стрелковых дивизий. Произошла встреча 65-й и 24-й армий. Общими усилиями сводная группа захватила аэродром со всей боевой техникой, которая там скопилась. Немало взяли и пленных. Здоровых отделили от раненых, организовали обслуживание последних силами самих же пленных. Вскоре противник попытался отбить аэродром, но потерпел неудачу. 16 января Питомник окончательно перешел под контроль советских войск. Снабжение окруженной группировки еще более усложнилось.

Войска 64-й и 62-й армий активными действиями в северо-восточной части района окружения и непосредственно в Сталинграде сковывали силы противника и не позволяли перебрасывать их в западную часть «котла», где развертывалась борьба главных сил.

Штаб 6-й армии противника переместился из Гумрака еще ближе к Сталинграду, в район действий 71-й пехотной дивизии, где в глубокой балке по крутому откосу были оборудованы блиндажи. «Гартманштадт» — так называли немцы это новое место командного пункта армии, по фамилии командира дивизии фон Гартмана (после его смерти в бою командиром дивизии стал полковник Росске). «Снова сжигались документы и боевое имущество, — вспоминал В. Адам. — На новый командный пункт было взято только самое необходимое. Мы ехали по шоссе в немногих уцелевших автомашинах, маленькими группами, мимо тащившейся в город вереницы изголодавшихся, больных и раненых солдат, похожих на привидения. На вокзале в Гумраке мы попали в плотную толпу раненых. Подгоняемые страхом, они покинули лазарет на аэродроме и тоже устремились на восток. Остались лишь тяжелораненые и безнадежно

больные, эвакуация которых из-за недостатка транспортных средств была невозможна. Надежды вылечить их все равно не было. Паулюс приказал главным врачам оставлять лазареты наступающему противнику. Русские нашли и штабель окопавшихся трупов немецких солдат, которые несколько недель назад были навалены за этим домом смерти один на другой, как бревна. У санитаров не было сил, чтобы вырыть в затвердевшей, как сталь, земле ямы для мертвых. Не было и боеприпасов, чтобы взорвать землю и похоронить в ней погибших»⁴⁸.

Общее наступление всех наших войск возобновилось 15 января после короткой артиллерийской подготовки. К середине дня неприятельская оборона на бывшем среднем сталинградском обводе на участке Елхи, Западновка была прорвана.

Части противника, оборонявшие здесь средний обвод, в результате боев 15 января понесли тяжелые потери (до 6000 убитых и раненых), управление ими было в основном потеряно и, вопреки воле командования, они стали поспешно отходить к Сталинграду. Только на отдельных направлениях, используя заранее подготовленные промежуточные опорные пункты и группы подбитых танков, разбросанных по полю, неприятельские арьергарды пытались сдержать натиск наших войск.

К исходу 15 января силы Красной армии на отдельных направлениях продвинулись на 8—12 км. Преследование продолжалось весь день 16 января, что способствовало продвижению наших войск еще на 8—10 км. Было захвачено свыше 4000 пленных, 500 орудий, 370 пулеметов, 180 танков, 11 000 автомашин, а также вышеупомянутый аэродром Питомник с брошенными на нем самолетами.

К исходу 17 января 64, 57, 21, 65-я и 24-я армии вышли на ближние подступы к Сталинграду по линии Большая Россошка, хутор Гончара, Воропоново. Протяженность линии фронта по кольцу окружения составляла 110 км, а глубина его района сократилась с запада на восток на 33 км и составляла 20 км (до пос. Красный Октябрь). С севера на юг она равнялась 30 км. Общая площадь района окружения уменьшилась на 800 км² и составляла около 600 км². Войска противника, отступавшие на восток, заняли внутренний сталинградский оборонительный

обвод, продолжая оказывать упорное сопротивление. О полном разгроме врага еще не было и речи.

«Откуда же у него брались силы? Неужели не сказываются трудности с продовольствием? Все эти вопросы невольно вставали перед нами, — вспоминал Н.Н. Воронов. — Разведка доносила, что суточный рацион немцев состоит из 150 г хлеба, 65—70 г мяса или консервов, супа из конины и изредка 25—30 г масла. Но, по-видимому, при этом не учитывались какие-то тайные запасы продовольствия, которые имели немецкие соединения и части»⁴⁹.

Частично окруженную группировку еще продолжала снабжать германская авиация. С 10 по 17 января эскадрильи транспортных самолетов люфтваффе доставили окруженным войскам 736 тонн грузов. 736 тонн, вместо ежедневно требуемых 300. Начштаба армии генерал Шмидт гневно радировал в группу армий «Дон»: «Нас что, уже сдали?» Также уже позже стало известно, что окруженных немцев в «котле» было гораздо больше, чем первоначально предполагали наши разведорганы. Следовательно, боеприпасов и продовольствия у окруженных было больше. Но тогда об этом еще не знали.

Маршал артиллерии Н.Н. Воронов (это знание было присвоено ему 18 января 1943 г.) решил лично заняться изучением действительного положения окруженного врага и ежедневно стал уделять 2—3 часа для допроса пленных немецких офицеров и генералов. Кроме того, он хотел знать, как противник оценивает действия наземной и зенитной артиллерии Донского фронта.

Из показаний пленных было ясно, что среди окруженных росло недоверие к Гитлеру. Для усиления надзора за солдатами часть офицеров переселялась в их землянки.

Сильный голод и беззащитность от хорошо вооруженного и мощного противника привели к резкому падению боевой мощи и боевого духа немецких войск. Настроение упало. Жертвы выросли до гигантских масштабов. Дивизии доносили о «кровавых потерях» — до 70—80 % личного состава. Давка на сборных пунктах для раненых была ужасающей. Медикаменты и перевязочный материал были на исходе. Кругом рыскали мародеры.

Германское командование всячески запугивало свои войска, чтобы не допустить их сдачи в плен. В одном из приказов командующего 6-й армией в продолжение его приказа от 9 января говорилось:

«За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна — путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы же знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление; большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно: кто сдастся в плен, тот никогда больше не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод. Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентариев прогонять огнем. В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Главнокомандующий Паулюс»⁵⁰.

Разложение в войсках окруженной группировки продолжало расти. 20 января Паулюс вновь обратился к командованию группы армий и главному командованию сухопутных сил с новыми донесениями, в которых говорилось: «Боеспособность войск быстро снижается вследствие катастрофического положения с продовольствием, горючим и боеприпасами. Имеется 16 тыс. раненых, которые не получают никакого ухода. У войск, за исключением тех, которые действуют на волжском фронте, нет оборудованных позиций, возможностей для расквартирования и дров. Начинают отмечаться явления морального расположения. Еще раз прошу полной свободы действий, чтобы продолжать сопротивление, пока это возможно, или прекратить боевые действия, если их нельзя будет вести, и тем самым обеспечить уход за ранеными и избежать полного разложения»⁵¹.

Ответ главного командования вермахта был отрицательным. «Капитуляция исключена. Армии выполнять свою историческую задачу, чтобы своим стойким сопротивлением до

последней возможности облегчить создание нового фронта в Ростове и севернее и отвод кавказской группы армий»⁵².

Выполняя все требования командования, окруженные немецкие войска продолжали удерживать остающуюся у них территорию. На рубеже Орловка — Гумрак — Песчанка, прикрываясь укреплениями бывшего внутреннего обвода, противник сосредоточил все свои резервы. Бессмысленность этого сопротивления становилась все более очевидной и для самих окруженных, которые продолжали гибнуть тысячами.

Третий этап операции: с 18 января по 2 февраля 1943 года. Операция «Кольцо» успешно завершалась. Маршал артиллерии Н.Н. Воронов и генерал-полковник К.К. Рокоссовский решили закончить ликвидацию окруженного врага общим штурмом на всем фронте. Главный удар наносила 21-я армия на Гумрак, пос. Красный Октябрь, рассекая группировку противника на две части. Войска правого фланга 65-й армии, взаимодействуя с 21-й армией, наносили удар в направлении Александровка, северная окраина пос. Красный Октябрь. 24-я армия также наступала с запада. В северо-восточной части района окружения, как и раньше, должны были наступать 62-я и 66-я армии. План завершающего удара одобрила Ставка⁵³.

В период с 18 по 21 января производилась перегруппировка войск. Части 64, 57-й и 21-й армий, подошедшие непосредственно к внутреннему обводу, подтягивали отставшую артиллерию и готовились прорывать следующие оборонительные позиции противника. Войска 65-й и 24-й армий, сбивая прикрывающие отряды немцев, выходили к внутреннему сталинградскому обводу. Однако и в эти дни на левом фланге 21-й армии, а также в полосе наступления 65-й и 24-й армий, продолжались напряженные бои.

Сражения этих дней закончились тем, что противник на ряде участков был отброшен далее к востоку, и к исходу 21 января наша армия овладела селениями Гончара, Бородкин, Кузьмичи, Деревянный Вал и вышла на рубеж высот 155,0; 132,2; 101,4; 145,1; разъезд Деревянный Вал и северо-западных скагов высоты 144,4.

★

22 января войска Донского фронта возобновили наступление по всему фронту. Главную роль при взломе обороны врага играли артиллерия и пехота. Обогневой насыщенности ударов можно судить по тому, что в 22-километровой полосе наступления 64, 57-й и 21-й армий было сосредоточено 4100 орудий и минометов.

Наступательной группировке Донского фронта была поставлена следующая задача: ударом 21-й и 65-й армий расколоть и окончательно уничтожить прижатую непосредственно к городу и к Волге окруженную группировку противника.

К 21 января 1943 года в составе 21-й армии находилось 52 исправных танка. 1 огтпп имел 5 КВ, 4 Т-34 и один Т-70. В 5 огтпп находилось 13 КВ-1С, в 9 огтпп — 9 КВ-1С. 48 огтпп имел 20 тяжелых танков «Черчилль». 10, 14, 15-й танковые полки материальной части не имели. С 23 января 21А была передана доукомплектованная 121 тбр (45 Т-34, мспб в составе 40 активных штыков и одно противотанковое орудие).

За четыре дня боев наступавшие войска продвинулись на 10—15 км. Левофланговые соединения 21-й армии овладели важным опорным пунктом противника — Гумрак, перерезав здесь железную дорогу. Войска 65-й армии 25 января заняли опорные пункты Александровка, Городище. 64-я и 57-я армии, наступавшие с юга от Сталинграда, прорвали германскую оборону на внутреннем обводе и, разгромив гарнизоны врага в Купоросном, Ельшанке, Песчанке, на ст. Воропоново, в селе Алексеевка, на ст. Садовой, продвигались на восток и северо-восток. В эти дни немецкий писатель Эрих Вайнерт сделал следующую запись в своем фронтовом дневнике: «Последние остатки котла распадаются, 6-я полевая армия сосредоточилась на краю Сталинграда и в Городище. Над степью видны непрерывные вспышки, слышна канонада. Сотни орудий стреляют так, что можно оглохнуть.

Чем ближе подъезжаем к Сталинграду, тем ужаснее картина. По обочинам дороги сидят и лежат те, кто не мог уйти, — брошенные, разбитые, обмороженные. Один прислонился к столбу дорожного указателя и обнимает его. На столбе надпись: “Nach Stalingrad”. В овраге, ведущем к хутору Гончар,

вчера был, наверное, ад. Весь овраг усеян поврежденными и сгоревшими танками и машинами. Некоторые перевернуты. Сорванные башенные капоты и изорванные орудия преграждают дорогу. И на каждом шагу трупы и части человеческих тел.

... Позади нас, в овраге, гремят орудия, наведенные на последние укрепления Сталинграда. Страшные “катюши” шумят так, что содрогается земля»⁵⁴.

За 16 дней (с 10 по 25 января), по советским данным, немцы потеряли свыше 100 тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Территория, занимаемая противником, сократилась до 100 км². Ее протяженность с севера на юг составляла 20 км, а с запада на восток — всего 3,5 км. Войска Донского фронта подобралась к предместьям Сталинграда и готовились начать сражение за город. К исходу 24 января, преследуя неприятеля, части 64-й и 57-й армий уже подошли к юго-западной и западной окраинам Сталинграда. С утра 25 января начались ожесточенные уличные бои.

Оперативный отдел штаба 6-й полевой армии 24 января в 16.45 передал радиограмму Манштейну. Ее текст достаточно трезво оценивает существующую на тот момент трагичную для немцев оценку обстановки: «Непрекращающиеся интенсивные атаки по всему западному сектору. Сдерживающие бои наших сил в районе Городище с 24-го числа с последующим их отходом на восток для организации круговой обороны в районе тракторного завода. В южной части Сталинграда до 16 часов западный сектор удерживал оборону на линии 45,8 — западные и южные окраины Минина. Здесь имеют место локальные вклинения противника. Состояние обороны на Волге и в северо-восточном секторе — без изменений. Ужасные сцены ближе к центру города — 20 тыс. раненых без медицинской помощи ищут убежища в руинах домов. Еще столько же истощенных голодом, обмороженных и пострадавших от минно-взрывных травм, большинство — без оружия, утраченного в боях. По всей площади города ведется сильный артобстрел. Под командованием решительных генералов и храбрых офицеров, вокруг которых группируются еще немногие боеспособные солдаты,

сопротивление в южной части Сталинграда будет продолжаться до 25.01. Тракторный завод, вероятно, сможет продержаться немного дольше. Начальник оперативного отдела штаба 6-й армии».

24 января Паулюс еще раз по радио доносил в германскую Ставку: «Докладываю обстановку на основе донесений корпусов и личного доклада тех командиров, с которыми я мог связаться: войска не имеют боеприпасов и продовольствия; связь поддерживается только с частями шести дивизий. На южном, северном и западном фронтах отмечены явления разложения дисциплины. Единое управление войсками невозможно. На восточном участке изменения незначительные. 18 тыс. раненым не оказывается даже самая элементарная помощь из-за отсутствия перевязочных средств и медикаментов. 44, 76, 100, 305-я и 384-я пехотные дивизии уничтожены. Ввиду вклинения противника на многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию. Паулюс»⁵⁵.

Гитлер ответил на следующий день. «Запрещаю капитуляцию! — радировал он. — Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона!»⁵⁶

Германский «фюрер» лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Совершенно серьезно рассматривалась идея отправить в Сталинград танковый батальон, вооруженный новейшими танками Pz.Kpfw.V «Пантера», которому надлежало прорвать советскую оборону и атаковать Сталинград для обеспечения снабжения и усиления 6-й армии танками. Но даже приближенные Гитлера понимали всю абсурдность подобного плана.

Командование 6-й армии продолжало беспрекословно подчиняться приказам Гитлера, обрекая на гибель свои войска и бесцельно затягивая кровопролитные бои.

Среди германских генералов также не было единства по поводу продолжения дальнейшего сопротивления.

25 января командир 51-го армейского корпуса генерал-лейтенант фон Зейдлиц-Курцбах и командир 4-го армейского корпуса полный генерал от артиллерии (генерал-полковник) Пфеффер посетили генерал-полковника Паулюса на его новом КП в здании универмага (командующий 6 А со своим штабом перебрался туда 25 января. — *Примеч. авт.*). Оставшись вследствие сокращения численности войск и реорганизации порядка подчинения без командной власти, они требовали от Паулюса прекратить бессмысленное сопротивление.

Паулюс ответил: «Страдания армии беспокоят меня не меньше, чем вас. Но нам не только ОКВ и ОКХ, а также и (командующий группы армий “Дон”. — *Примеч. авт.*) фон Манштейн ежедневно повторяют, что важен каждый день, выдержанный нами, чтобы выиграть время для создания нового фронта. Значит, теперь речь идет о том, чтобы мы своим упорством предотвратили крушение Восточного фронта, из-за которого и другие сильные части войск претерпели бы ту же судьбу, что и мы. Поэтому весь дальнейший ход войны решающим образом зависит от нашего поведения под Сталинградом».

Ничего не добившись, Зейдлиц самовольно отдал приказ дивизиям своего корпуса (видимо, он должен был быть расформирован, а соединения передавались в подчинение южной группе войск, что так до конца и не было осуществлено) расстрелять оставшиеся боеприпасы, а затем прекратить боевые действия. Это было в 23.00 25 января 1943 года (сам генерал Зейдлиц сдался советским войскам около 14.00 31 января в своем бункере. — *Примеч. авт.*).

Однако генерал-полковник Гейтс, командир 8-го армейского корпуса, запретил всякую формальную (согласно правовым нормам. — *Примеч. авт.*) капитуляцию и особо — вывешивание белых флагов.

Утром 26 января войска 21-й и 65-й армий обрушили решительные удары на врага. Навстречу им продвигались с боями соединения 62-й армии.

В первой половине дня южнее поселка Красный Октябрь и на Мамаевом кургане войска 21-й армии, выступавшие с запада, соединялись с войсками, наступавшими с востока. В то же

время войска правого фланга 65-й армии вели бои за поселок Красный Октябрь и на следующий день овладели его южной частью.

К исходу 26 января часть города к югу от реки Царица была полностью очищена от противника соединениями 64-й и 57-й армий. Соединения 21-й армии, сломив сопротивление врага северо-западнее города, вышли в район высоты 102,0 (Мамаева кургана) и соединились там с наступающей навстречу ударной группой 62-й армии.

Левифланговые армии фронта — 65, 24-я и 66-я — вышли на рубеж пос. Красный Октябрь, Б. Вишневая, р. Мокрая Мечетка.

Таким образом, 26 января войска противника были расчленены на две группы: южную — скованную в центральной и северо-западных частях города, и северную — зажатую в районе заводов «Баррикады» и Тракторный (СТЗ)⁵⁷. «Железное кольцо уничтожения все туже стягивалось вокруг того места, где завершалась ужасная трагедия обреченной на смерть армии»⁵⁸.

Противник все еще продолжал борьбу. В южной части города, окруженные 64, 57-й и 21-й армиями, находились остатки шести пехотных, двух моторизованных и одной кавалерийской дивизий⁵⁹. Войсками 62, 65-й и 66-й армий в северной части города были окружены остатки трех танковых, одной моторизованной и восьми пехотных дивизий вермахта⁶⁰. Паулюс назначил командующим северной группой войск командира 11-го армейского корпуса генерала пехоты Штреккера, а командующим южной группой войск — командира 71-й пехотной дивизии генерал-майора Росске (в некоторых немецких документах Росске именуют полковником; возможно, это связано с тем, что Росске руководил 71 пд всего несколько дней, так как предыдущий командир — генерал-лейтенант фон Гартман — 24 или 25 января был убит точной очередью советского пулеметчика. — *Примеч. авт.*). Фактически руководство южной группой осуществляли штаб 6-й армии и сам Паулюс, находившиеся в расположении этой группы.

В эти дни первые соединения противника начали складывать оружие в массовом порядке по инициативе своих командиров. Уже 25 января капитулировали окруженные 20-я румынская и 297-я немецкая дивизии противника, 26 января — армейский полк связи.

С 27 января начались бои по ликвидации расчлененных группировок. Немецкие солдаты и офицеры, несмотря на приказы старших командиров, большими группами сдавались в плен. 27 января сдались 44-я пехотная немецкая и 1-я кавалерийская румынская дивизии. Вместе с тем враг все еще не прекращал сопротивления. В южном секторе особенно упорная борьба шла за элеватор, хлебозавод, вокзал Сталинград-II, даргорскую церковь и прилегающие к ним здания. Войска 64, 57-й и 21-й армий с юго-запада и северо-запада сжимали кольцо окружения вокруг южной группировки противника. В ночь с 28 на 29 января левофланговые соединения 64-й армии, преодолев р. Царицу, вышли в центральную часть города. Враг был деморализован. Все чаще складывали оружие и сдавались в плен целые подразделения и части. 29 января сдалась 376-я пехотная дивизия вермахта. Были разгромлены 100-я легкая и 371-я пехотная дивизии. «Сдача в плен приняла массовый характер. Только за три дня, с 27 по 29.1.43 г., части 64-й армии взяли в плен 15 тыс. солдат и офицеров»⁶¹.

Полковник вермахта Бойе, награжденный многочисленными высокими наградами рейха, командир закаленного в боях 134-го пехотного полка «Хох-унд-Дойчмастер» из 44-й пехотной дивизии, неоднократно отмечавшийся во фронтовых сводках вермахта, вышел 27 января в подвале «здания ГПУ» к своим подчиненным и сказал: «У нас больше нет хлеба. Нет оружия. Я предлагаю капитулировать». Они согласились. И полковник, раненый, с температурой, вышел вместе с ними из развалин здания тюрьмы. До передовой на ж/д насыпи оставалось 50 метров. У тоннеля Царицынской балки стояли остатки дивизии генерал-лейтенанта Эдлера фон Даниэльса. Среди них — сам командир. Все без оружия. Все готовы капитулировать. Это было их печальное шествие. По обеим сторонам дороги стояли красноармейцы с автоматами на изготовку. Пленных

снимали на кинокамеры и фотоаппараты, затем грузили на автомобили, и они исчезали на русских просторах.

С нашей стороны очевидцем марша побежденных стал командующий 62-й армией генерал Чуйков: «Мы видели марш сотен военнопленных. Они шли к Волге и переправлялись затем через реку, за которую месяцами вели бои. Среди пленных были итальянцы, венгры и румыны. Солдаты и офицеры были истощены, их мундиры кишели насекомыми. Самое жалкое впечатление производили румынские солдаты: они были едва одеты, на это невозможно было смотреть. Они бежали босиком в 30-градусный мороз».

30 января войска 64-й и 57-й армий, расчленив южную группировку противника, вплотную подошли к центру города. Весь день шли здесь упорные бои. Войска левого фланга 64-й армии — 29-я стрелковая дивизия, 38-я мотострелковая бригада и 36-я гвардейская стрелковая дивизия — вели бои за центральную часть города. 7-й стрелковый корпус и 204-я стрелковая дивизии армии М.С. Шумилина уничтожали врага к северу от устья р. Царицы, вдоль берега Волги. Войска 21-й армии выступали с северо-запада.

38-я мотострелковая бригада полковника И.Д. Бурмакова, наступавшая на площадь Павших борцов, встретила здесь особенно упорное сопротивление противника из двух зданий на улице Ломоносова. «Из допроса пленного, назначенного при овладении одним из зданий, было установлено, что эти здания являются опорными пунктами на подступах к Центральному универмагу, в подвале которого размещается штаб 6-й немецкой армии во главе с командующим»⁶². Наступающие подразделения, прорываясь к площади Павших Борцов, первоначально должны были очистить от врага здания, где раньше находились обком ВКП(б) и облисполком, а также прилегающие к ним дома. Это задача была выполнена. Штурмом взяли воины остатки зданий городского театра и Дома Советов, расположенных на площади Павших Борцов. Вскоре площадь была полностью очищена от немецких солдат.

38-я стрелковая бригада во взаимодействии с 329-м инженерным батальоном ночью с 30 на 31 января блокировала

здание универмага. Телефонные провода, идущие из штаба 6-й армии, были перерезаны. Наступил рассвет.

Однако радиобмен информацией между окруженной группировкой Паулюса и вышестоящими германскими инстанциями активно продолжался. Еще вечером 30 января из Сталинграда в эфир ушла трагическая и циничная радиограмма: «Группе армий “Дон”. Положение с продовольствием вынуждает не выдавать его раненым и больным, чтобы его хватало активным бойцам. Оперативный отдел штаба 6-й армии». Тем не менее 31 января в 01.30 Гитлер приказал начальнику генштаба радировать в Сталинград: «Фюрер обращает ваше внимание на необходимость удержания крепости Сталинград. Важен каждый день этой борьбы».

К Паулюсу, находившемуся в одной из комнат подвала универмага, между 6 и 7 часами вошел начальник штаба генерал Шмидт. Он подал командующему лист бумаги со словами: «Поздравляю Вас с производством в генерал-фельдмаршалы». Это была последняя радиограмма, полученная в «котле» от Гитлера (это была радиограмма из ОКХ за подписью начальника штаба сухопутных войск Цейтлера, она имела следующее содержание: «Фюрер произвел вас в чин генерал-фельдмаршала». — *Примеч. авт.*). Затем генерал Шмидт добавил: «Кстати, русские стоят непосредственно перед универмагом».

Высшее в вермахте воинское звание было присвоено Ф. Паулюсу не случайно. Этим шагом его как бы подталкивали к самоубийству, ибо по неписанной прусской традиции германские фельдмаршалы никогда в плен не сдавались. Но командующий 6-й армией к прусскому дворянству не принадлежал, никогда приставку «фон» не носил и поступил иначе.

Ведомый инстинктом выживания он, конечно, желал капитулировать, чтобы сохранить свою жизнь. Но, с другой стороны, а если, несмотря на поражение под Сталинградом, в войне победит Германия? Тогда высока вероятность того, что его будут судить как изменника (что и произошло с некоторыми нашими генералами. — *Примеч. авт.*). Нельзя сбрасывать со счетов также судьбу семьи Паулюса (находившуюся в Германии), которая зависела от поведения «новоиспеченного»

фельдмаршала. Поэтому Паулюс, спасая свою жизнь и репутацию, поступил по известной формуле — «и нашим, и вашим». Гитлеру он послал телеграмму следующего содержания: «6-я армия, верная присяге Германии, сражаясь до последнего человека и последнего патрона и осознавая свою важную и высокую миссию, стояла до последнего за фюрера и отечество». Одновременно с этим (утром 31 января стало окончательно ясно, что штаб армии в здании универмага оборонять больше нет возможности) он через начальника штаба генерала Шмидта поручил Росске и зондерфюреру Нейдхарту войти в контакт с советским командованием и инициировать неофициальную капитуляцию командующего 6-й армией. «Неформальная» капитуляция, то есть «без церемоний» — без оформления протокола о капитуляции и без официального протокола (он сдался в плен со своим штабом, но не со своей армией. — *Примеч. авт.*), нужна была Паулюсу для того, чтобы формально не нарушать приказы Гитлера, касающиеся обороны и «крепости Сталинград».

Выполняя приказ Шмидта, из подвала универмага вышел переводчик с белым флагом и, подойдя к стоящему совсем близко, в переулке, советскому танку Т-34, заявил его командиру о готовности немецкого командования вести переговоры с советским командованием⁶³. Слова, по всей видимости, были следующие: «Повышение в звании и ордена вам обеспечены. Вы будете первыми, кому сдастся в плен наш командующий». Танкист по радио немедленно связался со своим руководством.

К зданию универмага пошли начальник оперативного отделения штаба 38-й мотострелковой бригады старший лейтенант Ф.М. Ильченко вместе с лейтенантом А.М. Межирко, несколько автоматчиков и переводчик-доброволец из пленных немцев, переодетый в советскую военную форму. Сразу к зданию универмага подойти не удалось — группа нарвалась на минное поле и пошла в обход через улицу Островского.

По воспоминаниям Ф.М. Ильченко, «...улица Островская была обмотана колючей проволокой, утыкана крестами офицерских могил. Офицер-немец с белым флагом, встретивший нас у ворот, провел во двор. Перед нашими глазами на грязном окровавленном льду и снеге лежали сотни солдат. У многих на

ногах были огромные соломенные чоботы. С другой половины двора на нас смотрели чужие внимательные глаза. Среди этих взглядов я поймал несколько злобных, с волчьим оскалом, а в остальных — тупое безразличие. В груди что-то вспыхнуло. Нет, это была не радость победителя, она пришла несколько позже. Просто теперь я уверовал, что сюда через простреливаемую площадь шел не зря. По радио я доложил комбригу полковнику И. Д. Бурмакову о своем местонахождении и о предложении офицера с белым флагом (оказалось, это был адъютант командира 71 пд Росске) спуститься в подвал, где размещается штаб 6-й армии. Внимательно выслушав меня, Бурмаков ответил решительным тоном:

— Успехов вам, действуйте!

Тот же немецкий офицер каким-то виноватым тоном попросил сдать оружие и в подвал идти одному. Смерив его взглядом, в котором выразил превосходство нашей силы и гордость победителя, кивнул Межирко:

— За мной. И вы тоже со мной, — приказал я автоматчикам, крепко державшим ПППШ на груди.

Несколько грязных ступенек — и мы в длинном полутемном коридоре. Там было сыро, грязно и зловонно. Нас преследовал запах разложения, давно немых людских тел. В полутьме тускло виделись сотни изможденных небритых лиц, металл давно неухоженного оружия. Расталкивая друг друга, немецкие офицеры спешили пропустить нашу группу вперед, освободить дорогу. Страх загнал их сюда, в зловонный подвал, тех, кто считался когда-то цветом самой сильной, самой прославленной армии вермахта. Страх двигал сейчас суетливыми поступками этих недавно надменных лощеных офицеров. Сухо щелкнул выстрел, затем другой, третий. Я невольно схватился за кобуру, полукругом встали автоматчики. Но переводчик виновато поспешил сообщить: самоубийцы. Наконец коридор пройден. Я и лейтенант Межирко вошли в комнату генерала Росске. Через мгновение в эту комнату вошел начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант Шмидт. Еще одна дверь... За ней кабинет командующего генерал-фельдмаршала немецкого вермахта Паулюса.

... Войдя в его комнату, тускло освещенную огарком свечи и слабо светящейся лампой, неуютную и сырую, я увидел, что фельдмаршал лежал на топчане без мундира, в рубашке. При нашем появлении он поднялся и сел. С нами не поздоровался. Внешне он выглядел неприглядно: высокий, тощий, лицо подергивалось, и правый глаз будто все время подмигивал. Вид явно измученного и болезненного человека. О чем он думал в эти минуты? О тысячах ни за что погибших людей? Или об отказе фюрера на его просьбу о капитуляции? Вместо оказания помощи ему сообщили о присвоении звания фельдмаршала. Но теперь все равно. Все кончено.

Паулюс то шагал по комнате, то ложился на топчан. Лицо его дергалось в нервном тике. Хотел, видимо, забыться от всего этого кошмара.

Выслушав начальника штаба о требованиях русских офицеров, Паулюс устало кивнул головой и тихим голосом распорядился:

— Переговоры о капитуляции вести генералу Росске, но ее примет представитель штаба фронта.

В оставшиеся секунды я еще раз бросил внимательный взгляд на Паулюса, на его жилище в подвале Сталинградского универмага. Железная койка отгорожена от кабинета ширмой. Стол, несколько стульев, кушетка, покрытая вязаной зеленой скатертью, аккордеон.

Вернувшись на НП, сообщил командиру бригады И.Д. Бурмакову о посещении универмага и о согласии германского командования капитулировать. В свою очередь, о событиях и делах в штабе 6-й армии и о просьбе фельдмаршала Паулюса переговоры о капитуляции вести с представителем штаба фронта, а также о моих действиях комбриг доложил командующему 64-й армией Михаилу Степановичу Шумилу. Мне он приказал полностью окружить универмаг и усилить его охрану.

Снова в третий раз я пошел через площадь. Но на этот раз веселее — с телефонистом, радистами, автоматчиками.

Снова спустился в подвал, сообщил Росске, что скоро придут официальные представители штаба армии. У ворот уни-

вермага, у входа в подвал, на лестнице рядом с немецкими часовыми встали советские воины.

Около восьми утра в штаб 6-й армии прибыли офицеры 38-й бригады капитаны Л.П. Морозов, Н.Ф. Гриценко, Н.Е. Рыбак, а затем заместитель командира бригады по политчасти подполковник Л.А. Винокур в сопровождении примерно 30—35 автоматчиков. С генералами Росске и Шмидтом была достигнута договоренность послать вдоль фронта на легковой автомашине представителей обеих сторон и через мощную громкоговорящую установку объявить о прекращении огня. В 8 часов пятнадцать минут утра прибыли офицеры штаба 64-й армии: полковник Г.С. Лукин — начальник оперативного отдела 64А, майор И.М. Рыжов — начальник разведотдела 64А, подполковник Б.И. Мутовин — заместитель начальника штаба 64А по политчасти.

В комнате начальника штаба 6-й немецкой армии в это время находились Шмидт, его адъютант, командующий южной группировкой Росске, его начальник штаба, переводчик и адъютанты — всего семь немецких офицеров. Они встали, приветствовали делегацию и представились.

На требование советских командиров проводить их немедленно к генерал-фельдмаршалу Паулюсу немецкий переводчик от имени генерал-лейтенанта Шмидта ответил, что Паулюс находится в отдельной комнате и в данное время армией не командует, так как она расчленена на отдельные боевые группы.

Тогда делегация из 64-й армии предъявила генералам Шмидту и Росске ультиматум о немедленном прекращении сопротивления и о полной капитуляции южной группы войск. Условия капитуляции были приняты и немедленно доведены до частей и соединений. Почти на всех участках немцы массами стали сдаваться в плен. Только в районе школы, 600—700 м южнее штаба Паулюса, вела стрельбу германская рота, полуокруженная советскими войсками. По указанию полковника Г.С. Лукина в расположение немецкой роты к зданию военторга поехал начальник разведотдела 64-й армии майор И.М. Рыжов.

Сев в машину, он в сопровождении трех немцев отправился в расположение переднего края обороны. Подъезжая к постам

советских частей, майор Рыжов приказал прекратить огонь. Когда машина приблизилась к зданию школы, оттуда был вызван немецкий офицер, руководящий обороной. Ему передали распоряжение Росске немедленно прекратить стрельбу, так как ведутся переговоры об общем прекращении военных действий. Это распоряжение было тут же выполнено. Опорных пунктов немцев в расположении южной группы больше не осталось, и делегация на автомашине вернулась в штаб Росске. Было около 9 часов утра»⁶⁴.

В 8 часов 55 минут в подвал универмага прибыл уполномоченный глава делегации по ведению переговоров о капитуляции 6-й армии начальник штаба 64-й армии генерал-майор И.А. Ласкин. Он вторично объявил условия капитуляции и предложил командующему южной группой генерал-майору Росске подписать приказ о прекращении боевых действий и сдаче оружия. Эти требования были незамедлительно выполнены. Также Ласкин приказал перевести свои слова: «Господин генерал-фельдмаршал, я объявляю вас военнопленным. Прощу сдать ваше оружие». Паулус передал свой пистолет полковнику Адаму, а тот — генералу Ласкину. Паулусу было разрешено взять с собой начальника штаба Шмидта, первого адъютанта 6-й армии Адама (функции адъютанта в германской армии были связаны с ответственной кадрово-штабной работой и совсем не соответствовали назначению адъютанта в Красной армии, который представлял некий симбиоз денщика и ординарца. — *Примеч. авт.*), двух офицеров-ординарцев, личного врача, денщиков и личные вещи. На сборы к отъезду отводился один час. Наблюдение за выполнением ультиматума о немедленной капитуляции войск возлагалось на подполковника Мутовина и майора Рыжова, а со стороны немецкого командования — на генерал-майора Росске.

Генерал-майор Ласкин предложил Паулусу отдать распоряжение северной группе войск о прекращении сопротивления.

Паулус тяжело вздохнул и медленно ответил, что, к сожалению, он не может принять данное предложение, так как в настоящее время он является военнопленным и его приказы

недействительны. Отказом ответил он и на повторное предложение отдать приказ сложить оружие войскам северной группы под командованием командира 11-го армейского корпуса генерала К. Штреккера, обосновывая свой отказ теми же мотивами. Наши представители видели, что принятие отрицательного решения привели генерал-фельдмаршала в нервное возбуждение, левая часть лица заметно подергивалась, руки дрожали, и он им не находил места. К 12 часам дня генерал-фельдмаршал Паулюс, генерал-лейтенант Шмидт и группа старших офицеров штаба 6-й армии были доставлены в штаб 64-й армии в Бекетовку. Перед выходом из подвальной комнаты генерал-лейтенант Шмидт передал приказание разминировать окна, выходную дверь во двор и ворота.

Около полудня 31 января 1943 года в кабинет командира 64-й армии генерала М.С. Шумилова ввели Паулюса, Шмидта и Адама (полковник Адам — первый адъютант 6-й армии — начальник армейского управления кадров). С ними была проведена ознакомительная беседа, а затем высокопоставленных военнопленных повели на обед.

К 19 часам тройца была отправлена в штаб Донского фронта — на следующий допрос.

Подполковник Мутовин остался в районе универмага с генерал-майором Росске до конца разоружения южной группы, которое завершилось к исходу 31 января 1943 года. Вечером Росске и его штаб также были доставлены подполковником Мутовиным в распоряжение 64-й армии.

Узнав о том, что Паулюс все-таки сдался в плен, Гитлер пришел в бешенство. Он всячески поносил новоиспеченного фельдмаршала, обвиняя его в малодушии. В северную группу генерала К. Штреккера был передан приказ сражаться до последнего патрона, умереть, но в плен не сдаваться.

31 января закончилась ликвидация всей южной группы германских войск в составе частей 113, 44, 295, 71-й пехотных, 14-й танковой и 29-й моторизованной дивизий. Многие тысячи солдат и офицеров немецкой армии, достигшие великой русской реки Волги, пожалы плоды преступного авантюризма своих политических и военных руководителей. В Сталинградском

дневнике антифашиста Эриха Вайнерта за 1 февраля 1943 года сделана следующая запись:

«По пустынной, унылой проселочной дороге из Вертячего на север тянутся бесконечные вереницы пленных. Они идут на железнодорожную станцию. Все плетутся согнувшись, тяжело волоча ноги. С растрепанных бород свисают сосульки. Головы и плечи обернуты всем, что попало под руку, — старым тряпьем, мешками, войлоком; кожаные сапоги или босые ноги обвязаны соломой. Вслед за ними ползет грузовик, подбирающий тех, кто не может идти. Когда кто-нибудь падает, никто из пленных даже не оборачивается. Конвойные должны поднимать их на машину.

Я кричу:

— Эй, земляки, радуйтесь, что остались живы! Гитлер и его военачальники обрекли вас на гибель: ведь вы им больше не нужны.

— Мы рассчитаемся с ними! — кричат некоторые и поднимают кулаки.

— У нас была уже такая возможность, прежде чем сотни тысяч людей отправились на тот свет. Теперь вы не имеете никакого права жаловаться.

Они ничего не ответили, только стали поправлять свои лохмотья.

И жалкая толпа побрела дальше.

Я долго смотрел вслед этому печальному шествию, пока оно не исчезло в снежной мгле»⁶⁵.

Необходимо было силой оружия ликвидировать и северную группу противника, командуя которой генерал Штреккер — командир 11-го армейского корпуса вермахта — отказался дать приказ о капитуляции. Эту задачу осуществляли войска 62, 65-й и 66-й армий. Под их натиском немцы отходили в северную часть города — в район Сталинградского тракторного завода и «орудийного» завода «Баррикады». Именно туда, где на исходе лета прозвучали первые выстрелы в сражении за Сталинград. Где все это началось, там же и закончилось.

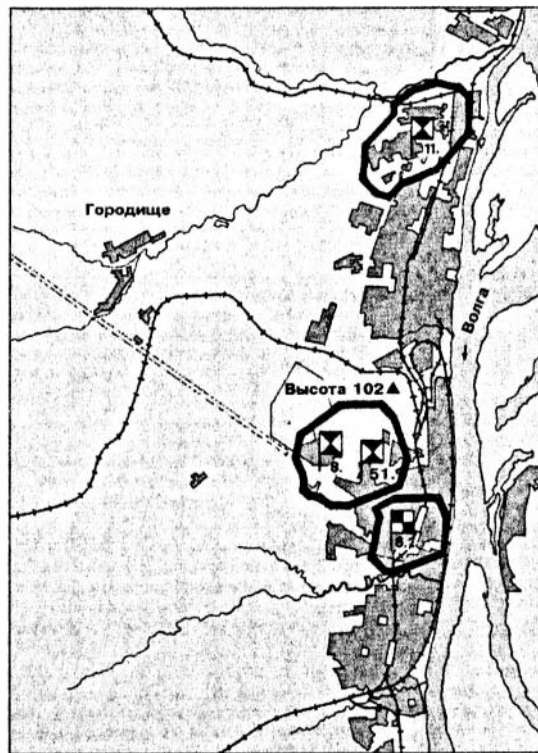
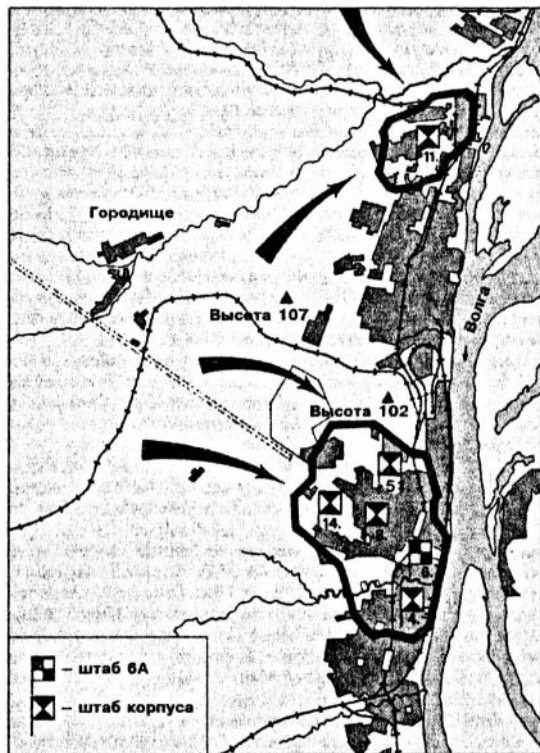
Несмотря на то что бои в руинах уже не имели более никакого военного значения, Гитлер отправил Штреккеру радиограм-

му: «Я ожидаю, что северный сектор окруженного Сталинграда будет держаться до последнего. Каждый день, каждый час, выигранный за счет стойкости, окажет решающее благоприятное воздействие на обстановку на других фронтах». Но 11-й армейский корпус уже агонизировал. В ночь на 2 февраля Штреккер сидел на КП боевой группы полковника Юлиуса Мюллера. В 4.00 два генерала из его (Штреккера) корпуса настаивали на том, чтобы прекратить все боевые действия. Предварительно они условились с одним из командиров советской дивизии о прекращении огня к 4.30. Штреккер сказал: «Делайте то, что вы считаете правильным», — и ушел. А в 8.40 командир 11-го армейского корпуса вермахта передал в свою ставку радиogramму: «11-й корпус в составе своих шести дивизий выполнил свой долг».

1 февраля на врага был обрушен мощный удар артиллерии, который был тщательно подготовлен. Всего на шестикилометровом участке было сосредоточено около 1000 орудий и минометов со средней плотностью 170 стволов на 1 км фронта. А на участке 27-й гвардейской стрелковой дивизии плотность артиллерии была доведена до 338 орудий и минометов. Всю ночь работали артиллеристы. Местами они ставили орудия почти вплотную. Пушки стояли в две линии. Вторая линия — в виде яруса.

1 февраля на НП было необычное оживление. Наблюдательный пункт армии оборудовали в основании насыпи окружной железной дороги. Стереотрубы вывели сразу между шпалами. Прибыли Рокоссовский, Воронов, Телегин, Казаков. Все захотели видеть могучую работу артиллерии: только в 214-й дивизии восемь артполков усиления, свыше сотни орудий стояли на прямой наводке.

И вот вся эта мощь загрохотала. После трех-пяти минут из блиндажей, из подвалов, из-под танков начали выскакивать, выползать немцы. «Одни бежали, другие становились на колени, обезумев, вздымали к небу руки. Некоторые бросались обратно в укрытия, скрывались среди столбов из дыма и взвихренного камня и снова выскакивали»⁶⁶. Артиллерийская подготовка велась на участках наступления всех трех армий.

Очаги немецкой обороны в Сталинграде: слева – положение на 26 января 1943 года, справа – изменение обстановки с 28 января по 2 февраля 1943 года

Одновременно на противника обрушила бомбовые удары авиация. Германская оборона разваливалась.

1 февраля 1943 года в состав 62-й армии были переданы 90-я танковая бригада и 5-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва «Советский полярник». Они были сосредоточены: 90 тбр — в составе 5 танков Т-34, одного танка Т-60 и одного танка Т-70 в районе улицы Орджоникидзе — для совместных действий с 45 сд с задачей освободить завод «Баррикады»; 5 огтпп — в составе 7 танков КВ-1С в районе клуба им. Ленина — для совместных действий с 284 сд в направлении завода «Баррикады».

2 февраля танки этой группировки начали последнюю наступательную операцию в битве за Сталинград. В 09.00 КВ-1С и Т-34 двинулись в атаку. Встречая слабое сопротивление противника, подразделения 45-й и 284-й стрелковых дивизий овладели заводом «Баррикады» и соединились с частями, действующими с севера.

В 10.00 боевые действия были прекращены, а танки расположились в районе клуба им. Ленина, где приводили материальную часть и л/с в порядок.

В 11 часов 40 минут 2 февраля 1943 года в районе Сталинградского тракторного завода танкисты 91-й танковой бригады полковника И.И. Якубовского из 65-й армии соединились с бойцами 400-го пулеметного батальона лейтенанта Полякова из героической 62-й армии. Были освобождены поселок Баррикады и завод «Силикат».

Во время боев за поселок Баррикады танкисты 91 тбр и 67 гв. сд захватили блиндажи, в которых размещался штаб немецкого пехотного полка под командованием полковника Кайзера. Без приказа свыше германский полковник категорически отказывался капитулировать, уповая на то, что в плену может быть только «труп генерал-фельдмаршала Паулюса». Предъявленная Кайзеру фотография в армейской газете, на которой были изображены Рокоссовский, Воронов и другие наши командиры во время допроса плененного командующего, произвела на него потрясающее впечатление. Кайзер дрожащей рукой стал срывать с себя атрибуты германской военной

доблести и приказал личному составу своего полка сложить оружие.

2 февраля северная группа войск противника в составе 389, 94, 76, 305, 79-й пехотных дивизий, частей 113-й пехотной дивизии, 16-й и 24-й танковых и 60-й моторизованной дивизии в заводском районе города капитулировали. Свыше 40 тыс. немецких солдат и офицеров из 11-го армейского корпуса под командованием генерала Штреккера сложили оружие. Боевые действия на берегу Волги прекратились.

Наступила необычная тишина. Дымились остатки очагов пожаров. В течение нескольких дней немецкие солдаты-одиночки, которые во время боев отсиживались в заводских трубах и других укрытиях, ходили по развалинам города и спрашивали, где сдаются в плен русским.

Даже в Особый отдел 99-й краснознаменной стрелковой дивизии 62-й армии забрел один солдат и просил принять его в плен. Опытные командиры и солдаты Красной армии удивлялись, как быстро меняются времена. Немец пошел совсем другой, они стали какими-то тихими, угодливыми, куда девалась былая спесь. Несмотря на холодную погоду, германские солдаты были легко одеты. Это объяснялось просто — все награбленные теплые вещи они предусмотрительно оставляли на позициях, чтобы не вызвать гнев наших воинов. Теперь, как по команде, немецкие солдаты твердили: «Гитлер капут».

В ходе ликвидации окруженной группировки с 10 января по 2 февраля 1943 года войска Донского фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского разгромили 22 дивизии противника, а также свыше 160 различных частей усиления 6-й полевой и 4-й танковой армии и частей обслуживания. По уточненным данным, в том числе и немецких историков, в плен попало около 113 тыс. солдат и офицеров (иногда даже называют цифру в 130 тыс. человек) немецкой группировки (сам Паулюс, ссылаясь на советские данные, называл другую цифру — 107 800 человек: 16 800 — сдалось с 10 по 29 января, 91 000 — после прекращения борьбы), 24 (иногда называют цифру 22) генерала, один генерал-фельдмаршал⁶⁷. В окруже-

нии пало 70 200 чел. солдат и офицеров противника (иногда называют цифру 80 500 или даже 147 200) ⁶⁸.

В донесении Верховному главнокомандующему И.В. Сталину представитель Ставки маршал артиллерии Н.Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-полковник К.К. Рокоссовский сообщили: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.11.43 г. закончили разгром и уничтожение Сталинградской группировки противника.

...В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились» ⁶⁹.

Впоследствии генерал вермахта Дерр, также принимавший участие в Сталинградской битве, писал, что в 1942 году Сталинград стал поворотным пунктом Второй мировой войны. «Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой» ⁷⁰. С ним был согласен знаменитый Гейнц Гудериан: «...После катастрофы под Сталинградом в конце января 1943 года положение стало в достаточной степени угрожающим даже без выступления западных держав» ⁷¹.

Сам Гитлер 1 февраля 1943 года в узком кругу своих приближенных мрачно изрек: «Я могу сказать одно: возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе».

3 февраля 1943 года лейтенант люфтваффе Герберт Кунц из 100-й бомбардировочной авиагруппы кружил на своем Хе-111 над Сталинградом в качестве последнего немецкого пилота.

«Посмотрите, не идут ли где-либо еще бои, не видно ли еще людей, — сказал его командир, капитан Беттхер. — Если обнаружите, сбросьте им груз». Грузом был хлеб, шоколад, перевязочные материалы, немного боеприпасов. Кунц кружил над городом на высоте 2000 м. Ни единого выстрела зениток. Над степью навис плотный туман. Штурман Ганс Аннен посмотрел вниз на радиста Вальтера Кребса. «Ничего». Кунц прижал машину ближе к земле. Альтиметр показывал 100 метров, 80 метров... Стрелок-радист Паске смотрел во все глаза. И вот

туман снесло в сторону: на высоте всего лишь в 60 метров они скользили над изрытой взрывами и ходами сообщений степью, полем битвы.

Кунцрывком возвратил самолет на прежнюю высоту, ведя поиск дальше. «Вот-вот, разве это не люди там видны сквозь остатки тумана? Сбросить груз!» — скомандовал он. Груз выскользнул наружу. Буханки хлеба упали в снег Сталинграда. Рядом с мертвыми, застывшими от холода, и рядом с теми, кто еще был жив и ждал смерти.

Возможно, продукты и боеприпасы попали к одной из нескольких групп германских солдат и офицеров (например, из штаба 4-го корпуса и 71-й пехотной дивизии), которые пытались по ночам пробраться к своим. Тем более, что отдельные группы замечались в степи с воздуха экипажами самолетов вплоть до середины февраля. Однако в условиях 40-градусных морозов и отсутствия пропитания эти попытки не увенчались успехом. В германских источниках официально упоминается только об одном дошедшем — унтер-офицере с зенитной батареи по фамилии Нивете, которому удалось выйти из окружения. Но бедняге не повезло — через сутки после своего спасения он погиб на перевязочном пункте 11-й танковой дивизии от разрыва случайной мины.

Советские архивные документы также свидетельствуют о том, что очаговое сопротивление немцев в Сталинграде продолжалось и после 2 февраля 1943 года. Как отмечало командование войск НКВД по охране тыла, «немецко-фашистские бандиты», укрывавшиеся в блиндажах и окопах, продолжали оказывать вооруженное сопротивление вплоть до 15 февраля, а в отдельных районах — до 20 февраля 1943 года. Некоторые вооруженные «бандитские группы гитлеровцев» приходилось ликвидировать даже в марте. 7 февраля 1943 года дозором из двух бойцов 229-го отдельного стрелкового батальона внутренних войск НКВД в одном из подвалов разрушенного дома в Ерманском районе Сталинграда было обнаружено большое количество скрывающихся немцев. Получив подкрепление, красноармейцы приблизились к подвалу, однако были обстреляны из винтовок и автоматов. В результате было принято

решение об уничтожении скрывавшихся германских солдат. Скрытно подобравшись всем составом к подвалу, советские бойцы забросали его гранатами и открыли огонь из автоматов. В результате быстрых и решительных действий наряда из внутренних войск НКВД сопротивляющаяся группа немцев численностью до 150 человек была уничтожена. В тот же день разведывательно-патрульная группа в составе 10 бойцов 228-го отдельного стрелкового батальона внутренних войск НКВД во главе с командиром пулеметного взвода, младшим лейтенантом Ермаковым, при прочесывании местности в районе завода «Красный Октябрь» встретила 15 вооруженных немцев, которые на предложение сдаться открыли огонь. В результате короткого боя все они были убиты.

Два дня спустя в том же районе разведывательно-патрульная группа 228 осб НКВД под командой старшего сержанта Воробьева, прочесывая овраг, была обстреляна из винтовок и автоматов со стороны одного из блиндажей. Несмотря на предпринятые меры маскировки, при приближении наряда к блиндажу советские солдаты были забросаны гранатами. После этого старший сержант Воробьев, оставив в укрытии бойцов, скрытно подполз к блиндажу с тыла и также бросил в него гранаты. В результате боя 13 немцев были уничтожены, а 5 сдались в плен. И подобных примеров было очень много. Боевые группы противника, которые пытались выйти из окружения, нашими войсками, как правило, уничтожались.

Пленные, которые не погибли по дороге от ран и истощения, накапливались в 16 лагерях НКВД в районе Сталинграда. На 13 февраля было зафиксировано наибольшее их количество — 93 625 человек, из них 6669 офицеров. 24 пленных генерала содержались под усиленной охраной во внутренней тюрьме НКВД, в поселке СталГРЭС, в Бекетовке. Затем в конце января 1943 года вместе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом они были перевезены на небольшой степной хутор Заварыкино. Состояние германского генералитета было подавленное. Часть из них думали о самоубийстве, другие говорили только о еде. Наших специалистов, наблюдавших за немецкими военачальниками, особенно поразил начальник штаба 6-й армии генерал-

лейтенант Шмидт. Он все время беспокоился о своих вещах и, тщательно заворачивая в бумажки, прятал по карманам недокурные сигары. Ввиду постоянной угрозы нападения вражеских десантников с целью освобождения важных пленных, прежде всего самого Паулюса, их охрану осуществляли до двух батальонов войск НКВД. 20 февраля 1943 года спецпоезд, в котором находились 268 генералов и офицеров из группировки Паулюса, а также сам фельдмаршал, из Бекетовки был отправлен в город Красногорск Московской области, в лагерь НКВД СССР № 27⁷².

Победа Красной армии под Сталинградом вызвала всеобщий подъем советского народа. Это историческое событие вскоре отметили и непосредственные участники великой битвы. Перед строем частей зачитывался приказ Верховного главнокомандующего. Войска Донского фронта поздравлялись с успешным завершением ликвидации окруженных вражеских армий. Воинам фронта объявлялась благодарность за отличные боевые действия.

4 февраля 1943 года в Сталинграде, в центре города, среди развалин зданий, состоялся митинг⁷³. Вместе с воинами сюда пришли рабочие и служащие сталинградских предприятий⁷⁴, прибыли с первым поездом железнодорожники ст. Сарепта. В принятом обращении «К бойцам и командирам Южного и Донского фронтов» трудящиеся Сталинграда горячо благодарили воинов, отстоявших волжскую твердыню. Они поклялись восстановить город, возродить его для новой созидательной жизни.

Над Волгой и ее правобережьем установилась тишина. Сталинград вновь стал тылом в идущей войне. Фронт откатывался от него все дальше.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ ЦАМО РФ, ф. 132-а, оп. 2642, д. 32, л. 220.

² Батов П.И. В походах и боях. М., 1962, с. 234—235.

³ О разработке плана операции «Кольцо» подробно рассказывали Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов. См.

Воронов Н.Н. Операция «Кольцо»/Воен.-ист. журн. 1962. № 5, с. 71—84. С откликом на его статью выступил полковник Ф. Воробьев, уточнивший некоторые вопросы. См.: *Воробьев Ф.* Об операции «Кольцо», там же. № 11, с. 52—59.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д.31, д. 314—315.

⁵ Там же, д. 32, л. 225.

⁶ *Воробьев Ф.* Указ. соч., с. 55.

⁷ Великая победа на Волге. М., 1965, с. 442.

⁸ *Дёрр Г.* Поход на Сталинград. М., 1957, с. 120.

⁹ Кроме того, в составе войск фронта было 1323 противотанковых орудия и 1850 50-мм минометов.

¹⁰ Великая победа на Волге, с. 433.

¹¹ Там же, с. 444.

¹² Там же, с. 436.

¹³ Там же, с. 445—446.

¹⁴ *Воронов Н.* Указ. соч., с. 84.

¹⁵ *Видер И.* Катастрофа на Волге. М., 1965, с. 51, 53.

¹⁶ Там же, с. 55.

¹⁷ Там же, с. 56.

¹⁸ *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956, с. 260.

¹⁹ *Видер И.* Указ. соч., с. 68.

²⁰ Там же, с. 74.

²¹ Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 128; см. также: Из личного архива фельдмаршала Паулюса/Воен.-ист. журн. 1960. № 3, с. 92.

²² *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945 гг., с. 166.

²³ «В этих подсчетах не учтены 8000 лошадей, боеприпасы для стрелкового оружия всех видов, инженерное имущество, материалы для ремонтно-восстановительных работ, санитарное имущество, обмундирование и полевая почта, хотя без всего этого нельзя обойтись. Если учесть все это, то итог возрастает до 1200 т в сутки» (*Дёрр Г.* Указ. соч., с. 114).

²⁴ Там же, с. 117.

²⁵ Там же, с. 116—117.

²⁶ *Меллентин Ф.* Указ. соч., с. 167.

²⁷ Там же, с. 173.

²⁸ Hitlers Lagebesprechungen, s. 84.

²⁹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 2, с. 367.

³⁰ Из личного архива фельдмаршала Паулюса, с. 88.

³¹ *Вельц Г.* Солдаты, которых предали, с. 228—229, 232.

³² Там же, с. 233.

³³ Manstein E. von. Verlorene Siege. Bonn, 1955, s. 384.

³⁴ *Адам В.* Трудное решение. М., 1967, с. 278.

³⁵ Там же.

³⁶ *Видер И.* Указ. соч., с. 90.

³⁷ Там же, с. 90—91.

³⁸ Цит. по: *Вельц Г.* Указ. соч., с. 358.

³⁹ *Адам В.* Указ. соч., с. 303.

⁴⁰ *Воронов Н.* Указ. соч., с. 67.

⁴¹ См.: *Сафуллин Г.Б.* Первый белый флаг/Битва за Волгу, с. 207—208.

⁴² *Дерр Г.* Указ. соч., с. 119—120.

⁴³ Там же, с. 120.

⁴⁴ *Адам В.* Указ. соч., с. 304—305.

⁴⁵ *Батов П.И.* Указ. соч., с. 268.

⁴⁶ В декабре 1942 г. немецкие антифашистские писатели Эрих Вайнерт и Вилли Бредель вместе с Вальтером Ульбрихтом прибыли на Сталинградский фронт, где в своих выступлениях по радио и в листовках, обращенных к окруженным германским войскам, разъясняли требование советского командования о прекращении бесполезного сопротивления.

⁴⁷ *Вайнерт Э.* Помни Сталинград. Из дневника/Годы великой битвы. М., 1958, с. 421.

⁴⁸ *Адам В.* Указ. соч., с. 316.

⁴⁹ *Воронов Н.* Указ. соч., с. 69. Высказанное предположение подтверждается рассказом В. Адама о посещении им позиций 71-й пехотной дивизии. «Солдаты дивизии, — писал он, — были в значительно лучшем состоянии, чем солдаты на западном и южном участках “котла”. С начала окружения у них почти всегда были хорошо оборудованные позиции и ота-

пливаемые убежища и, как это ни удивительно, по-видимому, достаточное питание.

Вскоре, обходя подвал, наткнулся на ряд дверей, на которых болтались тяжелые висячие замки. Сопровождавшему меня унтер-офицеру я приказал открыть их. Он неохотно выполнил мое указание. Причина стала ясна, когда двери были открыты, и я увидел, что в помещениях спрятано довольно большое количество продовольствия. Очевидно, интенданты, а также ответственные за снабжение командирь, дали в ноябре неправильные сведения о запасах... Росске признал, что он, не проверив, положился на данные, представленные офицерами интендантской службы» (Адам В. Указ. соч., с. 340—341).

⁵⁰ Воронов Н. Указ. соч., с. 69.

⁵¹ Из личного архива фельдмаршала Паулюса, с. 90.

⁵² Там же.

⁵³ 18 января в 17 час. 00 мин. Москва сообщила по прямому проводу Н. Воронову: «Ставка Верховного Главнокомандования утверждает Ваш план дальнейших действий по операции “Кольцо”. Васильев» (ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 1711, д. 103, л. 242).

⁵⁴ Вайнерт Э. Помни Сталинград, с. 423—424.

⁵⁵ Дёрр Г. Указ. соч., с. 121.

⁵⁶ Видер И. Указ. соч., с. 124.

⁵⁷ «Вечером 26 января 6-я армия действовала двумя группировками: 11-й армейский корпус — в районе завода “Баррикады”; 4, 8-й и 51-й армейские корпуса и 14-й танковый корпус — непосредственно в Сталинграде южнее и севернее долины реки Царица» (Дёрр Г. Указ. соч., с. 121).

⁵⁸ Видер И. Указ. соч., с. 125.

⁵⁹ 71, 371, 295, 197, 100-я немецкие и 20-я румынская пехотные дивизии, 3-я, 29-я моторизованные германские дивизии, 1-я румынская кавалерийская дивизия.

⁶⁰ 16, 14-я и 24-я танковые дивизии, 60-я моторизованная дивизия, 94, 113, 389, 76, 376, 44, 79-я и 305-я пехотные дивизии.

⁶¹ Краткое описание пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим генерал-фельдмаршалом Пау-

люсом в Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 г. (Воен.-ист. журн. 1959, № 2, с. 88).

⁶² Там же.

⁶³ Адам В. Указ. соч., с. 351, 357.

⁶⁴ Воен.-ист. журн. 1959. № 2, с. 89.

⁶⁵ Вайнерт Э. Помни Сталинград, с. 425.

⁶⁶ Батов П.И. Указ. соч., с. 271—272.

⁶⁷ Сталинградская эпопея (рассекреченные документы ФСБ РФ). М., «Звонница-МГ», 2000, с. 284.

⁶⁸ Германская историография отмечает, что из «котла» авиацией было вывезено около 42 тыс. солдат и офицеров.

⁶⁹ Правда. 1943. 3 февраля.

⁷⁰ Дёрр Г. Поход на Сталинград. Пер. с нем. М., 1957, с. 15.

⁷¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. М., 1954, с. 265—266.

⁷² Епифанов А.Е. Сталинградский плен. 1942—1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). М., 1999, с. 48, 49.

⁷³ Во время этого митинга четко выявились противоречия между группами советских генералов, боровшихся за «всю славу Сталинграда». Больше всего самовосхвалением занимались в 62-й и 64-й армиях. Генерал-лейтенант К.А. Гуров, член Военного совета 62-й армии, во всех разговорах подчеркивал, что только армии, бывшие в Сталинграде (62 и 64А), могут считать себя защитниками Сталинграда. Поэтому о командующем Донским фронтом К.К. Рокоссовском на митинге просто не упомянули.

В 62-й армии имелся свой придворный писатель — военный корреспондент Н.Е. Вирта, которого в Москве писатели в шутку называли «Ум и мудрость Чуйкова».

С другой стороны, командарм 62А Чуйков терпеть не мог своего комдива из 13-й гвардейской дивизии Героя Советского Союза генерал-майора Родимцева. О Родимцеве много писали газеты, поэтому Чуйков и Шумилов (командарм 64А) завидовали ему.

Знаменитый писатель К. Симонов, вскоре после окончания операции побывавший у командующего 64-й армии, вспоминал:

«Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто — генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя к его славе».

Военный совет 62-й армии представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб Донского фронта телеграмму с отменой представления. Родимцев был почти единственным командиром соединения, не награжденным за Сталинград вскоре после окончания операции.

⁷⁴ После очистки города Сталинграда от германских войск в городе (без оставшегося под контролем Красной армии Кировского района и неоккупированной части Краснооктябрьского района) из 200 тыс. человек к началу оккупации на 1 апреля 1943 года было учтено 7655 человек.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА (основные)

1. Доклад штаба БТ и МВ Донского фронта о боевых действиях танковых войск фронта по разгрому Сталинградской группировки противника с 10 января по 2 февраля 1943 года (ЦАМО, ф. 206, оп. 284, д. 19, лл. 1—137).

2. Сталинградская эпопея (материалы и документы, раскритиченные ФСБ РФ). М., «Звонница-МГ», 2000. 492 с.

3. Битва под Сталинградом 17 июля 1942 — 2 февраля 1943. Военное издательство народного комиссариата обороны, 1944. 208 с.

4. Битва за Сталинград / под ред. А.А. Кольтюкова и Ю.П. Квятковского. М.-СПб, «Искусство России», 2002. 128 с.

5. Живая память (Великая Отечественная: правда о войне). В трех томах. М., Совет ветеранов журналистики России, Союз журналистов РФ, 1995, том второй (1942—1943). 608 с.

6. Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1960. 800 с.

7. Дегтярев П.А., Ионов П.П. «Катюши» на поле боя. М., Военное издательство, 1991. 238 с.

8. *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942—1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). М., 1999. 324 с.

9. *Матвеев А.И.* 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны (записки фронтового контрразведчика). М. «Ягуар», 2002. 208 с.

10. *Самсонов А.М.* Сталинградская битва (четвертое издание, исправленное и дополненное). М., «Наука», 1989. 630 с.

11. *Якубовский И.И.* Земля в огне. М., Воениздат, 1975. 568 с.

12. *Карель П., Бедеккер Г.* Восточный фронт (книга III). Сталинград. Крах операции «Блау». М., Эксмо, 2008. 592 с.

13. *Мюллер-Гиллебранд.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 годы. Том III. Война на два фронта. М., Воениздат, 1976. 416 с.

14. *Lannoy F.* La bataille de Stalingrad. Editions Heimdal, 1996. 168 p.

15. *Piekalkiewicz Janusz.* Stalingrad. Anatomie einer Schlacht. Muenchen, Wilhelm Heyne Verlag, 1981. 720 s.

СОДЕРЖАНИЕ

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Хронология героической битвы

(22 июня — 23 июля 1941 года)

НЕМЕЦКИЕ ПЛАНЫ.....	3
НАША ОБОРОНА.....	10
ВТОРЖЕНИЕ.....	39
ОТРАЖЕНИЕ АТАК.....	58
КОНТРУДАР.....	80
ЦИТАДЕЛЬ.....	94
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ.....	104
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	106

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

Победа в Сталинграде (10 января — 2 февраля 1943 года)

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ.....	108
ЛИКВИДАЦИЯ.....	142
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ.....	183
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА (основные).....	188

Научно-популярное издание
Забывтые страницы Второй мировой

Мощанский Илья Борисович

УТРАТА И ВОЗМЕЗДИЕ

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 14.07.2009. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 6. Тираж 5000 экз. Заказ № 307.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Эта книга посвящена двум наиболее значимым для каждого россиянина событиям Второй мировой войны: героической обороне Брестской крепости и конечной фазе в сражении за Сталинград – операции «Кольцо». И если в первом случае, несмотря на отчаянное сопротивление и невиданный героизм наших воинов, Красная армия потерпела поражение, то в Сталинградской битве расплачиваться за агрессию и разбой на территории нашей Родины пришлось уже немецким захватчикам – германский военный гений был посрамлен и унижен, 6-я полевая армия вермахта перестала существовать, а генерал-фельдмаршал Паулюс впервые в истории немецкой армии сдался в плен.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ISBN 978-5-9533-3965-0

9 785953 339650

